

ISSN 1818-9601 (Print)
ISSN 2541-8998 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Социология. Политология

2023

Том 23

Выпуск 4

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
SOCIOLOGY. POLITOLOGY

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Научный журнал
2023 Том 23

ISSN 1818-9601 (Print)

ISSN 2541-8998 (Online)

Издается с 2005 года

Серия Социология. Политология, выпуск 4

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962,
«Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Социология

Наберушкина Э. К., Бессчетнова О. В. Социальное самочувствие и социально-психологическая безопасность студентов с инвалидностью в мегаполисе

366

Калинникова М. В. Социальные практики экологического сознания: региональный аспект

373

Елютина М. Э., Неруш А. А. Отношение к практикам косяка в игровом сообществе молодых российских геймеров

379

Мохнаткина К. В. Региональная бедность: поколенческий аспект

386

Ивченкова М. С. Финансово-правовое обеспечение аналитических центров социальной информации в России и США

398

Покатов Д. В. Динамика и особенности процесса трансформации состава политической элиты в регионе транзитивного типа

407

Лысыкова Н. П. Уязвимость культурных кодов как угроза существования цивилизации

412

Mogilevich B. R. The evolution of the language personality's concept in the course of constructing social reality

[**Могилевич Б. Р.** Эволюция концепта «языковая личность» в процессе конструирования социальной реальности]

417

Терешонок Т. А. Особенности трудового поведения современной российской молодежи

421

Слово молодым социологам

Рыкова И. И. Карьера женщин в спорте в условиях пандемии COVID-19: социально-экономический аспект

427

Политология

Шестов Н. И. Цифровизация и патриотическое воспитание: конфликт двух базовых государственных стратегий формирования политической идентичности российской молодежи

433

Вилков А. А. Основные научные трактовки новых маркеров политической идентификации молодежи в современной России

441

Санжаревский И. И. Стратегическое планирование в государственном управлении как система институциональных инструментов и механизмов целеполагания

447

Пашковский П. И. Основные тенденции участия отечественных представительных институтов в государственном внешнеполитическом механизме

454

Слово молодым политологам

Румани М. Б. Проблемы ливанской демократии: издержки конфессиональной системы

461

Смирнова А. С. Угрозы гуманитарной безопасности в Латинской Америке

467

Сунь Есинь. Управление чрезвычайными ситуациями и глобализация: вызовы современности

474

Барановский Н. С. Использование видеонигр в патриотическом воспитании

482

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Социология. Политология» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76650 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (категория К2, специальности: 5.4.1; 5.4.2; 5.4.3; 5.4.4; 5.4.5; 5.4.6; 5.4.7; 5.5.1; 5.5.2; 5.5.3; 5.5.4)

Подписной индекс издания 36016. Подписку на печатные издания можно оформить в интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Журнал выходит 4 раза в год. Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (soziopolit.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Дударева Светлана Сергеевна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Дударева Светлана Сергеевна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, ул. Астраханская, 83
Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49, 52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.11.2023.

Подписано в свет 30.11.2023.

Формат 60×84 1/8.

Усл. печ. л. 14,41 (15,5).

Тираж 100 экз. Заказ 129-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует научные статьи на русском и английском языках по направлениям: Социология, Политология, а также материалы в разделе Хроника. Ранее опубликованные статьи, а также работы, представленные в другие журналы, к рассмотрению не принимаются.

Рекомендуемый объем публикации – от 0,5 до 1 п.л. (20–40 тыс. знаков, включая пробелы).

Статья должна содержать аннотацию (300–800 знаков), ключевые слова (до 10 слов), сведения об авторе (место работы (учебы), электронный адрес) на русском и английском языках, ORCID. Статья должна быть тщательно отредактирована и оформлена строго в соответствии с требованиями журнала: текст в формате MS Word для Windows, через один интервал, с полями 2,5 см, шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14, для вспомогательного – 12. Сноски оформляются как примечания в конце статьи. Нумерация сносок через верхний индекс. Более подробная информация о правилах оформления статей приведена вместе со стилевым файлом и правилами рецензирования по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru/dlya-avtorov>

Рукописи, оформленные без соблюдения настоящих правил, редакцией не рассматриваются.

Для публикации статьи автору необходимо представить в редакцию:

- текст статьи в электронном виде;
- сведения об авторе (на русском и английском языках): имя, отчество и фамилия, ученая степень и научное звание, должность, место работы (кафедра, организация), адрес электронной почты.

В редакции журнала статья подвергается рецензированию. Статья, направленная автору на доработку, должна быть возвращена в исправленном виде в течение трех недель.

Договор с автором заключается после получения положительной рецензии.

Статьи и сведения об авторах следует присылать в редколлегия серии в электронном виде по адресу: BegininalA@info.sgu.ru (социология) и vil57@yandex.ru (политология).

Оригинал договора – почтой по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, социологический факультет, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Серия Социология. Политология».

После выхода из печати номер журнала размещается на сайте по адресу: <https://soziopolit.sgu.ru>

Авторские экземпляры и рассылка журнала авторам статей не предусмотрена.

Материалы, отклоненные редколлгией, не возвращаются.

CONTENTS

Scientific Part

Sociology

- Naberushkina E. K., Besschetnova O. V.** Social well-being and socio-psychological security of students with special needs in metropolis 366

- Kalinnikova M. V.** Social practices of environmental consciousness: Regional aspect 373

- Elyutina M. E., Nerush A. A.** Attitude towards cosplay practices in the gaming community of young Russian gamers 379

- Mokhnatkina K. V.** The regional poverty: Generation aspect 386

- Ivchenkova M. S.** Financial and legislative support of the think tanks in Russia and the USA 398

- Pokatov D. V.** The dynamics and features of the transformation process of political elite composition in the region of the transitive type 407

- Lysikova N. P.** Vulnerability of cultural codes as threat to the existence of civilization 412

- Mogilevich B. R.** The evolution of the language personality concept in the course of constructing social reality 417

- Tereshonok T. A.** Features of labor behavior of modern Russian youth 421

New Voices: Young Sociological Scientists' Research

- Rykova I. I.** Women's careers in sports during the COVID-19 pandemic: Socio-economic aspect 427

Politology

- Shestov N. I.** Digitalization and patriotic education: Conflict of two basic state strategies to form political identity of Russian youth 433

- Vilkov A. A.** Basic scholarly interpretations of new markers of political identification of youth in modern Russia 441

- Sanzharevskiy I. I.** Strategic planning in public administration as a political system of institutional instruments and goal-setting mechanisms 447

- Pashkovsky P. I.** The main trends in the participation of domestic representative institutions in the state foreign policy mechanism 454

New Voices: Young Political Scientists' Research

- Roumani M. B.** Problems of Lebanese democracy: Costs of the confessional system 461

- Smirnova A. S.** Threats to human security in Latin America 467

- Sun Yexin.** Emergency management and globalization: Modern challenges 474

- Baranovskiy N. S.** Using video games in patriotic education 482

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: СОЦИОЛОГИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ»**

Главный редактор

Ивченков Сергей Григорьевич, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Вилков Александр Алексеевич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Темаев Тимур Вадудович, доктор социол. наук (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Баттерфилд Джим, Ph.D. (Каламазу, США)

Белозеров Василий Клавдиевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Воробьев Владимир Павлович, доктор социол. наук, доцент (Пенза, Россия)

Голенкова Зинаида Тихоновна, доктор филос. наук, профессор (Москва, Россия)

Готлиб Анна Семеновна, доктор социол. наук, профессор (Самара, Россия)

Дудникова Елена Борисовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Казakov Александр Александрович, доктор полит. наук, доцент (Саратов, Россия)

Калинникова Марина Викторовна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Комкова Галина Николаевна, доктор юрид. наук, профессор (Саратов, Россия)

Кузнецов Игорь Иванович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Магомедов Арбахан Курбанович, доктор полит. наук, доцент (Москва, Россия)

Никифоров Ярослав Александрович, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Осадчая Галина Ивановна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Панкратов Сергей Анатольевич, доктор полит. наук, профессор (Волгоград, Россия)

Труханов Виктор Александрович, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

Фадеева Ирина Михайловна, доктор социол. наук, профессор (Москва, Россия)

Шахматова Надежда Владимировна, доктор социол. наук, профессор (Саратов, Россия)

Шестов Николай Игоревич, доктор полит. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
"IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
SOCIOLOGY. POLITOLOGY"**

Editor-in-Chief – Sergei G. Ivchenkov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Aleksandr A. Vilkov (Saratov, Russia)

Executive Secretary – Timur V. Temaev (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Gim Butterfield (Kalamazoo, USA)

Vasily K. Belozеров (Moscow, Russia)

Vladimir P. Vorobiev (Penza, Russia)

Zinaida T. Golenkova (Moscow, Russia)

Anna S. Gottlieb (Samara, Russia)

Elena B. Dudnikova (Saratov, Russia)

Marina E. Elutina (Saratov, Russia)

Alexander A. Kazakov (Saratov, Russia)

Marina V. Kalinnikova (Saratov, Russia)

Galina N. Komkova (Saratov, Russia)

Igor I. Kuznetsov (Moscow, Russia)

Arbakh K. Magomedov (Moscow, Russia)

Yaroslav A. Nikiforov (Saratov, Russia)

Galina I. Osadchaya (Moscow, Russia)

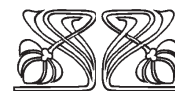
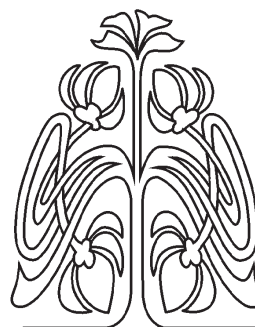
Sergey A. Pankratov (Volgograd, Russia)

Victor A. Trukhanov (Saratov, Russia)

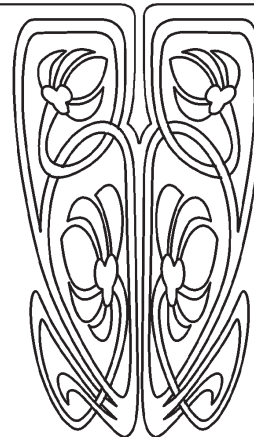
Irina M. Fadeeva (Moscow, Russia)

Nadezhda V. Shahmatova (Saratov, Russia)

Nikolay I. Shestov (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

СОЦИОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 366–372
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 366–372
<https://soziopolit.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-366-372>
EDN: TETDES

Научная статья
УДК 316.346.32-053.6

Социальное самочувствие и социально-психологическая безопасность студентов с инвалидностью в мегаполисе

Э. К. Наберушкина¹, О. В. Бессчетнова²✉

¹Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия, 125993, г. Москва, Ленинградский проспект, д. 49

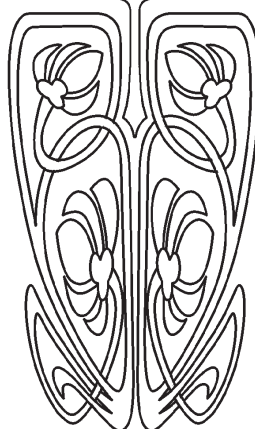
²Московский государственный гуманитарно-экономический университет, Россия, 107150, г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49

Наберушкина Эльмира Кямаловна, доктор социологических наук, доцент, профессор департамента социологии, ellana777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7495-231X>

Бессчетнова Оксана Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии и медиакommunikаций, oksanabesschetnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4181-9886>

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Аннотация. Изучение проблем людей с инвалидностью находится в междисциплинарном поле, где медицина и физиология соприкасаются с правовыми, урбанистическими, социокультурными аспектами жизнедеятельности, позволяя рассмотреть вопросы инвалидности в новом научном ракурсе. Целью данного исследования является изучение социального самочувствия студентов с инвалидностью в контексте инклюзивности городского пространства. В статье представлены результаты исследования, проведенного авторами в 2022 г. методом фокус-группы в инклюзивном вузе г. Москвы. Выборку исследования (N = 40) составили студенты с ограниченными возможностями опорно-двигательного аппарата, приехавшие из средних и малых городов России для получения высшего образования. Проведенное исследование позволило выделить уровни социального самочувствия студентов с инвалидностью (высокий, средний и низкий) и соотнести их со степенью их социально-психологической безопасности (максимальная, умеренная и минимальная). Эмпирическим путем доказано, что российские города в зависимости от размера (мегаполисы, крупные, средние и малые) оказывают существенное влияние на социальное самочувствие студентов с инвалидностью, что обусловлено, во-первых, разной степенью инклюзивности пространства, во-вторых, различным отношением горожан к молодым инвалидам (позитивное, нейтральное, негативное). По субъективным оценкам большинства участников фокус-группы, после переезда в столицу с целью получения профессионального образования уровень их социального самочувствия и степень социально-психологической безопасности повысились в связи с более комфортной и приспособленной под нужды людей с инвалидностью городской средой, а также более корректным отношением горожан к молодым инвалидам с заболеваниями ОДА по сравнению с малыми и средними городами.

Ключевые слова: инклюзия, социальная урбанистика, студенты с инвалидностью, люди с инвалидностью, социальное самочувствие, социально-психологическая безопасность, город, урбанизм, инклюзивный городской дизайн

Для цитирования: Наберушкина Э. К., Бессчетнова О. В. Социальное самочувствие и социально-психологическая безопасность студентов с инвалидностью в мегаполисе // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 366–372. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-366-372>, EDN: TETDES

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social well-being and socio-psychological security of students with special needs in metropolis

E. K. Naberushkina¹, O. V. Besschetnova² ✉

¹Financial University under the Government of the Russian Federation, 49 Leningradsky Prospekt, Moscow 125993, Russia

²Moscow State Humanitarian and Economic University, 49 Losinoostrovskaya St., Moscow 107150, Russia

Elmira K. Naberushkina, ellana777@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7495-231X>

Oksana V. Besschetnova, oksanabesschetnova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4181-9886>

Abstract. Currently the study of the problems of people with special needs is seen in an interdisciplinary field, where medicine and physiology come into contact with urban, socio-cultural aspects of life, allowing to expand the range of problems of social inclusion and disability and consider them from a new research perspective. The purpose of the research is to study the social well-being of persons with special needs in the context of the inclusiveness into urban space. The article presents the results of the research, conducted in 2022 at inclusive higher education institution in Moscow. The research was based on the focus group method using the sample group of students with special needs (N = 40) of the musculoskeletal system who came from Russian medium and small size towns to Moscow. The research methodology was built on the interdisciplinary approach to disability in the context of urban studies. The study made it possible to identify the levels of social well-being of students with special needs (high, medium and low) and correlate them with the degree of their socio-psychological security (maximum, moderate and minimum). It has been empirically proven that Russian towns, depending on the number of inhabitants (megacities, large, medium and small) have a significant impact on the social well-being and socio-psychological safety of students with special needs, which is due, firstly, to varying degrees of space inclusiveness; secondly, the different attitudes of citizens towards young people with special needs (positive, neutral, negative). According to the subjective assessments of the majority of focus group participants, after moving to the capital in order to receive vocational education, their level of social well-being and the degree of socio-psychological safety increased due to a more comfortable and adapted urban environment for the needs of people with special needs, as well as a more friendly attitude of residents to young disabled people with ODA compared with small and medium-sized towns.

Keywords: inclusion, inclusive education, students with special needs, person with special needs, higher education, social well-being, socio-psychological safety, city, urbanism, inclusive urban design

For citation: Naberushkina E. K., Besschetnova O. V. Social well-being and socio-psychological security of students with special needs in metropolis. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 366–372 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-366-372>, EDN: TETDES

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В настоящее время изучение проблем людей с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья находится в междисциплинарном поле, где медицина и физиология соприкасаются с правовыми, социально-антропологическими, гендерными, социокультурными аспектами жизнедеятельности людей. Данный подход к социальной инклюзии и инвалидности начал формироваться в академической науке с конца 1970-х гг., позволив расширить и демедикализировать круг изучаемых вопросов, опираясь на данные из смежных научных направлений – медицины, психологии, правоведения и социальной работы. Сегодня социологические исследования инвалидности являются областью с развивающейся терминологией, методологией и объяснительными моделями, фокусирующимися на новых векторах, в том числе на урбанистической проблематике, включая социологию города, социологию архитектуры, социальную экологию [1–4].

Городская повседневность как объект научного анализа связана с потребительским поведением, досугом, работой, передвижением на общественном транспорте, где горожане с инвалидностью не являются чем-то исключительным, что способствует формированию культуры инклюзии и этике городских коммуникаций. Урбанистический дискурс позволяет увидеть, как особенности городского пространства влияют на жизнь людей с инвалидностью, как доступные площадки нормализуют жизнь человека, а недоступные места заставляют заново переживать чувство неполноценности, ограниченности возможностей, снижают уровень социального самочувствия и степень социально-психологической безопасности. В этой связи наличие/отсутствие инклюзивного городского дизайна помогает человеку чувствовать себя самостоятельным и полноценным горожанином или, напротив, акцентирует внимание на инвалидности, ограничениях и препятствиях.

Анализ эффективности социальной интеграции людей, проживающих в городах, свидетельствует, что характер инклюзивности среды оказывает значительное влияние на социальное самочувствие людей с инвалидностью [5–7].

Изучая особенности жизни людей с инвалидностью во время пандемии, М. Марото, Д. Петтиниккио, Л. Чай и А. Холмс приходят к выводу, что социальная изоляция, избегание появления в общественных местах, отсутствие непосредственного личного общения с людьми, не являющимися членами семьи, а также переход на дистанционное обучение и удаленную работу приводили у одних людей к возникновению повышенной тревожности, а у других – к осознанию целесообразности опасений и необходимости введения самоизоляционных мер, позволяющих избежать заражения [4]. Другими словами, различные социально-демографические и социокультурные факторы оказывали влияние на уровень социального самочувствия и степень социально-психологической безопасности людей в зависимости от индивидуальных ситуаций.

По мнению С. Э. Грин и Б. Вайс, именно особенности среды, социальные и экономические барьеры, а не индивидуальные телесные различия, опосредуют взаимосвязь субъективного благополучия с наличием функциональных нарушений: чем меньше люди с инвалидностью вовлечены в повседневную жизнь города, тем более низкий уровень субъективного благополучия они демонстрируют по сравнению с другими социальными группами населения [3].

Недавнее исследование Э. Брефка, К. Джагоу, С. П. Мерфи и Б. Б. Цегау иллюстрирует дискриминационное положение людей с инвалидностью в различных сферах общественной жизни, в основе которого лежат стереотипные представления нормотипичных людей о причинах возникновения инвалидности, о более низких когнитивных и физических способностях инвалидов [8], что, в свою очередь, провоцирует возникновение их социальной стигматизации и служит препятствием для инклюзии.

С точки зрения Дж. М. Левитта, важную роль играет включение людей с инвалидностью в общественную деятельность локальных сообществ, в частности в работу групп самопомощи, волонтерских и общественных организаций, что позволяет снизить спектр ограничений [9], предоставляя возможности для формирования полноценного городского гражданства инвалидов.

Согласно социальной модели инвалидности, предложенной А. Дж. Форбер-Пратт и

С. Р. Арагон, инвалидность акцентируется из-за неспособности общества полностью устранить или минимизировать социальные, экономические и социокультурные барьеры, препятствующие реализации гражданских прав и свобод людей с ограниченными возможностями здоровья [10].

Изучая особенности британских студентов с хроническими заболеваниями, П. Р. Гамильтон, Д. А. Халм и Э. Д. Харрисон приходят к выводу, что иногда сотрудники университета и сокурсники не рассматривают лиц с инвалидностью как таковых при отсутствии визуальных проявлений инвалидности, воспринимая их как «менее больных» по сравнению с теми, у кого степень нарушений здоровья более выражена [11].

В российском научном дискурсе проблематика инвалидности долгое время находилась в сфере изучения коррекционной педагогики, патопсихологии, социологии медицины, медико-социальной работы. Социальная урбанистика только начинает свой путь включения в исследовательский контекст проблематики барьеризации и стигматизации инвалидов посредством городской архитектоники, степени выраженности и присутствия универсального дизайна. Современные города – это не только места, созданные человечеством в соответствии с представлениями о нормах и стандартах, но и мозаика миров, прочитываемая в феноменологическом индивидуальном контексте.

Комплексному анализу следует подвергать инклюзивные свойства современного городского устройства. «Стандартный дизайн домов и квартир, лестничных клеток и проходов, транспорта и магазинов, терминалов и светофоров не позволяет «вписаться» в него лицам, имеющим заболевания опорно-двигательного аппарата (ОДА), а также тем, чьи анатомические особенности или состояние здоровья не учтены в замыслах инженеров и архитекторов. Структура города, рассчитанная на среднестатистического пользователя, разными способами исключает некоторых горожан, чей возраст, когнитивные свойства или социокультурные особенности соответствуют стандарту» [12, с. 14]. Не только социологами, но и социально ориентированными архитекторами отмечено, что городская инфраструктура, городские пространства и сервисы строятся без учета человеческой вариативности (возрастной, функциональной, гендерной и т.д.), что противоречит принципам «город для жизни», «город для человека» и иным принципам устойчивого развития территорий.

В настоящее время ученые трактуют социальное самочувствие как «органичное сочетание субъективных и объективных жизненных факторов, физиологических и психологических возможностей личности, позитивных и негативных условий формирования жизненной стратегии» [13, с. 14–15], наделяя его интернальными и экстернальными характеристиками.

Понятие социально-психологической безопасности человека рассматривается как «потребностно-мотивационное, оценочное и коммуникативное образование, которое направляет, организует, ориентирует человека на определенные цели и актуализирует когнитивную работу с поступающей информацией» [14, с. 8]. С данной точки зрения, социально-психологическая безопасность выступает основанием для конструктивного развития коммуникаций и деятельности человека с инвалидностью, а успешная социальная интеграция и социальная инклюзия способствуют тому, что люди с хроническими заболеваниями и инвалидностью начинают больше заботиться о своем здоровье [15] и активно включаться в общественную жизнь.

С целью изучения социального самочувствия студентов с инвалидностью в условиях повседневного города и городских практик в июле 2022 г. проводилось исследование на базе Московского государственного гуманитарно-экономического университета (МГГЭУ), единственного российского вуза, реализующего образовательную инклюзию в высшей школе, контингент которого насчитывает более 50% студентов с нарушениями опорно-двигательного аппарата, прибывших в Москву из субъектов РФ с целью получения высшего образования. Такая инклюзивная практика набора и обучения студентов позволила приблизиться к индивидуальному опыту молодых людей с нарушением ОДА и рассмотреть их социальное самочувствие и социально-психологическую безопасность в зависимости от пребывания в инклюзивной, доступной среде мегаполиса.

На наш взгляд, необходимо не только рассмотреть свойства доступности городской среды, но и сравнить отношение жителей столичных и провинциальных городов к людям с инвалидностью, а также соотнести их с социальным самочувствием и оценкой социально-психологической безопасностью последних.

Исследование осуществлялось методом фокус-группы среди студентов с заболеваниями ОДА (N = 40), приехавших в Москву из средних и малых провинциальных городов для получения высшего образования. Была ис-

пользована целевая выборка. Все участники имели подтвержденный документально статус инвалида и добровольно приняли участие в исследовании.

В качестве рабочей гипотезы было выдвинуто предположение о том, что на социальное самочувствие и социально-психологическую безопасность студентов с инвалидностью (НОДА) оказывают влияние такие факторы, как выраженность признаков социального, инклюзивного дизайна в городском пространстве и аттитуды горожан – социальные установки, позволяющие воспринимать, осознавать, оценивать и совершать те или иные действия, выбирать типы социального поведения относительно конкретного социального объекта (явления).

Как отмечают исследователи [6, 16–18], в малых провинциальных городах чаще фиксируются установки социальной эксклюзии, стигматизации или дистанцирования от людей с инвалидностью, а сама инвалидность и ее «носители» рассматриваются через клинический контекст (инвалидность как болезнь). Однако доказано, что активно формируемая доступная среда города позволяет анализировать реалии инвалидности без непосредственной привязки к телесности. Существуют объективные (количественные) показатели степени доступности и комфортности городов. Например, рейтинг города по шкале доступности, количество архитектурных и социокультурных объектов, приведенных к требованиям универсального дизайна, и др. Наши выводы построены на субъективных оценках молодых людей с НОДА относительно их городского гражданства и ощущения социально-психологического благополучия в городе. Наши информанты единогласно заявляли, что в таких мегаполисах, как Москва, с ее развитой и доступной инфраструктурой, жизнь инвалидов более комфортна и удобна, чем в провинциальных городах, из которых они приехали:

Я люблю парки Москвы. Там все доступно, можно ездить на инвалидной коляске и сидеть где угодно. Я чувствую себя комфортно. Часто гуляю, и не было ситуации, что мы не можем куда-то пойти. Еще мне нравятся аэропорты, потому что я чувствую себя там свободно, независимо. Я люблю путешествовать везде. В аэропорте возникает ощущение свободы, что я могу путешествовать и передвигаться абсолютно независимо. Я очень люблю «Домодедово», потому что там действительно адаптировано, а «Шереметьево» огромное (муж., нарушение ОДА, 25 лет).

Согласно Л. С. Выготскому, влияние дефекта на человека является вторичным, а не непосредственным [19, с. 451–458]. Это подтверждается и определением инвалидности, содержащимся в Конвенции о правах инвалидов: именно барьеры окружающей среды не позволяют человеку с нарушениями жить полноценной жизнью [20]. По опыту наших информантов, недоступная среда провинциальных средних и малых городов вынуждает их погружаться в инвалидность, превращаться из взрослого и самостоятельного в человека с «признаками неполноценности».

Мы пришли в клуб, но не смогли попасть, потому что нам сказали: «Мы вас не пустим». И они [фейсконтроль] толком не могли нам объяснить, почему нас не пускают. Нам всем было больше 18-ти лет, у всех были с собой паспорта. Поэтому мы сразу поняли, что это своего рода дискриминация. Они сказали: «Ты напугаешь людей, которые тоже там отдыхают». Кстати, в Москве такого с нами не было, а в Сызрани и Элисте бывает (муж., нарушение функций рук, 22 года).

По результатам группового интервью, зафиксировано мнение о постепенном повышении доступности городской среды, архитектурных сооружений, построенных с учетом потребностей маломобильных групп населения, общественного транспорта в современных российских городах, о сокращении количества грубых дискриминационных проявлений и стигматизирующих практик в повседневной жизни крупных городов и мегаполисов. Возник интересный фокус относительно оценки неэтичных, дискриминирующих случаев интеракций между нормотипичными горожанами и горожанами с инвалидностью. Так, все участники исследования говорят о возрасте, случаи бестактного, инвалидизирующего общения чаще всего исходят от людей старшего возраста. Молодые люди чаще общаются корректно и тактично, не фокусируясь на инвалидности человека. Информанты предположили, что это во многом связано со сформированными в сетевом обществе практиками общения в гетерогенной среде, в то время как установки пожилых людей формировались в иных объективных и идеологических рамках.

Размышляя о факторах, провоцирующих негативное отношение к людям с инвалидностью в столице и провинции в контексте социального урбанизма, информанты связывают это с тем, что для жителей мегаполиса и крупного города в большей степени привычно видеть людей с инвалидностью в потоках городской

повседневности, их появление не вызывает удивления и повышенного внимания. Кроме того, доступность инфраструктуры мегаполиса и крупного города дает массу весомых преимуществ для мобильности, занятости, коммуникации, проявления самостоятельности, независимости от чужой помощи, что способствует повышению социального самочувствия и социально-психологической безопасности людей с инвалидностью.

По утверждению участников исследования, в большей степени негативные переживания, страх и фрустрацию вызывают труднодоступные места с «оскорбительной» пространственной организацией.

Мне очень не понравилось, когда меня в театр в зрительский зал повезли через какие-то кулуары, черный ход, и таким же образом пришлось покинуть театр. Настроение было испорчено (жен., нарушение ОДА, 24 года).

Напротив, в публичном пространстве города, которое доступно и удобно для маломобильных горожан, статус инвалидности уходит на задний план, позволяя человеку чувствовать себя «как все».

Помимо инфраструктурной доступности городов, рассматриваются разные типы социальных установок горожан к людям с инвалидностью. По мнению участников фокус-группы, не исключаются ситуации стереотипного реагирования нормотипичных граждан на лиц с инвалидностью: либо как на просящих милостыню, либо как на людей подозрительных, маргинальных, опасных или нежелательных. Представим несколько случаев, взятых из высказываний участников фокус-групп, подтверждающих наличие данных проявлений:

Мы пришли с моим молодым человеком в кафе, мы оба с инвалидностью. У нас было свидание, все посетители пристально смотрели на нас, потом к нам подошла официантка и очень удивилась, когда мы заказали вино. Она буквально сказала: «Ну, надо же, инвалиды, а пьют» (жен., нарушение ОДА, 22 года).

Я стоял у метро и ждал приятеля, моя иномарка была припаркована рядом, ко мне подошли два человека и предложили на них работать в качестве просящего милостыню (муж., нарушение ОДА, 23 года).

На основе группирования и анализа ответов участников фокус-групп было проведено ранжирование степени выраженности инклюзивного дизайна в городском пространстве по десятибалльной шкале, где 1 – крайне низкая степень, 10 – крайне высокая степень. Интер-

претация ответов информантов позволила установить следующее: в столице диагностирована высокая степень (9–10 баллов); в средних и малых городах – базовая, редко частичная степень доступности среды (2–3 балла). Что касается

отношения горожан к молодым инвалидам, то в столице регистрируется позитивный и нейтральный тип реакции (максимальные 10 баллов); в средних и малых городах – негативный и нейтральный тип (2–6 баллов) (табл. 1).

Таблица 1

Степень выраженности социального, инклюзивного дизайна в городском пространстве и типы аттитюдов горожан к молодым людям с инвалидностью

Параметры	Мегаполис	Средний и малый город
Степень выраженности архитектурного и социального инклюзивного дизайна в городском пространстве	Полная степень выраженности (10 баллов)	Базовая и редко частичная степень выраженности на 2 и 3 балла (≥ 5 баллов)
Типы аттитюдов горожан к лицам с инвалидностью	Позитивный и нейтральный тип (10 баллов)	Негативный и нейтральный тип на 2–4 балла, (≥ 6 баллов)

Комплексный анализ материалов фокус-групп дал основание для выделения трех уровней социального самочувствия студентов с инвалидностью: в столице – высокий уровень; в средних и малых городах (малая родина студентов) – низ-

кий, реже средний. Также дифференцирована степень оценки социально-психологической безопасности студентов с инвалидностью: в столице – близкая к максимальной; в средних и малых городах – минимальная, реже умеренная (табл. 2).

Таблица 2

Уровни социального самочувствия и степени социально-психологической безопасности студентов с инвалидностью в мегаполисе

Параметры	Мегаполис	Средний и малый город
Уровень социального самочувствия студентов с инвалидностью	Высокий	Низкий и средний
Степень социально-психологической безопасности студентов с инвалидностью	Максимальная	Минимальная и редко умеренная

Методологическая рамка социальной урбанистики позволяет рассматривать проблематику социальной эксклюзии лиц с инвалидностью в новом ракурсе, где городской дизайн, правильно сконструированный с учетом маломобильных категорий граждан, позволяет перенести акценты с болезни, стигматизации и дискриминации на создание условий, уравнивающих в правах людей, независимо от их особенностей и степени мобильности. По утверждению всех участников фокус-групп, уровень их социального самочувствия и степень ощущения себя в безопасности повысились после переезда в Москву. В столице у юношей и девушек расширились возможности для социальной активности, образования, саморазвития, круг общения, диапазон поиска работы, что обусловлено более комфортной, продуманной под нужды маломобильных категорий граждан инфраструктурой столицы, более широким спектром возможностей для получения образования и трудоустройства, доступностью всех видов общественного транспорта, организации социальной поддержки сообщества

университета, реализации многочисленных социальных программ государственными учреждениями социальной защиты населения города Москвы и специализированных НКО.

Частота наблюдения и взаимодействия нормотипичных жителей мегаполиса с людьми с инвалидностью в повседневности в качестве пассажиров, покупателей, посетителей парков и прочих, снижает негативные стереотипные установки, формируя более позитивные и корректные стратегии поведения и коммуникации, этичный тип отношения горожан к молодым инвалидам, без гипервнимания и экзотизации, по сравнению с провинциальными средними и малыми городами, где сегрегирующие и инвалидизирующие практики встречаются чаще. Сделанные выводы лишь подтверждают то, что гетерогенная среда, культурное и человеческое разнообразие, следование принципам социального дизайна делают место развивающимся и инклюзивным, а людей более счастливыми.

В результате эмпирического исследования выявлено, что российские мегаполисы, крупные,

средние и малые города различаются, во-первых, по степени инклюзивности дизайна городского пространства (полная, частичная, базовая); во-вторых, по типам отношения горожан к молодым людям с инвалидностью (позитивные (этичные), нейтральные (бланированные), негативные (экзотизирующие, инвалидизирующие)).

В заключение заметим, что в статье представлены данные качественного исследования, проведенного на территории г. Москвы, в стратификационном срезе российских регионов и городов ситуация требует дополнительных качественных исследований.

Список литературы

1. *Chefonova E. A., Volkova O. A., Mozgovaya E. I., Grebenikova Y. A., Yefimova E. V.* Analysis of the Specificity of the Social Integration of People Living in Urban and Rural Areas // *The Social Sciences*. 2016. Vol. 11, № 10. P. 2408–2412.
2. *Goodley D.* Disability Studies: An Interdisciplinary Introduction. 2nd ed. London : Sage Publications Ltd, 2017. 25 p.
3. *Green S. E., Vice B.* Disability and Community Life: Mediating Effects of Work, Social Inclusion, and Economic Disadvantage in the Relationship Between Disability and Subjective Well-Being // *Factors in Studying Employment for Persons with Disability* / ed. by B. M. Altman. Emerald Publishing Limited, 2017. P. 225–246. (Research in Social Science and Disability. Vol. 10). <https://doi.org/10.1108/S1479-354720170000010010>
4. *Maroto M., Pettinichio D., Chai L., Holmes A.* “A Rollercoaster of Emotions”: Social Distancing, Anxiety, and Loneliness Among People with Disabilities and Chronic Health Conditions // *Disability in the Time of Pandemic* / ed. by A. C. Carey, S. E. Green, L. Mauldin. Bingley, UK : Emerald Publishing Limited, 2023. P. 49–73. (Research in Social Science and Disability, Vol. 13). <https://doi.org/10.1108/S1479-354720230000013004>
5. *Mole A.* The Body Multiple: Ontology in Medical Practice / ed. by E. Roy Weintraub. Durham : Duke University Press, 2003. 216 p. <https://doi.org/10.2307/j.ctv1220nc1>
6. *Бессчетнова О. В., Наберушкина Э. К.* Барьеры реализации прав лиц с инвалидностью в сфере социальной защиты населения // *Человек. Общество. Инклюзия*. 2022. № 4. С. 46–58.
7. *Mitchell D. T., Snyder S. L.* The Biopolitics of Disability: Neoliberalism, Ablenationalism, and Peripheral Embodiment. University of Michigan Press, 2015. 288 p. <https://doi.org/10.3998/mpub.7331366>
8. *Breffka E., Jagoe C., Murphy S. P., Tsegaw B. B.* Restricted participation: Drivers, experiences and implications of disability stigma in Ethiopia // *African Journal of Disability*. 2023. № 12. Art. a1085. <https://doi.org/10.4102/ajod.v12i0.1085>
9. *Levitt J. M.* Developing a model of disability that focuses on the actions of disabled people // *Disability & Society*. 2017. Vol. 32, iss. 5. P. 735–747. <https://doi.org/10.1080/09687599.2017.1324764>
10. *Forber-Pratt A. J., Aragon S. R.* A Model of Social and Psychosocial Identity Development for Postsecondary Students with Physical Disabilities // *Emerging Perspectives on Disability Studies* / ed. by M. Wapsett, K. Arndt. New York : Palgrave Macmillan, 2013. P. 1–22. https://doi.org/10.1057/9781137371973_1
11. *Hamilton P. R., Hulme J. A., Harrison E. D.* Experiences of higher education for students with chronic illnesses // *Disability & Society*. 2023. Vol. 38, iss. 1. P. 21–46. <https://doi.org/10.1080/09687599.2021.1907549>
12. *Наберушкина Э. К.* Исследование инвалидности в контексте урбанистики // *Человек. Общество. Инклюзия*. 2018. Т. 2, № 34. С. 12–22.
13. Социальное самочувствие населения в условиях реформ: региональный аспект / под ред. М. К. Горшкова. М. : Нестор-История, 2011. 176 с.
14. *Зотова О. Ю.* Социально-психологическая безопасность личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2011. 43 с.
15. *Volkova O., Besschetnova O., Mozgovaya E., Artyomova Y., Nadutkina I.* The resocialization process of elderly and disabled through club activities in institutional care // *Humanities and Social Science Reviews*. 2019. Vol. 7, iss. 5. P. 1027–1030. <https://doi.org/10.18510/hssr.2019.75136>
16. *Burch L.* Tackling disability discrimination and disability hate crime: A multidisciplinary guide, edited by Robina Shah and Paul Giannasi, London and Philadelphia, Jessica Kingsley Publishers, 2015, 280 p. // *Disability & Society*. 2016. Vol. 31, iss. 10. P. 1408–1409. <https://doi.org/10.1080/09687599.2016.1221663>
17. *Lysenko M. O., Besschetnova O. V., Volkova, O. A., Polenova M. E.* Effect of Psychotherapy on the Welfare of the Elderly and Disabled People Living in Institutions (Based on the Research in Belgorod Region) // *Research Journal of Pharmacy and Technology*. 2017. Vol. 10, № 3. P. 769–772. <https://doi.org/10.5958/0974-360X.2017.00144.5>
18. *Disability in the Time of Pandemic* / ed. by A. C. Carey, S. E. Green, L. Mauldin. Bingley, UK : Emerald Publishing Limited, 2023. 248 p. (Research in Social Science and Disability, Vol. 13). <https://doi.org/10.1108/S1479-3547202313>
19. *Выготский Л. С.* Проблемы дефектологии : сб. / сост., авт. вступ. ст. и библиогр. Т. М. Лифанова ; авт. коммент. М. А. Степанова. М. : Просвещение, 1995. 524 с.
20. Convention on the Rights of Persons with Disabilities (CRPD). Adopted by General Assembly resolution 61/106 of 13 December 2006. URL: <https://www.un.org/development/desa/disabilities/convention-on-the-rights-of-persons-with-disabilities.html> (дата обращения: 06.07.2023).

Поступила в редакцию 26.04.2023; одобрена после рецензирования 28.05.2023; принята к публикации 30.08.2023
The article was submitted 26.04.2023; approved after reviewing 28.05.2023; accepted for publication 30.08.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 373–378

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 373–378

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-373-378>, EDN: TMEDOE

Научная статья

УДК 316.014

Социальные практики экологического сознания: региональный аспект

М. В. Калининкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Калининкова Марина Викторовна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии регионов, kalinnikova1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>

Аннотация. В статье проанализировано экологическое сознание населения региона как особое свойство отображения социальной природы человека, выражающееся через личную обеспокоенность состоянием окружающей среды, посредством приобретения экологической информации и практической деятельности по сохранению и восстановлению природной среды. Особое внимание уделяется теоретическим подходам к рассмотрению феномена экологического сознания. Сознание человека, как «специфическое свойство организованной сложности» рассматривается в трудах Тейяра де Шардена, В. И. Вернадского, И. Р. Пригожина. В философском направлении (Р. С. Карпинская, И. К. Лисеев, Н. Н. Моисеев) используется коэволюционный подход, отражающий единство человека, общества и изменяемой им природы. Изучение экологического сознания с помощью рационально-социологического подхода предполагает использование статистических методов исследования отдельно взятого региона. Понимание экологического сознания как единства элементов системы «человек – общество – природа» позволяет предложить модель экологического сознания в виде трех составляющих: мировоззренческой, информационной, деятельностной. В ходе авторского социологического исследования было выяснено, что большинство жителей Саратовской области (88%) проявляют личную обеспокоенность экологическими проблемами. При этом население информировано как о глобальных экологических проблемах, так и об экологической ситуации в области. Однако жители городов региона считают себя недостаточно информированными в вопросах экологических проблем своего места жительства. В осуществлении экологической деятельности большая часть опрошенных (71%) принимают активное участие, к примеру, 67,5% участвовали в субботниках по уборке территории; 22,8% – в акциях по посадке деревьев; 49,1% по возможности стараются не использовать пластиковые пакеты и бутылки и др. Делается вывод, что экологическое сознание населения Саратовской области в полной мере соответствует составленной модели в силу того, что население чувствует личную ответственность за состояние окружающей среды, владеет экологическими принципами, позволяющими осуществлять осознанную экологическую деятельность по защите природы.

Ключевые слова: экология, сознание, деятельность, окружающая среда, регион

Для цитирования: Калининкова М. В. Социальные практики экологического сознания: региональный аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 373–378. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-373-378>, EDN: TMEDOE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Social practices of environmental consciousness: Regional aspect

M. V. Kalinnikova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina V. Kalinnikova, kalinnikova1@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4077-0221>

Abstract. The article analyzes the environmental consciousness of the region's population as a special property of reflecting the social nature of a person, expressed through personal concern about the state of the environment, through the acquisition of environmental information and practical activities to preserve and restore the natural environment. Particular attention in the article is given to theoretical approaches to the consideration of the phenomenon of ecological consciousness. Human consciousness as a "specific property of organized complexity" is considered in the works of Teilhard de Chardin, V. I. Vernadsky, I. R. Prigogine. In the philosophical direction (R. S. Karpinskaya, I. K. Liseev, N. N. Moiseev), a co-evolutionary approach is used, which reflects the unity of human, society and the nature that undergoes changes. The study of environmental consciousness with the help of a rational sociological approach involves the use of statistical methods for researching a particular region. Understanding the ecological consciousness as the three-element system "man – society – nature" enables us to compose a model of ecological consciousness in the form of three components: world perception, information, activity. In the course of the author's sociological study, it was found that a significant number of the of the Saratov region residents (88%) are personally concerned about environmental problems.

At the same time, the population is informed both about global environmental problems and about the environmental situation in the region. However, residents of the region towns do not consider themselves sufficiently informed about the environmental problems of their place of residence. Most of the respondents (71%) take an active part in the implementation of environmental activities, for example, 67.5% participated in community work days to clean up the territory; 22.8% – participated in tree planting campaigns; 49.1% try not to use plastic bags and bottles, if possible, etc. The conclusion made is that the environmental consciousness of the population in the Saratov region fully corresponds to the compiled model, due to the fact that the population feels personal responsibility for the state of the environment, is aware of the environmental principles that enable conscious environmental activities of the nature protection to be performed.

Keywords: ecology, consciousness, activity, environment, region

For citation: Kalinnikova M. V. Social practices of environmental consciousness: Regional aspect. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politicalogy*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 373–378 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-373-378>, EDN: TMEDOE

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Сложившаяся практика во взаимоотношениях человека и общества с природой требует не только использования современных инженерно-энергетических технологий, направленных на сохранение окружающей среды, но и выработки экологического сознания людей в соответствии с жизненной ценностью природы, «осознанием степени экологической опасности, обеспокоенностью состоянием окружающей среды и, в перспективе, тенденциями цивилизационного развития» [1, с. 133].

Актуальность изучения экологического сознания объединяет в себе следующие содержательные моменты. Во-первых, это переход мировоззрения современного человечества к новой экологической парадигме, предполагающей развитие диалога и сотрудничества между людьми, обеспечение устойчивого равновесия между деятельностью людей и природными биогеоценозами. Во-вторых – это наблюдаемое повсеместно усиление экологических движений и инициатив, использование «зеленых практик» [2], позволяющих внедрять в массовые слои сельского и городского населения идеи и ценности природосберегающего поведения. В-третьих – это напряженная экологическая обстановка в регионе [3], несмотря на различные программы, связанные с экологической безопасностью Саратовской области, мероприятия по привлечению внимания жителей к проблемам сохранения, восстановления и приумножения природных богатств.

Исходя из вышеизложенного, цель данной статьи – провести анализ экологического сознания населения, проживающего на территории Саратовской области, выяснить степень актуализации в сознании и в поведении населения наиболее острых экологических проблем.

Экологическое сознание как особое свойство отображения социальной природы человека стоит на пересечении экологии, философии и социологии.

В тематическом поле экологических исследований феномена сознания следует отметить труды французского социолога Тейяра де Шардена. Ученый, одним из первых поднимая вопросы природы человека и смысла его бытия, дает характеристику человека как существа одновременно биологического и социального, поэтому благодаря своему «внутреннему» началу, «радиальной» энергии человек восходит в своей эволюции до высшей точки развития – Универсума. Сознание, с точки зрения Тейяра де Шардена, – «специфическое свойство организованной сложности, выходит далеко за пределы того малого интервала, внутри которого мы в состоянии непосредственно его различить» [4, с. 229; 5].

В дальнейшем о необходимости совершенствования сознания и выработки ответственности человека за все живое на планете говорит В. И. Вернадский. Он пишет: «Человек своим трудом – и своим сознательным отношением к жизни – перерабатывает земную оболочку – геологическую область жизни, биосферу» [6, с. 205]. Следовательно, именно экологическое сознание человека, его разум являются залогом продолжения жизни.

Современная научная картина мира, основанная на принципах нелинейности, открытости, детерминированного хаоса, рассматривает экологическое сознание как открытую, самоорганизующуюся систему. Основатель синергетической теории И. Р. Пригожин говорит о возможностях нового диалога человека с природой, основанного на взаимосвязи индивидуальной активности и состояния всей системы [7]. Таким образом, каждый отдельный человек должен осознавать огромную ответственность за судьбу всей планеты.

Приверженцы философского направления в исследованиях экологического сознания используют коэволюционный подход, отражающий единство человека, общества и изменяемой им природы. В работе Р. С. Карпинской и

И. К. Лисеева говорит, что понятие «коэволюция» означает взаимопроникновение биологического и социального, их сопряженность и взаимную адаптированность друг к другу в любых проявлениях [8]. В экологической практике коэволюционный метод опирается на использование принципов междисциплинарности, системности, воспитания и тем самым становится «неотъемлемой и важной частью современной структуры познания» [9, с. 200].

В поле социологических исследований экологического сознания важно отметить работу Н. Н. Моисеева, который предлагает конкретную стратегию становления экологического сознания и вводит понятие «экологический императив», т. е. своеобразный «моральный фильтр», позволяющий сознанию человека выделять из информационных потоков опасную с точки зрения экологической безопасности информацию. Необходимо, чтобы эта информация побуждала человека к практической деятельности. Категория «деятельность» связывает «жизненную среду» и «экологическое сознание», направляя силы человека на улучшение окружающей его природы [10, с. 7].

Сторонники рационально-социологического подхода решают проблему экологического сознания с помощью статистических методов исследования отдельно взятого региона, основываясь на социологическом опросе различных социальных слоев, анкетировании и анализе фактического материала. Серьезные аналитически-статистические данные о загрязнении окружающей среды Саратовской области химическими веществами и связанными с ними эко-этическими проблемами приведены в работе И. В. Лузина и Ю. Ю. Елисеева [11]. В статье В. В. Козловского и соавт. [12] рассмотрены экологические практики обращения с твердыми коммунальными отходами в малых городах России путем трансформации экологического поведения населения. И. Н. Пупышевой с соавт. [13] подняты вопросы экологического дискурса, в котором обсуждается экологический образ жизни, сопряженный с зелеными практиками населения.

Понимание экологического сознания как единства элементов системы «человек – общество – природа» позволяет представить модель экологического сознания в виде трех составляющих: мировоззренческой – человек осознает свою личную ответственность за сохранение биосферы; информационной – владеет экологическими принципами, позволяющими выполнять свои социальные функции по охране

окружающей среды; деятельностной – осуществляет осознанную экологическую деятельность, основанную на предотвращении экологического кризиса.

Методологической основой исследования послужили общие положения теории деятельности, системный и комплексный подходы, а также данные официальной статистики по состоянию окружающей среды Саратовской области.

Эмпирической базой исследования является анкетный опрос населения Саратовской области (города Саратов, Энгельс, Балаково), проведенный в 2022 г. при помощи сети Интернет. Для проведения исследования была осуществлена квотно-территориальная выборка ($N = 151$). Результаты опроса обрабатывались методом частотного распределения и корреляционного анализа. Критерии отбора – место жительства, пол. По месту проживания респонденты распределились следующим образом: 101 чел. (66,9%) проживает в г. Саратове, 32 чел. (21,2%) – в г. Балаково и 18 чел. (11,9%) – в г. Энгельсе. Из них 99 (65,6%) женщин и 52 (34,4%) мужчины. По возрастным критериям респонденты распределились следующим образом: 18–25-летних – 108 чел. (71,5%), 26–45-летних – 25 (16,6%), в возрасте 46–50 лет – 14 чел. (9,3%) и старше 50 лет – 4 чел. (2,6%).

Цель исследования – выявить степень осведомленности населения Саратовской области в вопросах экологии своего региона, насколько оно осознает важность решения экологических проблем, а также определить уровень вовлеченности населения в экологическую деятельность.

Гипотеза исследования предполагает, что население Саратовского региона обеспокоено экологической ситуацией и относится ответственно к природной среде в местах своего проживания; достаточно информировано в вопросах экологии региона; осуществляет осознанную экологическую деятельность по защите окружающей среды.

В соответствии с предложенной моделью экологического сознания вопросы анкеты исследования были распределены по трем блокам: личная ответственность и обеспокоенность экологической ситуацией; экологические информированность и убеждения; деятельность по защите окружающей среды в местах проживания.

В первый блок анкеты входил вопрос «Волнуют ли Вас вопросы экологии в целом (в мире, в России, в области, в месте Вашего проживания)?». Здесь 88,0% респондентов ответили, что

их волнуют экологические проблемы, и только 12,0% признались, что их не волнуют данные проблемы. Среди тех, кого волнуют вопросы экологии, 49,0% беспокоит экология в мире, 25,6% – экология в стране и столько же обеспокоены экологической ситуацией в Саратовской области. На вопрос «Волнует ли Вас экологическая ситуация в своем населенном пункте?» 48,0% опрошенных ответили, что волнует, 42,0% выбрали ответ «скорее волнует, чем нет», 6,0% – «скорее не беспокоит», 3,0% затруднились с ответом и только 1,0% дали ответ «совершенно безразлична». Отсюда вывод: респондентов волнуют экологические проблемы как глобального, так и локального уровней, что говорит о наличии природоохранного мировоззрения в сознании большинства жителей региона.

Важной составляющей первого блока анкеты было желание узнать, что население знает об источниках загрязнения своего города и как оценивает экологическое состояние среды в месте своего проживания. Так, 1,3% участников опроса считают экологическую ситуацию в своем городе благополучной, 33,1% – средней, 40,4% – скорее неблагоприятной, 20,5% – неблагоприятной, 4,6% – затруднились с ответом. На вопрос об источниках загрязнения, который предполагал несколько альтернативных ответов, респонденты посчитали главными факторами загрязнения в своих городах: выбросы промышленных предприятий (50,7%); бытовые отходы (41,6%); транспорт (32,2%); атомную энергетику (16,4%); отходы сельского хозяйства (2,6%); затруднились с ответом 3,9% респондентов. На вопрос «Как изменилась экологическая ситуация в Вашем городе за последние 5 лет?» были даны следующие ответы: 3,3% опрошенных считают, что за данный период экологическая ситуация в их городе улучшилась; 27,6% – ситуация осталась прежней; 49,3% заметили ухудшение; 19,7% – затруднились с ответом. В связи с этим 3,3% чувствуют себя защищенными от экологических проблем и 9,2% – скорее защищенными, 44,7% – скорее не защищенными и 36,8% – не защищенными, 5,9% затруднились с ответом. Таким образом, установлено, что большинство населения Саратова, Энгельса, Балаково обеспокоено экологической ситуацией в своем городе, считают ее средней или скорее неблагоприятной, а себя видят не защищенными от экологических проблем, при этом наблюдают отрицательную динамику в изменении экологической ситуации. Все вместе взятое может свидетель-

ствовать о недостаточном внедрении государственных и региональных программ по защите окружающей среды в регионе.

Поскольку значимыми источниками экологической опасности для Саратовской области являются Балаковская АЭС и пункт переработки химических отходов в Краснопартизанском районе, респондентам были заданы вопросы об осознании населением степени экологического риска от данных объектов.

По мнению 58,6% респондентов, Балаковская АЭС может нести потенциальную опасность радиационного заражения для жителей области; 33,6% считают, что такое возможно, но не уверены в этом; 4,6% не думают, что АЭС может нести радиационную опасность, и 3,3% затрудняются с ответом.

Большинство респондентов, 69,7%, отрицательно относятся к переработке вредных химических отходов в Краснопартизанском районе области, нейтрально относятся к данной проблеме 17,8%, затруднились с ответом 11,2% и только 1,3% отнеслись положительно. Однако практически все респонденты (90,5%) отрицательно относятся к тому, если бы именно в их населенном пункте построили промышленное предприятие, осуществляющее выбросы в окружающую среду. На вопрос «Приходилось ли Вам обсуждать вопросы экологии?» 69,0% опрошенных ответили, что приходилось, 23,0% не приходилось обсуждать данные вопросы, а 8,0% затруднились с ответом. Таким образом, полученные ответы свидетельствуют о знании и понимании населением области основных экологических проблем, связанных с источниками радиоактивного заражения. Тем самым жители региона проявляют заботу и любовь к своему родному краю и занимают активную гражданскую позицию в вопросах защиты окружающей среды.

Вторая группа вопросов анкеты призвана выявить информированность населения в вопросах экологии региона. Респондентам был задан вопрос, насколько информированными о состоянии экологической ситуации в своем городе они себя считают. Посчитали себя совсем не информированными 7,0% опрошенных, 28,0% – недостаточно информированными, 36,0% – отчасти информированными, 19,0% – достаточно информированными, 3,0% – полностью информированными и 7,0% – затруднились с ответом. На вопрос «Откуда Вы обычно узнаете новости об изменениях в окружающей среде?» участники опроса могли дать несколько вариантов ответа. Выяснилось, что 83,0%

узнают об изменениях из социальных сетей и блогов, 44,0% – из телевидения и радио, 43,0% – от друзей, семьи и знакомых, 32,0% – из официальных новостных сайтов, 17,0% – из печатных СМИ, 12,0% – из официальных сайтов органов власти, 4,0% респондентов не смогли ответить на данный вопрос. Такое распределение вызвано, прежде всего, тем, что 71,5% опрошенных составляют люди в возрасте от 18 до 25 лет. При этом 87,0% ответили, что им известно о том, какие глобальные экологические проблемы существуют, и только 13,0% сказали, что им неизвестно об этих проблемах. Также те, кому были известны глобальные экологические проблемы, уточнили, какие именно из них они знают. Данный вопрос включал несколько вариантов ответа. Наибольшее количество ответов получили: вырубка лесов (84,7%), широкое использование химических и токсичных веществ, тяжелых металлов (84,0%), глобальное потепление (82,4%), пандемия (81,7%), затем кризис ресурсов пресной воды (65,6%), истощение озонового слоя (55,0%) и сокращение биологического разнообразия (44,3%). Это может свидетельствовать о том, что население, несмотря на обеспокоенность вопросами экологии как в мире, так и в области, больше знает о глобальных проблемах, которые чаще отражаются в социальных сетях и телевидении. Поскольку жители региона только отчасти считают себя осведомленными в вопросах экологии, следует говорить о недостаточном отражении местных экологических проблем в региональных средствах массовой коммуникации.

Третий блок вопросов – о деятельностном компоненте экологического сознания – перекликается с личной сопричастностью и должен помочь оценить участие населения в решении экологических проблем. На первый вопрос «Делал или нет человек что-либо для охраны окружающей среды?» были получены следующие ответы: 70,9% – делали и 29,1% – нет. Также те респонденты, которые ответили, что участвовали в природоохранной деятельности, отметили, что конкретно они делали: 67,5% – участвовали в субботниках по уборке территории; 49,1% – по возможности стараются не использовать пластиковые пакеты и бутылки; 48,2% – экономят электроэнергию/водные ресурсы; 44,7% – сдают макулатуру/бытовые отходы в пункт приема; 22,8% – участвовали в акциях по посадке деревьев; 10,5% – участвовали в различных акциях по защите окружающей среды; 8,8% – собирали подписи под обращениями к власти для решения экологических проблем; 7,9% –

участвовали в акциях протеста против загрязнения окружающей среды; 3,6% респондентов добавили в вариант «другое», уточнив, что они не мусорят на улице. В целом данные показатели говорят об активном участии населения в какой-либо природоохранной деятельности. Однако высокий процент респондентов, экономящих воду и сдающих макулатуру и бытовые отходы, может говорить и об экономической и материальной заинтересованности опрашиваемых, но в любом случае данное обстоятельство полезно для защиты окружающей среды.

В соответствии с гипотезой исследования о том, что «население региона осуществляет осознанную экологическую деятельность по защите окружающей среды», среди всех респондентов был распространен вопрос «Как Вы считаете, способны ли Вы улучшить экологическую обстановку в Вашем населенном пункте?». На этот вопрос 48,0% ответили, что могут, 26,0% – не могут повлиять и столько же участников опроса затруднились с ответом на данный вопрос. Также респондентам были предложены три высказывания, а они должны были указать, с каким из предложенных высказываний больше согласны. С первым высказыванием – «Воздействие технических средств слишком пагубно влияет на природу, толку от усилий одного человека не будет» – были согласны 13,0%. Со вторым – «Человек может меньше вредить окружающей среде, но сделать ее лучше уже не в силах» – согласились 20,0%. С третьим – «От каждого человека зависит многое. Все могут и должны не только не вредить природе, но и возможными усилиями заботиться о ее сохранении» – согласны 65,0% респондентов и затруднились с ответом 2,0%. Таким образом, с одной стороны, люди осознают важность экологических проблем, но вместе с тем немалый их процент пессимистично настроены и сомневаются, что смогут помочь в решении экологических проблем. Исходя из ответов, можно сделать предположение, что население хочет, чтобы экологических проблем было меньше, они его беспокоят, но при этом недостаточно верит в свои силы, однако уверено, что совместными усилиями можно что-то улучшить.

Подводя итоги, можно сказать, что гипотеза исследования была доказана. Можно с уверенностью сказать, что жители области беспокоятся об экологических проблемах, как глобальных, так и региональных, стараются улучшить экологию региона собственными силами, но при этом чувствуют себя незащищенными от экологических проблем. Населе-

ние определенно осознает важность экологических проблем, осознает экологические риски и понимает, что только совместная осознанная практическая деятельность может защитить и улучшить окружающую среду в своем регионе. Единственная гипотеза об информированности населения оказалась ошибочной – большинство граждан считают себя лишь частично информированными в вопросах экологии своего населенного пункта, мало тех, кто считает себя отлично информированным в данном вопросе.

Анализ социальных практик экологического сознания населения Саратовской области позволяет сделать вывод о том, что ее жители вне зависимости от пола, возраста и места проживания в полной мере обладают необходимыми составляющими модели экологического сознания.

Наличие мировоззренческого компонента подтверждается тем, что население региона чувствует личную ответственность и обеспокоенность за состояние окружающей среды. Жители городов Саратова, Балаково, Энгельса в полной мере обладают знаниями о глобальных и локальных экологических проблемах, также население области осознает экологические риски, связанные с источниками радиоактивного заражения, находящимися в Саратовской области. Вместе с тем респонденты посчитали себя лишь отчасти осведомленными об экологических проблемах в местах своего проживания. Поэтому весьма важен информационный аспект экологического сознания, поскольку только владея экологическими знаниями, человек может выполнять свою деятельность по охране окружающей среды. Изучение деятельностного компонента экологического сознания населения области показало их активное участие в природоохранной деятельности, а также осознанное желание улучшить экологическую обстановку в своем населенном пункте.

Вместе с тем беспокоит факт наличия у населения области мнения об ухудшении экологической обстановки в местах их проживания – почти половина респондентов (49,3%) отметили ее ухудшение за последние пять лет. Данное обстоятельство приводит к необходимости рекомендовать государственным и местным органам власти усилить проработку программ по защите окружающей среды в регионе, а также размещать больше материалов о своих местных экологических проблемах в региональных средствах массовой информации.

Список литературы

1. Орешкина Т. А., Коняшкин В. А. Экологическое сознание и экологические дискурсы цивилизации // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2018. Т. 47, № 4. С. 133–144.
2. Захарова О. В., Паюсова Т. И., Ахмедова И. Д., Суворова Л. Г. Зеленые практики: подходы к изучению // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 25–36. <https://doi.org/10.31857/S013216250012084-5>
3. Доклад о состоянии и об охране окружающей среды Саратовской области в 2022 году. Саратов, 2023. 220 с. // Министерство природных ресурсов и экологии Саратовской области : [сайт]. URL: https://minforest.saratov.gov.ru/info/?SECTION_ID=65&ELEMENT_ID=4622 (дата обращения: 20.07.2023).
4. Тейяр де Шарден П. Феномен человека / предисл. и коммент. Б. А. Старостина ; пер. с фр. Н. А. Садовского. М. : Наука, 1987. С.229. 239 с.
5. Тейяр де Шарден П. Феномен человека. Вселенская месса : сб. / пер. Н. А. Садовского, М. Чавчавадзе. М. : Айрис-пресс, 2002. 350 с. (Библиотека истории и культуры).
6. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера / предисл. Р. К. Баландина. М. : Айрис-пресс, 2004. 576 с. (Библиотека истории и культуры).
7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986. 432 с.
8. Карпинская Р. С., Лисеев И. К., Огурцов А. П. Философия природы: коэволюционная стратегия. М. : Фирма «Интерпракс», 1995. 350 с.
9. Шаяхметова Л. А. Коэволюционный подход как основа естественно-гуманитарной модели познания // Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2015. № 9 (59) : в 2 ч. Ч. 2. С. 200–203. EDN: UDSJDL
10. Моисеев Н. Н. Экология, нравственность и политика // Вопросы философии. 1989. № 5. С. 3–26.
11. Лузина И. И., Елисеев Ю. Ю. Экологическая этика и региональные экологические проблемы: междисциплинарный аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 387–392. <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2018-18-4-387-392>
12. Козловский В. В., Недосека Е. В., Тишков С. В. Экологические практики обращения с твердыми коммунальными отходами в малых городах европейской части Арктической зоны Российской Федерации // Регионоведческие исследования. 2022. Т. 30, № 1. С. 129–154. <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.129-154>
13. Пупышева И. Н., Захарова О. В., Кузнецова Н. В. Разновидности дискурса о сборе и переработке вторсырья: между стремлением к прибыли и спасением мира // Социологические исследования. 2023. № 3. С. 53–65. <https://doi.org/10.31857/S013216250020085-6>, EDN: FLXHSE

Поступила в редакцию 29.07.2023; одобрена после рецензирования 15.08.2023; принята к публикации 30.08.2023
The article was submitted 29.07.2023; approved after reviewing 15.08.2023; accepted for publication 30.08.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 379–385

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 379–385

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-379-385>, EDN: YDFIZD

Научная статья

УДК 316

Отношение к практикам косплея в игровом сообществе молодых российских геймеров

М. Э. Елютина ✉, А. А. Неруш

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Елютина Марина Эдуардовна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии социальной работы, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

Неруш Антон Александрович, аспирант кафедры социологии социальной работы, antonmertakagi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4251-2798>

Аннотация. Видеоигры являются одной из популярных форм цифрового досуга среди россиян в целом и молодежи в частности. Увлечению видеоиграми могут сопутствовать не только виртуальные практики, но и участие в offline-мероприятиях различного уровня: от региональных «сходок» до международных фестивалей. Косплей выступает одной из форм деятельности геймеров в offline-пространстве, исследование которой может способствовать канализации активности молодежи во внеигровые проекты. Цель исследования – анализ отношения к практикам косплея среди молодых российских геймеров. Проведено авторское социологическое исследование с использованием качественной методологии, методом глубинного интервью. Выборка составила 30 человек, основными критериями отбора респондентов послужили: возраст (18–30 лет), опыт участия в практике компьютерных игр (не менее 3 лет), наличие или отсутствие опыта участия в косплее, проживание на территории России. Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователям нового понимания для раскрытия темы). Интервью проводились в формате online с использованием голосовых и видео-чатов (TeamSpeak, Mumble, Discord). Представлены результаты глубинного интервью среди молодежного сегмента российской аудитории компьютерных игр. Интервью проходили среди представителей двух сегментов российской аудитории онлайн-игр: геймеры-косплееры и геймеры, которые не замахнутся косплеем. На основе данных проведенного исследования были проанализированы восприятие косплея среди геймеров и опыт их участия в данной offline-практике. Исследование показало, что на сегодняшний день в сообществе молодых российских геймеров существуют различные позиции по отношению к косплею и косплеерам. Одни геймеры отметили позитивное отношение к данной практике, однако их оценки качества косплея варьируются в зависимости от их роли в косплее (косплеер или зритель), другие – указали на отсутствие интереса к косплею или непонимание его смысла. Установлены основные причины отказа от участия в косплее в качестве действующих лиц среди позитивно к нему относящихся геймеров: ресурсозатратность создания образа, неуверенность в своих навыках и творческих способностях, опасение перед публичностью данной деятельности и возможностью подмены своих целей чужими, искусственно созданными. Полученные данные позволили отметить неоднозначное отношение геймеров к косплею, что важно в контексте перманентного мониторинга современных практик в этой области с целью выделения ценностных ориентиров молодежи.

Ключевые слова: российское игровое сообщество, косплей, видеоигры, культура участия

Для цитирования: Елютина М. Э., Неруш А. А. Отношение к практикам косплея в игровом сообществе молодых российских геймеров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 379–385. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-379-385>, EDN: YDFIZD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Attitude towards cosplay practices in the gaming community of young Russian gamers

М. Е. Elyutina ✉, А. А. Nerush

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Marina E. Elutina, elutina133@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5186-2418>

Anton A. Nerush, antonmertakagi@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-4251-2798>

Abstract. Video games are one of the most popular forms of digital leisure among Russians in general and young people in particular. Passion for video games can be accompanied not only by virtual practices, but also by participation in offline events of various levels: from regional “gatherings” to international festivals. Cosplay is one of the forms of activity of gamers in the offline space, the study of which can contribute to channeling the activity of young people into non-gaming projects. The purpose of the study is to analyze the attitude towards cosplay practices

among young Russian gamers. The author's sociological research was carried out using qualitative methodology, the method of in-depth interviews. The sample consisted of 30 people, the main criteria for selecting respondents were: age (18–30 years), experience in participating in the practice of computer games (at least 3 years), the presence or absence of experience in participating in cosplay, residence in Russia. The number of respondents is due to the saturation of the coding categories (interviews with new respondents do not give researchers a new understanding to reveal the topic). The interview was conducted online using voice and video chats (TeamSpeak, Mumble, Discord). The results of an in-depth interview among the youth segment of the Russian audience of computer games are presented. The interviews were conducted among representatives of two segments of the Russian audience of online games: cosplay gamers and gamers who do not bother with cosplay. Based on the data of the study, the perception of cosplay among gamers and the experience of their participation in this offline practice were analyzed. The study showed that today in the community of young Russian gamers there are different positions in relation to cosplay and cosplayers. Some gamers have noted a positive attitude towards this practice, however, their assessment of the quality of cosplay varies depending on their role in cosplay (cosplayer or spectator), others pointed to a lack of interest in cosplay or a lack of understanding of its meaning. The main reasons for refusal to participate in cosplay as actors among gamers who are positive about it are established: the resource-intensiveness of creating an image, lack of confidence in one's skills and creative abilities, fear of the publicity of this activity and the possibility of replacing one's goals with someone else's, artificially created ones. The data obtained made it possible to identify the ambiguous attitude of gamers towards cosplay, which is important in the context of permanent monitoring of modern practices in the field in order to highlight the value orientations of young people.

Keywords: Russian gaming community, cosplay, video games, participatory culture

For citation: Elyutina M. E., Nerush A. A. Attitude towards cosplay practices in the gaming community of young Russian gamers. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 379–385 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-379-385>, EDN: YDFIZD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В современной социальной реальности видеоигры являются одной из популярных форм цифрового досуга, получившего распространение среди всех возрастных групп российского общества. По данным ВЦИОМ на 2022 г., аудитория видеоигр составляет 23% россиян от 18 лет и старше; доля геймеров значительно выше среди молодых россиян. Так, в группе 18–24-летних играют 56%, а среди молодежи 25–34 лет доля геймеров составляет 34%. Отметим, что увлечение играми свойственно не только молодежи, но имеет тенденцию к проникновению и в старшую возрастную когорту: среди россиян 60 лет и старше увлекаются видеоиграми 10% [1]. Увлечению видеоиграми могут сопутствовать не только виртуальные практики, но и участие в offline-мероприятиях различного уровня: от региональных «сходок» до международных фестивалей. В рамках данной статьи мы акцентируем внимание на косплее – одной из offline-практик, распространенных на мероприятиях с игровой тематикой.

В дословном переводе под «косплеем» понимается «костюмированная игра», процесс, в котором происходит перевоплощение участника игры (косплеера) в персонажей различных книжных, кинематографических и игровых сюжетов. Однако косплей не ограничивается только созданием визуального образа, косплеер примеряет на себя полноценный образ того или иного героя, вплоть до характера, поведения персонажа и его физической составляющей. Косплееры запоминают позы, репетируют диалоги, стараясь воссоздать каждую деталь свое-

го персонажа [2]. Помимо этого, под термином «косплей» понимается не только деятельность по перевоплощению, но и вид молодежной субкультуры. В этом плане активно поднимаются вопросы пересечения границ реального и виртуального миров, влияния воспроизводства различных идентичностей на личность косплеера, а также формирования сообщества косплееров в реальной и виртуальной среде [3].

Помимо понимания феномена косплея как субкультуры, другим важным подходом является его рассмотрение как «культуры соучастия». Понятие «культура соучастия» («participatory culture») было введено 90-е г. XX в. исследователем медиа Г. Дженкинсом с целью анализа деятельности фанатов, творчески реагирующих на произведения массовой или попкультуры и не ограничивающихся только ее потреблением [4]. По Г. Дженкинсу, культура участия характеризуется созданием сообщества с неформальной структурой отношений, свободным входом и выходом из сообщества, свободой творчества и самовыражения и идентификацией участников с этим сообществом [5]. Отличительными чертами культуры соучастия от субкультур являются отсутствие идентификации «своей-чужой» между представителями разных направлений, переосмысление и творческое развитие исходного контента, а не принятие единого паттерна, свойственного для сообщества, а также ориентация на медиапространство, а не на реальные «территории» [4]. Таким образом, косплей можно рассматривать как в контексте субкультуры, так и как культуру участия. Как субкультура косплей базируется на основе создания сооб-

щества косплееров, обладающего своими территориями (например, офлайн-площадками и интернет-сообществами) и ценностями. Однако косплей требует участия не только тех, кто будет напрямую реализовывать данную практику, перевоплощаясь и отыгрывая роли, но и зрителей. Данная особенность не позволяет косплеерам очерчивать границы пространства своей группы и приносит в практику элементы культуры участия: открытость сообщества, высокую мобильность между группами и отсутствие четкой иерархии и распределения ролей. К примеру, сегодняшний зритель может в следующей раз только на основании своего решения стать косплеером и наоборот.

Анализируя феномен косплея в контексте видеоигр и деятельности игрового сообщества, отметим, что данный феномен появился раньше, чем видеоигры. Временем зарождения практики косплея принято называть 1939 г., когда американские фанаты Форрест Аккерман и Миртл Джонс явились на первый конвент научной фантастики в Нью-Йорке, одевшись как герои космооперы. Позитивное восприятие данного события аудиторией привело к тому, что на конвенте в 1940 г. среди участников уже проводился конкурс на лучший костюм [6]. В России практики косплея начали зарождаться в постсоветский период. Анализ СМИ, проведенный М. А. Рябининой, показал, что первые упоминания косплея в российских СМИ начали появляться только в 1999 г. в специализированных журналах, посвященных видеоиграм. С начала 2000-х гг. косплей в России развивается преимущественно как часть аниме-культуры, и только в 2013–2014 гг. его восприятие как части субкультуры «анимешников» отходит на второй план в пользу более широко понятия «гик-культура» [7]. Как отмечает И. А. Владимиров, гик-культура – это совокупность молодежных субкультур информационного общества, отличительной особенностью которых является увлеченность виртуальными мирами, что становится существенной особенностью образа жизни ее последователей и их самоидентификации. Гик-культура объединяет людей по всему миру и не предполагает соблюдения жестких требований, делая ее открытой для новых участников [8].

На современном этапе косплей является одной из массовых практик, распространенных в России и мире. Ежегодно в России проводятся различные крупные мероприятия, направленные на развитие практик косплея в стране (например, Epic Con Russia и фестиваль

косплея «Тогучи»), а также локальные события, направленные на консолидацию косплей-движения в регионах.

Изучение отношения к практикам косплея молодых российских геймеров, как наиболее вовлеченного в видеоигры и внеигровые активности сегмента российского общества, поможет обозначить актуальность и выделить барьеры для их участия в современной массовой практике косплея, а также возможности для вовлечения геймеров в другие формы социальной активности.

С целью анализа отношения к практикам косплея среди молодых российских геймеров в 2023 г. нами было проведено исследование с использованием качественной методологии, методом глубинного интервью (N = 30). Разработка программы исследования, постановка исследовательских задач, подготовка инструментария, сбор и анализ материала проводились по методологии «двойной рефлексивности» [9]. Основными критериями отбора респондентов послужили: возраст (18–30 лет), опыт участия в практике компьютерных игр (не менее 3 лет), наличие или отсутствие опыта участия в косплее, проживание на территории России. Количество респондентов обусловлено насыщением кодировочных категорий (интервью с новыми респондентами не дают исследователям нового понимания для раскрытия темы). Интервью проводились в формате online с использованием голосовых и видео-чатов (TeamSpeak, Mumble, Discord). Выбор данного формата обусловлен необходимостью отражения всех случаев, в том числе и геймеров, которые отказались бы от встречи в «реальном мире» по каким-либо причинам. Длительность интервью составила от 60 до 80 мин. При транскрипции авторы статьи старались сохранить специфику «естественного словаря» [10]. В процессе интервью мы обсудили с информантами тему косплея и различные аспекты участия в данной практике. Интервью проходили среди представителей двух сегментов российской аудитории онлайн-игр: геймеры-косплееры и геймеры, которые не замаются косплеем. В рамках нашей статьи мы обозначим первый сегмент игровой аудитории как «косплееры», а второй – как «геймеры».

Отношение к практике косплея среди молодых российских геймеров

Результаты исследования показали, что часть информантов положительно оценивают косплей в целом и проявляют интерес к меро-

приятиям, в которых участвуют косплееры. При этом чаще всего внимание геймеров направлено на фестивали, проводимые крупными участниками игровой индустрии, а не на события в рамках своего региона.

Р: Положительно отношусь к косплею! Чем больше, тем лучше, очень часто слежу за всеми событиями: и E3 и Comic-Con. Очень положительно к этому отношусь (муж., 10 лет игрового стажа, играет в World of Warcraft и Terra).

Отметим, что отношение геймеров к косплею не ограничивается только позитивной позицией, ряд информантов указали на отсутствие идейного и терминологического объединения с косплеем.

Р: Я с косплеем не на одной волне. Я их образы воспринимаю как элемент домашнего театра, не более того (жен., 5 лет игрового стажа, играет в Lineage 2).

Р: У нас в принципе это не востребовано в той же Dota, да, там блин и косплеят очень часто одни ... [девушки], господи они меня бесят, потому что косплеят каких-то персонажей, которые должны нравятся парням, но не имеют за собой никакого смысла... (муж., 5 лет игрового стажа, играет в World of Warcraft и Dota 2).

Информанты указали и на тот факт, что отождествление себя с каким-то образом может привести к тому, что чужой, придуманный жизненный опыт будет восприниматься как свой, что мешает конструированию и реализации своих уникальных целей.

Р: На мой взгляд, здесь возможна подмена своей жизни чужой, искусственной. Человек может превратиться в неадекват (муж., 8 лет игрового стажа, играет в Destiny 2).

Среди геймеров, которые изначально декларируют позитивное отношение к косплею, фиксируется дифференцированное отношение к практической реализации данной практики. Во-первых, геймеры не желают видеть подмену косплея контентом эротического содержания, данная «имитация косплея» воспринимается негативно как в группе зрителей, так и среди косплееров. Подобную позицию можно объяснить как доминированием в России традиционной системы ценностей, табуирующей подобный контент в публичном offline-пространстве, так и защитой своего сообщества от новых точек информационных атак и стигматизации. Отметим, что схожая позиция наблюдается и среди косплееров.

Р: Смотря какой косплей. Если косплей с полуголыми девушками, при этом неважно по

какой игре, – то нет, к такому отношусь негативно, а если же самый обыкновенный косплей по игре – нормально (жен., 3 года игрового стажа, играет в Blade and Soul).

Во-вторых, геймеры, которые позиционируют себя исключительно как наблюдатели, позитивно относятся к косплеерам, которые пытаются воссоздать образ персонажа. При этом речь идет именно о попытках полноценно отыгрывать персонажа, а не просто скопировать его внешность. В этом случае косплеер столкнется с одобрением со стороны аудитории, независимо от успешности косплея. Подобная модель поведения соотносится с теоретической моделью культуры участия и демонстрирует открытость игрового сообщества.

Р: Но, опять же, говоря о нём, если это косплей настоящий, а не просто надеть такую же одежду, как у героя и себя показывать... А если отыгрывать персонажа полностью, то порой, преобразования людей очень сильно удивляют и восхищают. В любом случае, если человек старается, то он заслуживает похвалы, даже если что-то и не выходит (жен., 6 лет игрового стажа, играет в Tera).

В-третьих, среди косплееров фиксируется более высокая требовательность к созданию образа персонажей другими косплеерами. Косплееры оценивают костюмы и аутентичность персонажей, исходя из своего опыта и самооценки экспертности как косплеера.

Р: Я к косплею вообще очень положительно отношусь, но, если этот косплей не <...> [ненормативная лексика, выражающая акцент на непотребном виде косплеера]. Я как человек, который в косплее хоть немного шарит, я смотрю в первую очередь на сложность костюма, на похожесть с персонажами, если костюм как такового нет, то есть если допустим косплеят аниме тянок [женских персонажей], на схожесть с персонажами и так далее, на укладку парика и на грим или макияж (жен., 5 лет игрового стажа, играет в Rust, косплеер).

Несмотря на тот факт, что ценится схожесть с персонажем (выполнение и выражение), в восприятии образа персонажа всегда сохраняется отличие в своих собственных измерениях. Оценка качества косплея самим косплеером зависит от целей его занятия, например, существует дифференциация между косплеем для развлечения и фотографий и косплеем для мероприятий. Помимо этого, роль в построении оценок играют самооценка косплеера и его ожидания от косплей-сообщества и самого себя.

Р: Нет, можно, конечно, придумать какой-нибудь кастомный костюм, допустим, взять сделать какой-нибудь крафт брони у нас и просто натянуть на себя и сказать: «Вот я, короле, косплею», – но я не думаю, что это далеко пройдет. То есть, это как бы пофаниться, посядять так, пофотографироваться, но не более того. Но на конкурс, я сейчас вот про конкурс говорю, это не пойдет, меня не поймут другие (жен., 5 лет игрового стажа, играет в Rust, косплеер).

Барьеры для участия в практике косплея

Геймеры, которые ранее не занимались косплеем, но позитивно относятся к данной практике, отмечают барьеры для своего участия в ней. С одной стороны, это обусловливается сложностью создания образа, а с другой – выбранной позицией наблюдателя, а не участника.

Р: Ну, я была на фестах. Поэтому, в целом, положительно. А на счёт участия, вот даже и не знаю что-то, я больше наблюдатель, так-то (жен., более 10 лет игрового стажа, играет в Tera и Arcane legends).

Р: Косплей мне кажется прикольным занятием. Это как Хэллоуин без Хэллоуина. Но сам заниматься этим я бы не хотел. Уж очень это трудоемкое мероприятие (муж., 7 лет игрового стажа, играет в Destiny 2).

Геймеры, выбирающие для себя позицию наблюдателя, а не косплеера, объясняли это как объективными факторами, так и своими субъективными ощущениями. Помимо необходимости затрат на косплей, геймеров отталкивает от участия трудоемкость создания образа и неуверенность в своих творческих способностях. Кроме этого, некоторые из информантов опасаются публичности косплея и не хотят привлекать к себе внимание.

Р: Очень хотел бы побыть косплеером и побыл бы, если б не лень и недостаток средств (муж., 8 лет игрового стажа, играет в Tera, BDO).

Р: Если бы умел, то может и поучаствовал бы (муж., более 10 лет игрового стажа, играет в DOTA 2).

Р: Сама не хотела бы: руки-крюки для шитья и крафта (жен., 7 лет игрового стажа, играет в Lineage 2).

Р: Я не хочу привлекать к себе внимание, как-то так. Вот. Именно в этом плане (жен., 2 года игрового стажа, играет в Blade & Soul).

Трудности включения в практику косплея, которые озвучивают косплееры, схожи с теми, которые озвучивали геймеры: занятие косплеем требует больших временных и финансовых затрат, а также наличия творческих навыков.

Р: Но, опять же, говоря о нём, если это косплей настоящий, а не просто надеть такую же одежду, как у героя, то это сложно ... Нужно отыгрывать образ и тратить очень много времени на костюм (муж., 8 лет игрового стажа, играет в TESO, косплеер).

Для создания полноценного образа требуется множество элементов, которые косплеер воссоздает по своему усмотрению и возможностям. Часто косплееры не ищут готовых решений, а пытаются воссоздать костюм и элементы образа своими силами или по своему проекту.

Р: Я уже косплеила и принимала участие в мероприятиях. Но суть в том, что косплей, в принципе, – дорогое удовольствие довольно-таки. То есть, например, какой-нибудь парик меньше чем за 3 тысяч ты не купишь, костюм пошив только 1500 стоит у швец, плюс ткань тебе выйдет тысячи на 3 (жен., 7 лет игрового стажа, играет в DOTA 2, косплеер).

С целью экономии, а также высвобождения ресурсов на новые образы косплееры могут прибегать к использованию сайтов для объявлений или групп в социальных сетях: на российских платформах существует отдельные сообщества, посвященные перепродаже бывших в употреблении вещей для косплея.

Помимо этого, косплей рассматривается как публичная деятельность, предполагающая наличие площадок игровых мероприятий. Если в аспекте фотографий и тематических групп в социальных сетях данная проблема нивелируется, хотя такой формат значительно приуменьшает творческие возможности косплеера, то в аспекте offline-мероприятий поиск подобных площадок в России является проблематичным.

Р: Для меня офлайн-площадки представляют большую ценность. В первую очередь, это возможность встретиться с другими игроками и обменяться опытом в создании костюмов, основанных на персонажах из любимых игр. В офлайне, в отличие от онлайн, играет роль не только красивый костюм, но и то, как ты отыгрываешь персонажа и его характер. Но такие мероприятия проходят очень редко и, как правило, в Москве или Питере (муж., 8 лет игрового стажа, играет в TESO, косплеер).

Таким образом, с самого начала косплея существует, будучи открытым общественному полю, демонстрируя особый тип записи для опыта взаимодействия людей. Это – выразительная среда со смешанными отношениями, где сталкиваются, противопоставляются или примиряются различные позиции и мнения. Кроме того, косплей может формировать логику «внутреннего возвращения», когда отыгранный образ инициирует переосмысление своего «Я», стягивание своих потенциалов, анализ динамических ресурсов. Для одних косплееров важно пройти через отношения интенсивности, осуществляя становления, падения и подъемы, миграции и смещения, другие – остаются кочевыми субъектами, легко проходя по внешним траекториям игры. Поэтому и отношение к косплею неоднозначное. Как показывают результаты нашего исследования, часть геймеров отмечают позитивное отношение к данной практике, однако их оценки качества косплея варьируются в зависимости от их роли в косплее (косплеер или зритель). Отметим, что часть геймеров указали на отсутствие интереса к косплею или непонимание его смысла.

Среди геймеров, позитивно относящихся к косплею, но не готовых заниматься им самостоятельно, информанты позитивно оценивают любые попытки аутентичного отыгрыша персонажа косплеерами. Оценки реализации косплея среди информантов, занимающихся данной практикой, отличаются от мнения других геймеров. Косплееры стремятся оценить проработанность деталей, сложность костюма и точность воссоздания характера и поведения персонажа. Отметим, что подобные требования косплееры выдвигают и к себе, говоря о сложностях участия в данной практике.

Главными причинами отказа геймеров от участия в косплее в качестве действующих лиц являются: ресурсозатратность создания образа, неуверенность в своих навыках и творческих способностях, а также опасение перед публичностью данной деятельности и возможностью подмены своих целей чужими, искусственно созданными. Отметим, что на высокую ресурсозатратность создания образа как одну из ключевых проблем указывают и косплееры. Другой проблемой косплееров, которую они не могут решить самостоятельно, является отсутствие доступных offline-площадок для самореализации в рамках косплея.

Позитивное отношение геймеров к косплею и потенциальная готовность к участию

в данной практике при нивелировании объективных барьеров могут использоваться в рамках мобилизационных технологий. В данном контексте под мобилизационными технологиями понимается конструктивная мобилизация, когда группа людей, используя имеющиеся сети и другие ресурсы, целенаправленно организует такие социальные действия, которые помогают лучше узнать и понять социальные феномены, например общественно-политические кампании или волонтерские акции [11]. Мероприятия с участием косплееров или вовлечение геймеров в социальную активность через создание UGC-контента (контент, генерируемый пользователями самостоятельно) с тематикой косплея могут использоваться для привлечения внимания к актуальным общественным вопросам. Например, таким образом возможно привлекать внимание молодежи к истории России с помощью мероприятий, где аудитория будет не простыми зрителями, а участниками или частью сообщества. Реализуя принципы добровольности и неформальности культуры участия, отдельные косплей-мероприятия, посвященные памятным событиям, могут получить вирусный потенциал и помочь продвижению просветительских кампаний.

Список литературы

1. Стоп игра?! Проблемы российского онлайн-гейминга // ВЦИОМ. 2022. 20 июля. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/stop-igra-problemy-rossiiskogo-onlain-geiminga> (дата обращения: 10.04.2023).
2. Тюрморезова Е. В., Шевченко Е. П. История возникновения косплея // Развитие личности средствами искусства : материалы V Междунар. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Ю. Ю. Андреевой, И. Э. Рахимбаевой. Саратов : Саратовский источник, 2018. С. 241–247. EDN: YUWDLF
3. Галанина Е. В., Самойлова Е. О. «Околоигровые феномены» как форма современного мифотворчества // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2020. № 40. С. 5–19. <https://doi.org/10.17223/22220836/40/1>
4. Самыгин С. И., Кротов Д. В., Шилина Н. А. Субкультуры и культуры соучастия – сходство и различие // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2017. № 8–9. С. 120–124.
5. Алгави Л. О., Харченко А. В. Феномен фанатского творчества: основные направления изучения // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2020. Т. 25, № 3. С. 531–541. <https://doi.org/10.22363/2312-9220-2020-25-3-531-541>

6. Фахретдинова М. Р., Оселедчик Е. Б. История косплея // Культура и время перемен. 2017. № 1 (16). URL: [https://s.esrae.ru/timekguki/pdf/2017/1\(16\)/228.pdf](https://s.esrae.ru/timekguki/pdf/2017/1(16)/228.pdf) (дата обращения: 10.04.2023).
7. Рябина А. М. «Отаку атакуют»: российское косплей-сообщество в публикациях СМИ (по материалам статей 1999–2017 года) // Артикульт. 2018. № 1 (29). С. 109–127. <https://doi.org/10.28995/2227-6165-2017-27-3-109-127>
8. Владимиров И. А. Гик-культура как новый молодежный социокультурный феномен современного российского общества // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2019. № 3 (39). С. 114–118. <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2019-9-3-114-118>
9. Шанин Т. Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал, 1998. № 3–4. С. 101–116.
10. Девятко И. Ф. Методы социологического исследования. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1998. 208 с.
11. Соколов А. В., Соловьева А. В. Мобилизация в общественно-политических кампаниях // Власть. 2013. Т. 21, № 11. С. 55–58.

Поступила в редакцию 05.07.2023; одобрена после рецензирования 30.07.2023; принята к публикации 30.08.2023
The article was submitted 05.07.2023; approved after reviewing 30.07.2023; accepted for publication 30.08.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 386–397

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 386–397

<https://soziopolit.sgu.ru>

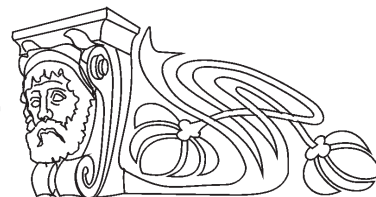
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-386-397>, EDN: YKYUEW

Научная статья

УДК 316.342.6

Региональная бедность: поколенческий аспект

К. В. Мохнаткина

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мохнаткина Ксения Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной информатики, kse339@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0640-8704>

Аннотация. В статье представлены результаты эмпирического социологического исследования, проведенного в 2022 г. в Саратове методом анкетирования и посвященного бедности. Объем квотно-территориальной выборки составил 626 респондентов. Выявлено, что среднее поколение чаще относилось к абсолютно бедным, младшее – к относительной бедным. Сегодня большинство саратовцев увязывают бедность с размером дохода в 8–12 тыс. руб. Каждый четвертый из них ощущал бедность в начале своего самостоятельного жизненного пути и столько же, преимущественно среднего поколения, на момент опроса находились в ситуации бедности. Они ощущают себя более депривированными во всех сферах повседневной жизни, особенно – в отпускном отдыхе. Динамика оценки материального положения свидетельствует об относительно благополучном стабильном улучшении положения молодежи, и несколько менее благоприятных разнонаправленных векторах изменений у среднего поколения. Молодежь чаще отмечала риск потери работы, низкий уровень заработной платы, потерю кормильца. Среди среднего поколения чаще встречаются страх болезни и закредитованности. Для жителей г. Саратов основными объективными факторами бедности оказались низкая заработная плата (68,5%), безработица (50,5%), недостаточная поддержка государства (44,0%). Наряду с этим выделены субъективные характеристики, способствующие бедности: лень, алкоголизм, низкий образовательный уровень, наркомания, потеря здоровья, закредитованность и потеря кормильца. Иными словами, саратовцы в бедности больше склонны обвинять государство и его политику, не забывая и про субъективные характеристики индивидов. По поводу преодоления бедности молодежь настроена более оптимистично, чем среднее поколение. На заработки уезжают 6,7% саратовцев, преимущественно молодежь (6,9%). Еще думают над этим 20,0% населения, преимущественно среднее поколение. Чаще всего на заработки уезжают в столичные города, реже – в другие регионы. Большинство саратовского населения, особенно среднее поколение, очень негативно оценивают эффективность стратегии преодоления бедности в регионе.

Ключевые слова: бедность, поколения, поколенческие различия восприятия бедности

Для цитирования: Мохнаткина К. В. Региональная бедность: поколенческий аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 386–397. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-386-397>, EDN: YKYUEW

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The regional poverty: Generation aspect

K. V. Mokhnatkina

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Ksenia V. Mokhnatkina, kse339@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0640-8704>

Abstract. The article presents the results of an empirical sociological study conducted in 2022 in Saratov using the questionnaire method and dedicated to poverty. The volume of the quota-territorial sample amounted to 626 respondents. It was revealed that the middle generation was more likely to talk about absolute poverty, the younger – about relative poverty. Today, the majority of Saratov residents link poverty with an income of 8–12,000 rubles. Every fourth of them felt poverty at the beginning of their independent life path and the same number, mainly of the middle generation, at the time of the survey are in a situation of poverty. They feel more deprived in all areas of everyday life, especially on vacation. The dynamics of the assessment of the material situation indicates a relatively successful stable improvement in the situation of young people, and somewhat less favorable multidirectional vectors of change in the middle generation. Among young people, they more often talked about the risk of losing their jobs, low wages, and losing their breadwinner. Among the middle generation, the fear of illness and over-indebtedness are more common. For residents of the city of Saratov, the main objective factors of poverty were low wages (68.5%), unemployment (50.5%), insufficient state support (44.0%). Along with this, the subject characteristics that contribute to poverty are highlighted: laziness, alcoholism, low educational level, drug addiction, loss of health, over-indebtedness and loss of breadwinner. In other words, Saratov residents are more inclined to blame the state and its policies for poverty, not forgetting about the subjective characteristics of individuals. Young people are more optimistic than the average generation about overcoming poverty. 6.7% of Saratov residents leave the town for other areas to earn money, mainly young

people (6.9%). 20.0% of the population, mostly the middle generation, still plan to do it. Most often, people leave for work to capital cities, less often - in other regions. The majority of the Saratov population, especially the middle generation, rather negatively evaluate the effectiveness of the strategy to overcome poverty in the region.

Keywords: poverty, generations, generational differences in the perception of poverty

For citation: Mokhnatkina K. V. The regional poverty: Generation aspect. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 386–397 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-386-397>, EDN: YKYUEW

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Бедность – значимая социальная проблема любого социума, в том числе российского общества. Ее объемы и глубина отражают как характер функционирования экономики, так и степень соответствия распределительных отношений принципам социальной справедливости. Как правило, бедность сопрягается с безработицей и ростом социального неравенства среди населения. Однако в нашей стране, особенно в регионах, к бедным нередко относятся работающие сограждане, чаще – это молодежь и старшее поколение.

Между тем бедность имеет серьезные последствия. С ней взаимосвязаны проблемы занятости, безработицы, демографического воспроизводства населения. Она влияет на здоровье россиян, их культурно-образовательный уровень, социализацию, когда молодые люди, выросшие в бедности, чаще всего пополняют ряды бедняков. Бедность способствует снижению уровня и качества жизни населения, росту различных девиаций, включая криминогенность и террористические риски. Все это существенно актуализирует социологическое изучение бедности, ее причин и факторов, особенно в поколенческом разрезе.

О бедности и ее причинах писали еще А. Смит [1], М. Вебер [2]. К. Маркс и Ф. Энгельс выделяли три типа бедности: абсолютную, социальную (относительную) и физическую [3, с. 38–60]. Из современных западных исследователей проблем бедности следует выделить Ф. Хайека [4]. В России Н. Д. Вавилина [5], Р. А. Кадермятова [6], Р. П. Рыбаков [7], Н. В. Чернина [8] рассматривали ее с двойственных позиций – как социальное явление и как проблему, чем обновили методологию ее изучения. Социологи много внимания уделяли систематизации изучения бедности (Л. Т. Волочкова, В. Н. Минина [9]), ее методологии и методике анализа (В. М. Воронков, Э. А. Фомин [10], Л. А. Гордон [11], З. Ф. Ибрагимова [12], В. С. Сычева [13]).

Многие исследователи увязывали бедность с социальной дифференциацией (М. Б. Попова [14]), со стратификационными изменениями в стране (Л. А. Беляева [15]) и маргинализацией россиян (Н. М. Римашевская [16]). Другие ис-

следователей изучали бедность через призму социального неравенства (В. Н. Бобков, Е. В. Одинова [17], А. В. Брега [18], А. В. Каравай [19], П. И. Куконков [20]). Ряд социологов провели межстрановой анализ бедности как глобальной проблемы (С. Н. Быкова, В. П. Любин [21], Е. Е. Румянцева [22]). Таким образом, накоплен значительный опыт изучения бедности. Однако значимость этого постоянно воспроизводящегося явления, его масштабы требуют постоянного социологического мониторинга, особенно в региональном и поколенческом ракурсе.

Бедность – это социально-экономическое состояние индивидов, семей, социальных групп, когда их наличные ресурсы не обеспечивают удовлетворения основных потребностей. Этот подход и послужил основанием для проведения в 2022 г. в Саратове социологического исследования методом анкетирования. Объем квотно-территориальной выборки составил 626 респондентов. Критерий отбора: пол, возраст, место жительства. В ходе анализа было сформировано две категории опрошенного населения – молодежь (до 30 лет) и среднее поколение (31–55 лет).

Рассматривая поколенческие различия бедности, необходимо определить, что понимают под бедностью саратовцы (табл. 1). В восприятии среднего поколения бедность чаще других преломляется через такие проявления, как жить от зарплаты до зарплаты (34,4%), еле-еле сводить концы с концами (21,5%), постоянно жить в долг (12,9%) и отсутствие возможности потратить деньги на развлечения (5,4%). Для молодежи жить в бедности чаще означает невозможность иметь личный автомобиль и выезжать за границу, приобретать дорогие вещи и продукты (10,3%), пользоваться старыми вещами и уцененными товарами (9,3%), отсутствие возможности получить услуги платной медицины, отдыха на курорте (по 8,4%), платного образования (0,9%). Таким образом, представители среднего поколения чаще говорили об абсолютной бедности, младшего – об относительной бедности, когда за точку отсчета берется жизненный уровень других слоев населения.

Таблица 1

Влияние возраста респондента на определение понятия «бедность», %

Понятие бедности	Поколение		По выборке
	молодежь	среднее поколение	
Жить от зарплаты до зарплаты	31,8	34,4	33,0
Еле-еле сводить концы с концами	17,8	21,5	19,5
Постоянно жить в долг	7,5	12,9	10,0
Невозможность иметь личный автомобиль и выезжать за границу, приобретать дорогие вещи и продукты	10,3	5,4	8,0
Отсутствие возможности получить услуги платной медицины	8,4	7,5	8,0
Отсутствие возможности отдыха на курортах	8,4	7,5	8,0
Пользоваться старыми вещами и уцененными товарами	9,3	3,2	6,5
Отсутствие возможности потратить деньги на развлечения	3,7	5,4	4,5
Приобретать недорогие, некачественные продукты	1,9	2,2	2,0
Отсутствие возможности платного образования	0,9	–	0,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Для уточнения был задан вопрос о том, с каким семейным доходом сопряжена бедность (табл. 2). Молодежь чаще называла величину доходов в 7–12 тыс. руб. (76,7%), ориентируясь на прожиточный минимум. Только они также говорили о минимальном доходе в 30–

60 тыс. руб. Среднее поколение чаще называли в качестве порога бедности доход в 12–30 тыс. руб. (36,5%) и увязывали с бедностью доход в 60–90 тыс. руб. (2,2%). Таким образом, большинство саратовцев (69,5%) соотносят бедность с размером дохода в 8–12 тыс. руб.

Таблица 2

Доход бедной семьи по мнению поколений, %

Доход бедной семьи, руб.	Поколение		По выборке
	молодежь	среднее поколение	
До 7–8 тыс.	44,9	34,4	40,0
От 8 до 12 тыс.	31,8	26,9	29,5
От 12 до 20 тыс.	19,6	29,0	24,0
От 20 до 30 тыс.	1,9	7,5	4,5
От 30 до 60 тыс.	1,9	–	1,0
От 60 до 90 тыс.	–	2,2	1,0
Итого	100,0	100,0	100,0

В ходе исследования задавался вопрос о том, на каком жизненном отрезке респонденты ощущали себя бедными (табл. 3). Представители молодежи чаще других указывали, что никогда не испытывали такого (37,4%). Среди среднего поколения таковых только 14,0%. Видимо, в последние годы уровень бедности по субъективным ощущениям снизился.

Молодежь чаще старших связывала ощущение бедности с детством (14,0%), с учебой в вузе, техникуме/колледже (11,2%), когда в семье

случилось несчастье (4,7%). Среднее поколение чаще ощущало бедность в начале своего самостоятельного жизненного пути (26,9%), во время учебы в вузе, техникуме/колледже (11,8%), когда в семье появились дети (10,8%), а также в связи с выходом на пенсию, распадом семьи (по 5,4%) и в настоящее время (4,3%). К этому следует добавить, что 7,5% опрошенных представителей среднего поколения (против 4,7% среди молодежи) подчеркнули, что ощущение бедности не покидает их на протяжении всей жизни.

Таблица 3

Поколенческие различия периода ощущения бедности, %

Период, когда респондент ощущал себя бедным	Поколение		По выборке
	молодежь	среднее поколение	
Не было такого периода	37,4	14,0	26,5
В первые годы самостоятельной жизни	23,4	26,9	25,0
В детстве (юношестве)	14,0	11,8	13,0
Во время учебы в вузе, техникуме/колледже	11,2	11,8	11,5
Ощущение бедности не покидает на протяжении всей жизни	4,7	7,5	6,0
Когда в семье появились дети	0,9	10,8	5,5
После выхода на пенсию	–	5,4	2,5
Когда в семье случилось несчастье	4,7	2,2	3,5
Когда распалась семья	–	5,4	2,5
В настоящее время	2,8	4,3	3,5
Другое (укажите)	0,9	–	0,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Можно предположить, что их бедность на этапе социализации во многом связана с трудными 1990-ми годами, в период радикальной шоковой трансформации российского социума. Таким образом, бедность может передаваться по наследству, поскольку успехи и неудачи взрослого человека сильно зависят от пережитого в юности опыта. Не случайно 7,5% молодежи и 11,8% представителей среднего поколения говорили о непрерывном ощущении своей бедности, включая момент опроса.

Границы бедности Росстат привязал к доходу в 12 770 руб. в месяц для трудоспособного населения, 9727 руб. для пенсионеров и 11 591 руб. для детей [23]. При этом МРОТ на 2022 г. установлен на уровне 13 890 руб., величина прожиточного минимума составляет 12 654 руб. в целом по России [24]. Полученные данные помогают проследить уровень бедности, который выражается в размере дохода, обеспечивающего прожиточный минимум. По данным саратовских статистиков, в 2022 г. доход до 7 тыс. руб. в области имели 5,2% населения, от 7 до 10 тыс. – 8,4 %, а от 10 до 14 тыс. руб. – 13,9%. Численность населения Саратовской области, имеющего среднедушевые доходы ниже границы бедности, составляет 334,8 тыс. чел. (14% от населения региона), или почти каждый седьмой ее житель [25].

Однако социологический опрос показал, что среди тех, у кого уровень дохода составляет до 8000 руб. одинаково представлены как молодежь, так и среднее поколение (по 7,5%). Уро-

вень дохода от 8001 до 12 000 руб. имеют 14,0% молодежи и 16,1% представителей среднего поколения. Таким образом, в ситуации бедности находятся 22,5% жителей Саратова, преимущественно среднего поколения (23,6% против 21,5% среди молодежи), иными словами – каждый пятый саратовец (табл. 4).

Среди молодежи (в отличие от старших) чаще встречается доход от 20 001 до 30 000 руб. (22,4%), от 12 001 до 15 000 руб. (17,8%) и от 50 001 руб. и выше. Иными словами, среди молодежи чаще наблюдается средний и высокий уровень дохода. В среднем поколении в два раза чаще наблюдается доход от 40 001 до 50 000 руб. (14,0% против 6,5% среди молодежи). В этой возрастной категории немного чаще встречается доход от 30 001 до 40 000 руб. (12,9%) и от 15 001 до 20 000 руб. (10,8%). Иными словами, околобедных саратовцев с доходом от 12 001 до 20 000 руб. больше среди молодежи (28,1% против 24,8% среди старшей возрастной категории). К ним примыкают 22,4% молодых саратовцев с доходом до 30 000 рублей (22,4%). Среди среднеобеспеченных горожан с доходом от 20 001 до 50 000 руб. доминирует среднее поколение (47,3% против 40,1% среди молодежи). Можно предположить, что именно эта категория населения существенно облегчает жизнь молодежи, которая не испытывала бедности никогда. Таким образом, среднее поколение отличается доходной полярностью – среди них больше самых бедных и самых состоятельных.

Таблица 4

Поколенческие различия в уровне среднемесячного дохода, %

Доход в месяц, руб.	Поколение		По выборке
	молодежь	среднее поколение	
До 8000	7,5	7,5	7,5
От 8001 до 12 000	14,	16,1	15,0
От 12001 до 15 000	17,8	14,0	16,0
От 15 001 до 20 000	10,3	10,8	10,5
От 20 001 до 30 000	22,4	20,4	21,5
От 30 001 до 40 000	11,2	12,9	12,0
40 001 до 50 000	6,5	14,0	10,0
От 50 001 и выше	3,7	3,2	3,5
Затрудняюсь с ответом	6,5	1,1	4,0
Итого	100,0	100,0	100,0

При оценивании потребительских возможностей (табл. 5) оказалось, что совсем обездоленных, которым не хватает даже на продукты, чуть больше среди среднего поколения (1,1% против 0,9% молодежи). Большинству из них денег хватает только на продукты и одежду (50,5% против 38,3% среди молодежи). Это показывает, что среднее поколение чаще находится в зоне потребительского риска, на грани бедности. Вместе с тем представители этой

возрастной категории чаще упоминали о том, что могут позволить себе абсолютно все (3,2% против 2,8% среди молодых). Молодежь чаще других говорила о том, что они могут позволить себе купить товары длительного пользования (45,8% против 36,6% среди старших) и даже автомобиль (12,1% против 8,6% среди представителей среднего возраста). Таким образом, молодое поколение больше тяготеет к средневысокому потреблению, а среднее – к средненизкому.

Таблица 5

Поколенческие различия в уровне потребительских возможностей, %

Материальное положение	Поколение		По выборке
	молодежь	среднее поколение	
Денег не хватает даже на продукты	0,9	1,1	1,0
Денег хватает на продукты и одежду, но покупка холодильника, телевизора, мебели – проблема	38,3	50,5	44,0
Можем без труда купить холодильник, телевизор, но на большее денег нет	45,8	36,6	41,5
Можем без труда купить автомобиль, но на большее (квартира, дача) денег нет	12,1	8,6	10,5
Можем позволить себе практически все	2,8	3,2	3,0
Итого	100,0	100,0	100,0

В состоянии бедности саратовцы (80,0%), особенно среднее поколение (82,8%), лишены возможности полноценного отпускного отдыха (табл. 6), развлечений (66,7% против 51,4% среди молодежи). У них ограничены возможности в приобретении одежды и обуви (58,1% против 36,4% среди молодежи), лекарств (46,2% против 28,0% среди молодежи). Среднее поколение

чаще ограничивает себя в питании (33,3% против 14,0% среди молодежи). Иными словами, среднее поколение при бедности значительно депривировано во всех сферах повседневной жизни.

Динамика оценки материального положения за последние пять лет также показывает разные векторы изменений состояния бедности у разных поколений (табл. 7). Так, молодежь в

Таблица 6

Поколенческие различия ощущения депривированности, %

Виды депривации при бедности	Поколение		По выборке
	молодежь	среднее поколение	
Питание	14,0	33,3	23,0
Лекарства	28,0	46,2	36,5
Одежда и обувь	36,4	58,1	46,5
Развлечения	51,4	66,7	58,5
Отпуск	77,6	82,8	80,0

Таблица 7

Поколенческие различия в оценках динамики материального положения за последние пять лет, %

Оценка изменения материального положения	Поколение		По выборке
	молодежь	среднее поколение	
Значительно улучшилось	18,7	6,5	13,0
Немного улучшилось	29,0	36,6	32,5
Не изменилось	35,5	36,6	36,0
Немного ухудшилось	13,1	15,1	14,0
Значительно ухудшилось	3,7	5,4	4,5
Итого	100,0	100,0	100,0

три раза чаще старших говорила о значительном улучшении своего материального положения (18,7% против 6,5% среди среднего поколения). Более осторожно некоторое улучшение чаще отмечали представители среднего возраста (36,6% против 29,0% среди молодежи). Они же немного чаще фиксировали, что ничего не изменилось (36,6% против 35,5% среди молодежи). У 15,1% (против 13,1% среди молодежи) положение ухудшилось, а у 5,4% (против 3,7% среди молодежи) оно значительно ухудшилось.

Таким образом, динамика оценки материального положения свидетельствует об относительно благополучном стабильном улучшении положения молодежи, и несколько менее благоприятными противоположными векторами изменений отличается среднее поколение.

В процессе исследования изучались факторы и риски, сопряженные с бедностью (табл. 8). Это способствует выявлению причин бедности и разработке наиболее эффективных мероприятий по улучшению ситуаций. Так, молодежная

Таблица 8

Поколенческие различия в оценке рисков возникновения бедности, %

Риск возникновения бедности	Поколения		По выборке
	Молодежь	среднее поколение	
С потерей работы	25,2	24,7	25,0
Со снижением уровня зарплаты	24,3	22,6	23,5
С потерей здоровья	13,1	23,7	18,0
С закредитованностью	6,5	14,0	10,0
С потерей кормильца	13,1	8,6	11,0
У меня нет таких рисков	16,8	6,5	12,0
Другое (укажите)	0,9	–	0,5
Итого	100,0	100,0	100,0

аудитория чаще говорила о риске потери работы (25,2% против 24,7% среди среднего поколения), снижения уровня заработной платы (24,3% против 22,6% среди среднего поколения), потери кормильца (13,1% против 8,6% среди среднего поколения). Поскольку для большинства населения заработная плата – основной источник дохода, понятно, почему каждой четвертый молодой респондент боится потерять работу, стать безработным, их больше волнует величина заработной платы, так как они больше боятся относительной бедности, боятся хуже выглядеть в глазах окружающих. Представители среднего поколения, особенно предпенсионного возраста, меньше этого опасаются в силу того, что могут уйти на пенсию раньше. Вторым по распространенности риском возникновения бедности молодежи является снижение уровня зарплаты, так как бедность работающего населения порождена процессами экономической динамики, ее причины лежат в особенностях сложившихся пропорций между доходами регионов, предприятий и т.д. Молодые люди в два раза чаще представителей среднего поколения с оптимизмом заявляли, что у них нет рисков (16,8% против 6,5% соответственно).

Среднее поколение чаще страшится болезни (23,7% против 13,1% среди молодежи) и закредитованности (14,0 и 6,5% соответственно). Это связано с тем, что нетрудоспособные граждане также склонны к бедности из-за невозможности полноценно работать, покупать дорогие лекарства и медицинские услуги. Чем хуже состояние здоровья, тем выше риск попадания в

состояние бедности. Страх закредитованности объясняется тем, что среднее поколение чаще находится в зоне потребительского риска, на грани бедности. Поэтому для удовлетворения основных потребностей им чаще приходится брать кредиты, выплаты по которым становятся непосильным бременем.

Безусловно, бедность – неоднозначное явление, и помимо ее оценки важно представление о причинах, ее вызывающих. В качестве объективных факторов бедности респонденты называют в первую очередь упущения государства (табл. 9). Среднее поколение чаще молодежи указывало на низкую заработную плату (75,3% против 62,6% среди молодежи), отсутствие возможности трудоустройства (54,8% против 46,7% среди молодежи). Кроме того, они чаще предъявляли претензии к социальной политике, которая не обеспечивает каждому гражданину благоприятных условий для достойной жизни (22,6% против 19,6% среди молодежи). Наряду с этим среднее поколение чаще молодых называло субъективные факторы бедности: алкоголизм (32,3 и 31,8% соответственно), наркоманию (24,7 и 20,6% соответственно). Об отсутствии бедности в регионе говорили 4,3% представителей среднего поколения и 2,8% молодежи. Молодые чаще ссылались на то, что государство недостаточно финансирует программы социальной помощи слабозащищенным слоям населения (51,4% против 35,5% среди среднего поколения). Молодежь также чаще сетовала на то, что выходцы из бедных семей имеют мень-

Таблица 9

Поколенческие различия в оценках факторов бедности, %

Факторы бедности	Поколение		По выборке
	молодежь	среднее поколение	
Люди получают низкую заработную плату	62,6	75,3	68,5
Отсутствует возможность трудоустройства	46,7	54,8	50,5
Государство недостаточно финансирует программы социальной помощи слабозащищенным слоям населения	51,4	35,5	44,0
Некоторые люди ленивы по своему характеру	46,7	35,5	41,5
Выходцы из бедных семей имеют меньше возможностей получить образование	38,3	30,1	34,5
Алкоголизм	31,8	32,3	32,0
Наркомания	20,6	24,7	22,5
Социальная политика не обеспечивает каждому гражданину благоприятных условий для достойной жизни	19,6	22,6	21,0
Не считаю, что в нашем регионе существует проблема бедности	2,8	4,3	3,5

ше возможностей для получения образования (38,3% против 30,1% среди среднего поколения), при этом чаще упрекала бедных за их лень (46,7% против 35,5% среди среднего поколения). Таким образом, саратовцы в бедности больше склонны обвинять государство и его политику, не забывая и про субъективные характеристики индивидов.

По поводу преодоления бедности молодежь настроена более оптимистично, чем среднее поколение (63,9 и 39,8% соответственно). Представители среднего поколения чаще отмечали полную или частичную невозможность для них улучшения материального положения (37,6% против 19,6% среди молодежи) (табл. 10).

Таблица 10

Поколенческие различия в оценках возможности улучшения материального положения, %

Возможность улучшения материального положения	Поколение		По выборке
	молодежь	среднее поколение	
Возможно	26,2	15,1	21,0
Скорее да, чем нет	47,7	24,7	37,0
Скорее нет, чем да	19,6	34,4	26,5
Невозможно	–	3,2	1,5
Затрудняюсь с ответом	6,5	22,6	14,0
Итого	100,0	100,0	100,0

Для улучшения своего материального положения (табл. 11) молодежь в 2,5 раза чаще намерена взять себя в руки и найти работу (31,8% против 10,8% среди среднего поколения), уволиться с нынешней работы и устроиться на другую, с большей зарплатой (25,2% против 11,8% среди старших). Иными словами, они занимают более активную деятельностную позицию, чем саратовцы среднего возраста. Последние чаще говорили о том, что ничего не собираются делать, их все устраивает (36,6% против 15,0%

среди молодежи), или выказывали намерение подрабатывать на второй работе (28,0% против 21,5% среди молодежи). Кроме того, представители среднего поколения чаще пассивно ожидают, что им предложат работу (5,4% против 2,8% среди молодежи), намерены взять средства в долг (4,3% против 0,9% среди молодежи), и только они ориентированы жить на те средства, которые имеются (1,1%). Таким образом, среднее поколение более пассивно по отношению к персональным способами преодолению бедности.

Таблица 11

Поколенческие различия вариантов улучшения материального положения, %

Варианты улучшения материального положения	Поколение		По выборке
	молодежь	среднее поколение	
Ничего не собираюсь делать, меня все устраивает	15,0	36,6	25,0
Подрабатывать на второй работе	21,5	28,0	24,5
Взять себя в руки и найти работу	31,8	10,8	22,0
Уволиться с нынешней работы и устроиться на работу с большей зарплатой	25,2	11,8	19,0
Ждать, когда мне предложат работу	2,8	5,4	4,0
Взять в долг	0,9	4,3	2,5
Другое	2,8	3,2	2,5
Существовать на те средства, которые есть	–	1,1	0,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Молодежь в три раза чаще ориентирована на смену своего места работы на другое, с большей заработной платой, по сравнению со средним поколением (32,0 и 8,6% соответственно).

Среднее поколение, напротив, больше ориентировано на имеющееся рабочее место, которое их вполне устраивает (55,9 и 44,0% соответственно) (табл. 12).

Таблица 12

Поколенческие различия в получении государственных пособий, %

Получение государственных пособий	Поколение		По выборке
	молодежь	среднее поколение	
Ничего не получаю	73,8	71,0	72,5
Ежемесячное пособие на детей	5,6	12,9	9,0
Другие виды денежных пособий и социальных выплат	5,6	5,4	5,5
Единовременное пособие в связи с рождением ребенка	5,6	2,2	4,0
По уходу за ребенком до 1,5 лет	3,7	2,2	3,0
По временной нетрудоспособности	0,9	4,3	2,5
По малообеспеченности	3,7	–	2,0
По беременности и родам	0,9	2,2	1,5
Итого	100,0	100,0	100,0

Только 8,0% саратовцев имеют стабильную подработку. Среди среднего поколения таковых чуть больше (8,6%); 9,6% молодежи и 11,8% среднего поколения подрабатывают ситуационно, от случая к случаю. Два и более раза в месяц подрабатывают 7,7% молодежи и 3,2% представителей среднего поколения. Каждый месяц подрабатывают 6,5% представителей среднего поколения и 1,9% молодежи. Не чаще одного раза в месяц подрабатывают 3,2% средневозрастных саратовцев и только 1,0% молодых людей.

На заработки уезжают 6,7% саратовцев, преимущественно молодежь (6,9%), 20,0% населения, преимущественно среднее поколение, еще думают над этим (22,6%). На заработки в столичные города уезжают 10,8% 31–55-летних и 6,5% молодежи, в другие регионы – 6,5 и 5,6% соответственно. Только 0,9% молодежи ориентированы на переезд в другую страну.

Подавляющее большинство респондентов (72,5%), особенно молодежи (73,8%), не получа-

ют никаких социальных пособий. По 5,6% молодежи получают единовременное пособие в связи с рождением ребенка, другие пособия; 3,7% – пособие по уходу за ребенком до 1,5 лет. Только молодые указали, что получают пособие по малообеспеченности (3,7%). Ежемесячное пособие на детей представители среднего поколения получают чаще молодежи (12,9 и 5,6% соответственно), как и по временной нетрудоспособности (4,3 и 0,9% соответственно), по беременности и родам (2,2% против 0,9% среди молодежи). Из представленных данных можно сделать вывод, что социальные пособия не способны решить проблемы бедности в регионе.

На сегодняшний день государственная политика региона направлена на развитие социальной помощи, исходя из адресности и нуждаемости, модернизации системы пособий на детей, поддержки семей с детьми (табл. 13). Среди тех, кто считает эффективным преодоление бедности в регионе, небольшое и почти равное

Таблица 13

Поколенческие различия в оценке эффективности стратегии преодоления бедности в регионе, %

Эффективность стратегии преодоления бедности в регионе	Поколение		По выборке
	молодежь	среднее поколение	
Да	5,6	5,4	5,5
Скорее да, чем нет	22,4	16,1	19,5
Нет	27,1	22,6	25,0
Скорее нет, чем да	33,6	39,8	36,5
Полностью неэффективна	11,2	16,1	13,5
Итого	100,0	100,0	100,0

количество молодежи (5,6%) и населения среднего возраста (5,4%). Среди тех, кто более острожно выразил скорее позитивную оценку, доминирует молодежь (22,4% против 16,1% среди среднего поколения). Однако они же чаще давали отрицательную оценку (27,1% против 22,6% среди среднего поколения). Выражали осторожный негативизм в оценках эффективности преодоления бедности в регионе 39,8% представителей среднего поколения и 33,6% молодежи, считали борьбу с бедностью абсолютно не эффективной 16,1 и 11,2% соответственно. В целом среднее поколение чаще проявляло разную степень негативизма по этому вопросу – 78,5% против 71,9% среди молодежи. Таким образом, большинство саратовцев, особенно среднее поколение, очень негативно оценивают эффективность стратегии преодоления бедности в регионе.

Предлагая меры по преодолению бедности в регионе (табл. 14), большинство жителей Саратова, особенно молодежь, настаивали на повышении заработной платы (66,4% против 63,4% среди среднего поколения). На втором месте по популярности, особенно среди среднего поколения – увеличение рабочих мест (49,5% против 37,4% среди молодежи), они же чаще настаивали на улучшении жилищных условий (36,6% против 29,9% среди молодежи). Молодежь чаще настаивала на повышении социальных пособий (43,0% против 39,8% среди среднего поколения), создании совета по борьбе с бедностью (32,7% против 11,8% среди среднего поколения) и предоставлении нуждающимся семьям дополнительных денежных выплат (20,6% против 18,3% среди среднего поколения).

Таблица 14

Поколенческие различия во взглядах на меры по преодолению бедности, %

Меры по преодолению бедности	Поколение		По выборке
	молодежь	среднее поколение	
Повышение заработной платы	66,4	63,4	65,0
Больше рабочих мест	37,4	49,5	43,0
Повышение социальных пособий	43,0	39,8	41,5
Улучшение жилищных условий	29,9	36,6	33,0
Увеличение минимального размера оплаты труда	25,2	25,0	25,1
Создание совета по борьбе с бедностью	32,7	11,8	23,0
Предоставление нуждающимся семьям дополнительных денежных выплат	20,6	18,3	19,5

Проведенное исследование показало, что среднее поколение чаще говорило об абсолютной бедности, младшее – об относительной бедности, когда за точку отсчета берется жизненный уровень других слоев населения. Сегодня большинство саратовцев увязывают бедность с размером дохода в 8–12 тыс. руб. Каждый четвертый из них ощущал бедность в начале своего самостоятельного жизненного пути и столько же, преимущественно среднего поколения, на момент опроса находятся в ситуации бедности.

Молодежь больше тяготеет к среднему потреблению с доходом до 30 тыс. руб., среднее поколение отличается доходной полярностью – среди них больше самых бедных и самых состоятельных. Но они ощущают себя более депривированными во всех сферах повседневной жизни, особенно в отпускном отдыхе.

Динамика оценки материального положения свидетельствует об относительно благополучном стабильном улучшении положения молодежи и несколько менее благоприятных и разнонаправленных векторах изменений у среднего поколения. Молодые люди до 30 лет чаще говорили о риске потери работы, низкого уровня заработной платы, потери кормильца, 31–55-летние чаще называли страх болезни и закредитованности.

Для жителей г. Саратов основными объективными факторами бедности оказались низкая заработная плата (68,5%), безработица (50,5%), недостаточная поддержка государства (44,0%). Наряду с этим выделены субъективные характеристики, способствующие бедности: лень, алкоголизм, низкий образовательный уровень, наркомания, потеря здоро-

вья, закредитованность и потеря кормильца. Иными словами, саратовцы в бедности чаще склонны обвинять государство и его политику, не забывая и про субъективные характеристики индивидов.

По поводу преодоления бедности молодежь настроена более оптимистично, чем среднее поколение. Последние более пассивны по отношению к персональным способам преодоления бедности, но немного чаще молодежи имеют подработку. На заработки уезжают 6,7% саратовцев, преимущественно молодежь – 6,9%, 20,0%, преимущественно среднее поколение, еще думают над этим. Чаще всего на заработки едут в столичные города, реже – в другие регионы.

Большинство саратовского населения, особенно среднее поколение, крайне негативно оценивает эффективность стратегии преодоления бедности в регионе. Основными направлениями в решении проблемы преодоления бедности являются: повышение заработной платы, уровня занятости населения, улучшение жилищных условий, разработка особых мер социальной политики. Для успешного решения данной проблемы на региональном уровне необходимо создание Совета по борьбе с бедностью на основе взаимодействия региональных властей, бизнеса и общественности, что является важной формой их социального партнерства. При этом в качестве важнейшего регионального принципа поддержки беднейших слоев населения выступает адресная помощь беднейшей части населения.

Список литературы

1. Смит А. Исследования о природе и причинах богатства. М.: Наука, 1962. 67 с.
2. Вебер М. Избранные произведения / под ред. Ю. Н. Давыдова. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
3. Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Соч.: в 50 т. Изд. 2-е. Т. 23. М.: Политиздат, 1960. 682 с.
4. Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма: пер с англ. М.: Новости, 1992. 302 с.
5. Вавилина Н. Д. Бедность в России как социальное явление и социальная проблема. Новосибирск: СибАГС, 2000. 510 с.
6. Кадермятова Р. А. Бедность как социальное явление // Вестник Ульяновского государственного технического университета. 2012. № 4. С. 69–72.
7. Рыбаков Р. П., Рыбакова А. И. Бедность как социальный феномен. М.: РУСАЙНС, 2017. 138 с.
8. Чернина Н. В. Бедность как социальный феномен российского общества // Социальные реалии: вчера и сегодня. 1994. № 4. С. 54–61.
9. Волочкова Л. Т., Минина В. Н. Стратегии социологического исследования бедности // Социологические исследования. 1999. № 1. С. 49–56. EDN: SFPMGN
10. Воронков В. М., Фомин Э. А. Типологические критерии бедности // Социологический журнал. 1995. № 2. С. 56–69.
11. Гордон Л. А. Четыре рода бедности в современной России // Социологический журнал. 1994. № 4. С. 18–35.
12. Ибрагимов З. Ф. Сценарный подход в прогнозировании уровня бедности населения в Российской Федерации // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 1. С. 39–43. <https://doi.org/10.24158/per.2018.1.6>
13. Сычева В. С. Измерение уровня бедности: история вопроса // Социологические исследования. 1996. № 3. С. 141–149.
14. Попова М. Б. Социальная дифференциация и бедность населения. Петрозаводск: Изд-во Петрозаводского ун-та, 1998. 129 с.
15. Беляева Л. А. Социальная стратификация и бедность в регионах России // Социологические исследования. 2006. № 9. С. 52–62.
16. Римашевская Н. М. Бедность и маргинализация населения // Социологические исследования. 2004. № 4. С. 33–44.
17. Бобков В. Н., Одинцова Е. В. Социальное неравенство в России // Журнал Новой экономической ассоциации. 2020. № 3 (47). С. 179–184. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2020-47-3-8>
18. Брега А. В. Социальное неравенство как условие революционных изменений // Октябрьская революция и современность. Социально-политические уроки / отв. ред. Ю. А. Красин, О. М. Михайленок, Ю. С. Оганисян. М.: ФНИСЦ РАН, 2018. С. 330–341.
19. Каравай А. В. Неравные возможности в выборе стратегий адаптации как фактор углубления социальных неравенств в российском обществе // Будущее социологического знания и вызовы социальных трансформаций (к 90-летию со дня рождения В. А. Ядова) [Электронный ресурс]. Международная научная конференция (Москва, 28–30 ноября 2019 г.): сб. материалов / отв. ред. М. К. Горшков. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. С. 363–367.
20. Куконков П. И. Межрегиональные неравенства в России: масштабы и следствия // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. Спецвыпуск. 2019. № 1. С. 143–146.
21. Быкова С. Н., Любин В. П. Бедность по-русски и по-итальянски. Рец. на кн.: Корни бедности: соци-

- альная ткань, семья и бедность в Болонье в 90-е годы. Милан, 1992. 389 с. // Социологические исследования. 1993. № 2. С. 132–138.
22. Румянцева Е. Е. Бедность как глобальная проблема // Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 2. С. 57–65. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2003-2-57-65>
23. Росстат назвал число живущих за чертой бедности россиян // Ведомости, 11 июня 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/news/2022/06/11/926196-rosstat-nazval> (дата обращения: 09.10.2022).
24. Гринкевич Д., Козлов А., Бойко А., Мухаметшина Е. Власти договорились повысить пенсии, МРОТ и прожиточный минимум на 10% // Ведомости, 25 мая 2022. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/05/24/923467-povisit-pensii-mrot> (дата обращения: 09.10.2022).
25. Почти 335 тысяч саратовцев живут за чертой бедности // Взгляд-инфо, 17 мая 2022. URL: <https://www.vzsar.ru/news/2022/05/17/pochti-335-tysyach-saratovcev-jivyt-za-chertoy-bednosti.html> (дата обращения: 09.10.2022).

Поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 30.08.2023
The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 30.08.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 398–406

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 398–406

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-398-406>, EDN: ZRWUPM

Научная статья

УДК 316.4

Финансово-правовое обеспечение аналитических центров социальной информации в России и США

М. С. Ивченкова

Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), Россия, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/25, корп. 5

Ивченкова Мария Сергеевна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, m.ivchenkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9297-814X>

Аннотация. Практика обращения к экспертному и научному знанию в процессе принятия политических решений формировалась столетиями и сейчас представляет собой самостоятельный общественно-политический институт – фабрики мысли (аналитические центры). Эффективность аналитических центров можно рассматривать с разных сторон. В данной статье внимание направлено на институциональное устройство фабрик мысли и проводится анализ финансового и правового обеспечения этих организаций в России и США. В ходе анализа было выявлено, что институт фабрик мысли имеет длительную историческую традицию в обеих странах и их деятельность обеспечивается достаточно широкой нормативно-правовой базой. Российские аналитические центры, ведущие свою историю с Советского Союза, обладают колоссальным интеллектуальным потенциалом, но получая финансирование от государства, почти полностью подконтрольны в управленческих решениях органам власти. Примечательно, что американские НКО, даже получая большую часть финансирования из федерального бюджета, никогда не контролируются финансирующим органом власти. Значительным преимуществом американского законодательства является возможность получения налоговых льгот для благотворителей некоммерческих организаций. Предполагается, что такая норма закона могла бы стимулировать российский бизнес и частных доноров на финансирование научно-исследовательских проектов. Фабрики мысли, плотно вписанные в политическое поле, требуют особо пристального внимания с точки зрения их правового регулирования. С одной стороны, закон должен давать этому институту свободу, чтобы результаты научно-исследовательской деятельности были максимально объективны, с другой, аналитические центры нуждаются в надежном правовом регулировании с целью сокращения рисков национальной безопасности страны, в которой и для которой они работают.

Ключевые слова: аналитический центр, фабрика мысли, экспертное знание, правовая поддержка фабрик мысли, финансирование аналитических центров

Для цитирования: Ивченкова М. С. Финансово-правовое обеспечение аналитических центров социальной информации в России и США // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 398–406. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-398-406>, EDN: ZRWUPM

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Financial and legislative support of the think tanks in Russia and the USA

M. S. Ivchenkova

Institute of Sociology – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (FCTAS RAS), 24/35, korpus 5, Krzhizhanovskogo St., Moscow 117218, Russia

Maria S. Ivchenkova, m.ivchenkova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9297-814X>

Abstract. The practice of implementation expert and scientific knowledge in the process of making political decisions has been formed for centuries and now it is well known as a social and political institution – think tanks. The capacity of think tanks can be analyzed from different aspects. In this article the author refers to the institutional structure of think tanks and analyzes the financial and legislative support of these organizations in Russia and the United States. The analysis revealed that think tanks have a long historical record in both countries and their activities are supported by a sufficiently broad legal framework. Russian think tanks with their history stemming from the Soviet Union possess immense intellectual potential but being funded by the government they are largely controlled by the authorities in management. American NGOs are never managed by the funding authority even though they receive a significant portion of their funding from the federal budget. A significant advantage of American legislation is the possibility of obtaining tax incentives for non-profit organizations. It is assumed that such a

legal provision could stimulate Russian businesses and private donors to finance research projects. Think tanks tightly integrated in public policy require particular attention in terms of their legal regulation. On one hand, the law should grant freedom to think tanks' research. On the other hand, think tanks need reliable legal regulation aimed at reducing risks to the national security of the country they operate in and work for.

Keywords: think tank, expert knowledge, legislative support of the think tanks, think tanks' funding

For citation: Ivchenkova M. S. Financial and legislative support of the think tanks in Russia and the USA. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 398–406 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-398-406>, EDN: ZRWUPM

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Практика обращения к экспертному и научному знанию в процессе принятия политических решений формировалась столетиями и в современном мире представляет собой самостоятельный общественно-политический институт – аналитические центры или фабрики мысли. Значимость этого института для развития государства не вызывает сомнения. Эффективное функционирование фабрик мысли зависит от множества как внешних факторов – политики государства, геополитической обстановки, развитости поля публичной политики, возможностей и ограничений правового регулирования, так и внутренних особенностей конкретных аналитических структур – лидера и команды, стратегии и миссии, организационной структуры и источников финансирования.

В данной работе мы рассмотрим организационное устройство аналитических центров с точки зрения финансово-правового обеспечения на примере ключевых фабрик мысли России и США. Анализ источников финансирования и законодательных норм, регламентирующих деятельность аналитических центров, может лечь в основу разработки эффективных моделей взаимодействия государства и экспертного сообщества.

Фабрики мысли в их современном понимании возникли в США после Второй мировой войны как организации по обеспечению национальной безопасности посредством анализа информации о социальном, политическом, экономическом состоянии других стран. Почти одновременно с США фабрики мысли появились и в СССР. Функции таких структур в Советском Союзе выполняли институты Академии наук. В процессе своего развития и институционального становления аналитические центры приобретали всё новые черты, характеристики, функции. На сегодняшний день, по данным международного рейтинга фабрик мысли Global Go To Think Tank Index, проводимого Пенсильванским университетом, по всему миру насчитывается 11 175 аналитических центров [1]. Абсолютным лидером по количеству фабрик мысли является США, Россия входит в первую десятку стран.

Аналитические центры, попавшие в рейтинг, разнообразны по организационной структуре. Например, в США почти все фабрики мысли являются неправительственными организациями (Корпорация «РЭНД», Брукингский институт, Фонд Карнеги, Совет по международным отношениям и др.), в то время как в России большое количество аналитических центров – это вузы и их научные подразделения (МГИМО МИД России, Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС и др.), институты Российской академии наук (ИМЭМО РАН, Институт экономики РАН и др.), но и НКО попадают в рейтинг (Российский совет по международным делам, Институт Гайдара, Совет по внешней оборонной политике и др.).

Чтобы отнести ту или иную организацию, ведущую научно-исследовательскую деятельность, к фабрикам мысли, необходимо не только определить ее правовой статус и организационную структуру, но и обратиться к ее функциям [2]. Анализировать же социальный потенциал той или иной фабрики мысли можно по более разветвленной системе критериев оценки деятельности организации.

В данной работе нами была определена необходимость исследования института фабрик мысли через анализ финансово-правового обеспечения такого рода организаций. Опираясь на данные упомянутого рейтинга фабрик мысли, для анализа аналитических центров в России мы выбрали Российский совет по международным делам (РСМД), Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) и Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России).

Аналитические центры в США представляют собой естественный элемент политической и общественной жизни уже более 100 лет. Их организационно-правовая форма достаточно четко сформирована, фабрики мысли в США – это в большинстве своем неправительственные организации. Для анализа мы об-

ратимся к одной из самых знаменитых фабрик мысли – Корпорации РЭНД (RAND) и аналитическому центру, аффилированному с консервативной партией США, Фонду «Наследие».

Российский совет по международным делам (РСМД) – это аналитический центр, функционирующий с целью организации эффективного диалога между властью и обществом по вопросам внешней политики России и международных отношений. Работа РСМД ориентирована на выработку практических рекомендаций по внешнеполитической деятельности.

РСМД является некоммерческой организацией, функционирующей на основе членства, – Некоммерческое партнерство «Российский совет по международным делам». Основная деятельность Партнерства осуществляется в соответствии с Федеральным законом от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» [3].

Будучи некоммерческой организацией на основе членства, РСМД включает в свой состав как физических, так и юридических лиц. К корпоративным членам относятся крупные частные и государственные корпорации, а также высшие учебные. Членами РСМД являются политические и общественные деятели, дипломаты, бизнесмены, юристы, ученые, журналисты, независимые эксперты (193 чел.). Такой авторитетный и обширный состав свидетельствует о высокой деловой репутации Партнерства.

Структура управления РСМД прописана в уставе организации. Высшим органом управления Партнерства является общее собрание его членов. Надзорные функции выполняет попечительский совет. РСМД управляется постоянно действующим коллегиальным органом – президиумом, высшим должностным лицом является президент, единоличным исполнительным органом – генеральный директор.

РСМД финансируется за счет субсидий, членских взносов и коммерческой деятельности. Уставом организации предусмотрена предпринимательская деятельность, к которой относятся: научные исследования и разработки в области общественных и гуманитарных наук; издание журналов и периодических изданий; исследование конъюнктуры рынка; деятельность по изучению общественного мнения.

РСМД организует и ведет бухгалтерский и налоговый учет в порядке, установленном федеральным законом о некоммерческих организациях: годовая бухгалтерская (финансовая) отчетность предоставляется в налоговую

инспекцию, учредителям и в территориальное статистическое управление. Уставом предусмотрен ежегодный аудит в соответствии с российскими стандартами. Обязательная публикация финансовой отчетности РСМД в открытых источниках ни законодательством РФ, ни уставом организации не предусмотрена. В обобщенном виде некоторые финансовые показатели публикуются в годовых отчетах организации. Бюджет РСМД в 2022 г. составил 91,111 тыс. руб., 91,3% из которого – субсидии, 4,4% – членские взносы, а 4,3% – коммерческая деятельность. Большая часть бюджета идет на исследования: в 2022 г. 59,8% было потрачено на аналитическую деятельность [4].

Анализ показывает, что закон о некоммерческих организациях недостаточен для сопровождения всего функционала подобной организации. Имея ярко выраженную внешнеполитическую направленность, для организаций типа РСМД необходимо, во-первых, введение в законодательство уникальной терминологии для некоммерческих организаций особого типа – «неправительственная организация», во-вторых, следует определить права и обязанности такого вида организаций [5].

Для аналитических центров с фокусом на международные отношения остро стоит вопрос с принятым летом 2022 г. Федеральным законом «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» [6]. Этот Закон, с одной стороны, отвечает запросу на безопасность страны, в том числе информационную, а с другой – существенно ограничивает возможности аналитических центров выполнять свои функции как коммуникатора между властью и международной общественностью.

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е. М. Примакова Российской академии наук (ИМЭМО РАН) создан в 1956 г., является авторитетным центром комплексных фундаментальных и прикладных социально-экономических, политических и стратегических исследований, ориентированных на анализ основных тенденций мирового развития. Основными темами научно-исследовательской деятельности ИМЭМО РАН являются: глобальное развитие и национальные интересы России; эволюция системы международных отношений, риски и гарантии международной безопасности; комплексные исследования экономического, политического и социального развития ведущих стран и регионов мира; важнейшие тенденции и

новые качественные характеристики мирового экономического развития, Россия в глобальной экономике [7].

Обращаясь к истории ИМЭМО РАН, не вызывает сомнений, что этот институт выполнял функции фабрики мысли еще в период СССР, но, будучи научным институтом в структуре Академии наук, конечно, в фокусе деятельности находилась и находится не только экспертная коммуникация. Деятельность ИМЭМО РАН связана в первую очередь с фундаментальной наукой.

По своему правовому статусу ИМЭМО РАН является унитарной некоммерческой организацией, созданной в форме федерального государственного бюджетного учреждения науки [8]. Учредителем и собственником имущества ИМЭМО РАН является Российская Федерация. В результате реформы государственных академий наук 2013–2018 гг., так называемой реформы РАН, полномочия учредителя осуществляет Минобрнауки России, а научно-методическое руководство деятельностью ИМЭМО РАН – Российская академия наук.

Управление институтом осуществляет директор. С одной стороны, должность директора академического института является выборной, но учредитель утверждает и освобождает от должности директора. Вся административная и хозяйственная деятельность ИМЭМО РАН подконтрольна Минобрнауки России, а все, что связано с научной, проходит экспертизу и согласование в Российской академии наук. Научно-методическое руководство научной деятельностью института осуществляет научный руководитель (президент). В институте действуют коллегиальные совещательные органы – конференция научных работников и ученый совет. Такая форма организационной структуры дает преимущества в автономии выбора и самостоятельного формирования исследовательских направлений, но на всех уровнях подконтрольна органу власти, являющемуся учредителем.

Источниками финансового обеспечения ИМЭМО РАН являются субсидии, предоставляемые из федерального бюджета, средства от физических и юридических лиц, включая добровольные пожертвования и иные не запрещенные законодательством РФ источники.

ИМЭМО РАН осуществляет бухгалтерский учет и предоставляет отчетность в соответствии с федеральным законом о некоммерческих организациях и Бюджетным кодексом РФ. Отчет о проведенных фундаментальных науч-

ных исследованиях институт обязан ежегодно предоставлять в РАН и Минобрнауки России. Публиковать годовые отчеты в открытых источниках ИМЭМО РАН не обязан.

Фактически институт получает финансирование из федерального бюджета и государственных фондов. На официальном сайте ИМЭМО РАН опубликован ряд международных научно-исследовательских проектов, но об источниках финансирования их информации нет. Очевидно, что ужесточение законодательства в части иностранного влияния с высокой долей вероятности может сократить выбор источников финансирования. С другой стороны, не стоит забывать историю института, который сформировал свою высокую репутацию как передовой центр изучения международных отношений еще в советский период, имея единственным источником финансирования государственные субсидии.

Что может являться сдерживающим фактором развития ИМЭМО РАН как фабрики мысли, так это несовершенное законодательство в части регулирования научной деятельности. Многие годы ведется дискуссия о проблемах нормативно-правового сопровождения науки в России.

Существуют Федеральный закон «О науке и государственной научно-технической политике» [9], Закон о Российской академии наук [10], целый ряд законов об отдельных вузах, технологических центрах. Законодательное поле крайне разнообразно, но, по мнению экспертов, не обладает целостностью и не решает главной задачи – улучшение управления с целью научного и инновационного развития потенциала страны [11]. Кроме того, сохраняется негативное восприятие реформы РАН 2013–2018 гг. в академическом сообществе. По результатам социологического опроса академиков, членов-корреспондентов и профессоров РАН, проведенного в 2019 г., «61% респондентов считают, что влияние реформы на их область исследования было отрицательным, еще 22% отмечают как положительные, так и пагубные последствия. По мнению большинства опрошенных (64%), за прошедшие шесть лет положение дел в российской науке ухудшилось» [12].

В 2022 г. в Закон «О науке и государственной научно-технической политике» был внесен ряд изменений в части формирования единой базы данных результатов научных исследований и разработок, а также более скоординированного мониторинга расходования бюджетных средств и средств государственных научных фондов на

научную деятельность. Результаты внесенных поправок еще предстоит оценить и проанализировать в среднесрочном периоде.

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации (МГИМО МИД России). В научном дискурсе принято весь университет относить к фабрике мысли, но необходимо понимать, что при упоминании вуза речь всегда идет об исследовательской структуре в системе университета. В МГИМО МИД России функции фабрики мысли выполняет Институт международных исследований (ИМИ).

Институт международных исследований основан в 1976 г. и аккумулирует в своей структуре как человеческий капитал университетской науки, так и опыт практической дипломатии. ИМИ ориентирован на прикладную экспертно-аналитическую работу, предоставляемую в структуры МИД России. Активно развивает сферу публичной аналитики: публикует аналитические доклады по вопросам мировой политики, проводит научные мероприятия.

ИМИ – самостоятельное юридическое лицо, поэтому его правовой статус и финансовое обеспечение можно проанализировать, обратившись к документам МГИМО. Университет является федеральным государственным автономным образовательным учреждением высшего образования, реализует образовательные программы разного уровня и выполняет фундаментальные и прикладные научные исследования [13].

Учредителем МГИМО выступает МИД России, которому он подотчетен. Органами управления являются: Наблюдательный совет, Конференция МГИМО (общее собрание научно-педагогических работников, представителей других категорий работников и обучающихся), Ученый совет университета, ректор. В МГИМО по рекомендации Наблюдательного совета с согласия учредителя и на основании решения ученого совета может быть введена должность президента университета (является выборной). Более глубокий анализ полномочий учредителя и органов управления указывает на коллегиальный тип управления с высоким уровнем демократических свобод внутри организации.

В соответствии с уставом «в целях развития и координации научных исследований в МГИМО могут создаваться исследовательские центры и иные структуры, действующие как в рамках Института международных исследований (ИМИ), так и самостоятельно» [13, с. 18].

Финансируется университет за счет государственных субсидий, государственных контрактов, грантов и частных пожертвований. Ввиду статуса автономного учреждения список источников финансирования несколько шире, чем, например, в ИМЭМО РАН. Обратим внимание на особый источник финансирования – частные пожертвования, они собираются через фонд – Эндаумент МГИМО, который аккумулирует частные пожертвования в целевом капитале для долгосрочного развития университета и проектного финансирования приоритетных направлений, в том числе научных. Ежегодно Эндаумент выполняет функцию базового финансирования университета. Такая модель финансирования, конечно, позволяет быть более независимыми в распределении ресурсов и выборе исследовательских направлений.

Ежегодно университет готовит и издает годовой отчет и отчет о финансово-хозяйственной деятельности университета. Отдельный раздел годового отчета посвящается обзору деятельности Института международных исследований. Доходы университета на 1 января 2023 г. составили 6896,2 млн руб., расходы – 6625,9 млн руб. [14], но объем расходов на научно-исследовательскую и аналитическую работу, в том числе выполняемую ИМИ, по открытым данным выделить и оценить не удалось.

Резюмируя, можно говорить о значительном превосходстве финансово-правового обеспечения исследовательского проекта МГИМО в сравнении с рассмотренными российскими фабриками мысли – ИМЭМО РАН и РСМД. На наш взгляд, это обусловлено объемом финансирования и сильной стратегией МГИМО, ориентированной на развитие деловой репутации организации как в стране, так и на международной арене.

Корпорация РЭНД (RAND). Пожалуй, самой знаменитой фабрикой мысли в мире можно назвать американскую корпорацию RAND, основанную в 1948 г. Это некоммерческая организация, которая выполняет функции стратегического исследовательского центра, работающего по заказам правительства США, их вооруженных сил и связанных с ними организаций. Как пишет П. Диксон, «учреждения, которые вполне заслуживали подобного названия ..., существовали и в прошлом, но развитие в этом направлении приобрело реальных характер только с появлением корпорации «РЭНД» в послевоенный период. «РЭНД» стала основным образцом для десятков организаций, занимающихся разработкой современной политики и созданием новых технологий» [15, с. 87].

Корпорация РЭНД – это исследовательская организация, миссией которой провозглашается помощь в улучшении политики и процесса принятия решений посредством анализа и экспертизы. Уникальность РЭНД заключается в междисциплинарности. Сегодня РЭНД – это глобальная международная организация с 1775 сотрудниками, с офисами в Северной Америке, Европе и Австралии. В Великобритании и Австралии зарегистрированы и функционируют дочерние компании РЭНД. Корпорация управляет Институтом политики стран Персидского залива РЭНД и Высшей школой Pardee RAND [16].

Управление корпорацией осуществляет президент, совмещающий и функции генерального директора. В РЭНД есть совет попечителей, совет управляющих Высшей школы Pardee RAND, несколько консультативных советов по основным исследовательским программам, а также отдельные консультационные советы в дочерних компаниях в Великобритании и Австралии. Кроме того, есть два наблюдательных совета для двух научно-исследовательских центров, которые спонсируются Министерством обороны США.

Правовой статус корпорации РЭНД – некоммерческая организация, функционирующая на основании лицензирования. РЭНД освобождена от налогообложения – от подоходного налога в соответствии с разделом 501(с)(3) Кодекса внутренних доходов США 1986 г. и соответствующими положениями штата Калифорния и имеет право на 50% благотворительных взносов. РЭНД не классифицирована как организация, которая не является частным фондом в соответствии с разделом 509(а)(1), и была признана «общественно поддерживаемой» организацией в соответствии с разделом 170(b)(1)(A)(vi) Кодекса внутренних доходов США 1986 г. [17].

Статья 501 Кодекса внутренних доходов США 1986 г. считается основополагающей для целей и средств благотворительности. Именно эта статья обеспечивает освобождение от налога на доходы организаций, которые занимаются благотворительностью, наукой, религией, литературой, общественной безопасностью, защищают интересы детей и животных. Если НКО попадает под действие раздела 501(с)(3), то для организации это влечет освобождение от подоходного налога. А благотворители (доноры) такой организации, во-первых, освобождаются от налога на пожертвование, а во-вторых, могут получать налоговые послабления. Обычно

благотворительные взносы подлежат вычету из налоговой базы. Для физических лиц предел составляет не более 50%, а для юридических – не более 10%.

Эта законодательная норма положительно влияет на институт благотворительности – в США одна из наиболее развитых культур меценатства и волонтерства в мире. Безусловно, налоговые послабления способствуют привлечению доноров и в некоммерческий сектор научно-исследовательских организаций.

Ежегодно на сайте Корпорации РЭНД публикуется годовой отчет организации и консолидированный финансовый отчет. В годовом отчете отражены достижения предыдущего года с целью информирования благотворителей (доноров), сотрудников корпорации и широкой общественности. Финансовый отчет готовится независимыми аудиторами по международным стандартам финансовой отчетности.

Финансируется РЭНД в основном за счет государственных контрактов и грантов. В 2021 и 2022 финансовых годах РЭНД получила 87% своих доходов от контрактов и грантов агентств федерального правительства США [17]. Несмотря на большие объемы финансирования от государства, ни один орган государственной власти не имеет права участвовать в управлении корпорацией, чего нельзя сказать об ИМЭМО РАН или МГИМО.

Финансирование корпорации не ограничивается только бюджетными средствами, РЭНД принимает пожертвования частных компаний и физических лиц без каких-либо ограничений. РЭНД, как и любая другая американская некоммерческая организация, может получать грантовую поддержку или благотворительные взносы от государственных структур других стран. Запрещающих законов нет, но государство издает рекомендации по распространению и внедрению лучших практик с целью предотвращения небезопасного для НКО финансирования (например, финансирование терроризма), НКО также запрещено работать с правительствами, компаниями и физическими лицами, находящимися под санкциями США.

В США есть закон о регистрации иностранных агентов [18], принятый в 1938 г., согласно которому организация должна быть зарегистрирована в реестре иностранных агентов, предоставлять отчетность и маркировать свою продукцию, но действие этого закона не распространяется на НКО.

Объемы финансирования РЭНД впечатляют: в 2022 г. они составили 354,2 млн долл.

США. Основные средства уходят на исследовательскую аналитическую деятельность (78% в 2022 г.), расходы на персонал и административно-хозяйственную деятельность в 2022 г. составили 14% от бюджета, 7% – прочие расходы, 1% – фандрайзинг [16, р. 81].

Многолетняя история становления правового регулирования НКО в США, конечно, дает свои результаты. В части финансового сопровождения некоммерческих организаций мы видим высокий уровень открытости и прозрачности отчетности. РЭНД, как и другие некоммерческие организации США, предоставляют подробную, хорошо визуализированную отчетность стейкхолдерам: органам государственной власти, налоговым и лицензирующим органам, благотворителям (донорам) и широкой общественности. В России практику подобного уровня еще только предстоит развить.

Фонд «Наследие» (The Heritage Foundation) – аналитический центр с фокусом на политические исследования. Был основан в 1973 г. в Вашингтоне, где и находится в настоящее время. Фонд «Наследие» ассоциируется с республиканцами и относится к фабрикам мысли, аффилированным с политической партией. За почти 50 лет Фонд сформировал репутацию одного из самых влиятельных аналитических центров консервативной политики США.

Миссия «Наследия» состоит в том, чтобы формулировать и продвигать государственную политику, основанную на принципах свободного предпринимательства, ограниченного правительства, личной свободы, традиционных американских ценностей и сильной национальной обороны. Реализацию своей миссии Фонд видит, во-первых, через предоставление конкретных решений, основанных на исследованиях, разработках и продвижении инноваций в сфере политики, во-вторых, через объединение консервативного движения для реализации этих решений, в-третьих, через подготовку будущих поколений лидеров для руководства США.

Научно-исследовательская работа Фонда активно включается в политическую повестку, когда президентом страны становится представитель Республиканской партии. Так, наиболее значимыми достижениями своей аналитической работы, внедренной в политические решения, Фонд считает:

1) первый доклад «Мандат на лидерство» 1981 г., из которого администрация Рейгана реализовала почти две трети из 2000 политических рекомендаций;

2) рекомендации к Стратегической оборонной инициативе президента Рейгана, подтолкнувшие США к выходу из Договора по противоракетной обороне;

3) разработка исторического закона о реформе социального обеспечения 1996 г., который снизил детскую бедность и значительно увеличил занятость;

5) направление администрации Трампа в деле активизации вооруженных сил США, в результате чего 67% рекомендаций Фонда включены в Закон о государственной обороне 2020 г.;

6) принятие администрацией Трампа 64% предписаний Фонда в годовом бюджете и нормативном регулировании [19].

Особенностью именно этой фабрики мысли является ее открытость не только в части публикации аналитических материалов, но именно в акценте на непосредственном участии в политике государства и влиянии научных исследований и разработок на законы и бюджет США.

«Наследие» по своему юридическому статусу является некоммерческой организацией, созданной в виде фонда. Руководит Фондом «Наследие» президент, в подчинении которого находится 10 вице-президентов по направлениям деятельности, исполнительный директор, директор по персоналу и корпоративный секретарь. Управление Фондом обеспечивается независимым попечительским советом и сообществом почетных попечителей. Аналитическую работу выполняют около 300 экспертов.

Ежегодно Фонд «Наследие» публикует годовой отчет с основными достижениями, результатами аналитической работы и обобщенными финансовыми показателями. В свободном доступе ежегодно публикуется и консолидированный финансовый отчет, который готовится аудиторами по международным стандартам.

Фонд «Наследие» является освобожденной от налогов организацией, обладает статусом статьи 501(c)(3) Кодекса внутренних доходов США 1986 г., а также является благотворительной организацией, аккредитованной американской организацией по мониторингу благотворительности. Фонд не обязан раскрывать информацию о своих благотворителях, а пожертвования в Фонд не облагаются налогом. Кроме того, благотворительные взносы подлежат частичному вычету из налоговой базы.

Как некоммерческая организация 501(c)(3) Фонд «Наследие» полагается на финансовые взносы частных лиц, фондов и корпораций. Фонд акцентирует внимание на том, что не получает финансирования от государства и

почти 80% бюджета составляют пожертвования частных благотворителей, которых более 500 тыс. человек. Совокупные активы Фонда за 2022 г. – 387,7 млн долл. США, расходы составили 94,3 млн долл. США. Ввиду ориентации финансирования на пожертвования частных лиц Фонд тратит существенные средства на фандрайзинг, так, в 2022 г. на него было потрачено 16,4 млн долл. США, или 17,4% [20].

Как показывает анализ, Фонд «Наследие» максимально открыт в части предоставления информации о своей работе. Механизмы корпоративного управления подробно описаны и представлены на сайте организации, а также в годовых отчетах Фонда. Финансовая отчетность соответствует международным стандартам публичных компаний. Прозрачность в отчетности обусловлена не только требованиями американского законодательства, но и сложившейся культурой и ответственностью перед благотворителями.

Сравнительный анализ финансово-правового обеспечения фабрик мысли в России и США показал, что правовой статус исследуемых аналитических центров идентичен – это некоммерческие организации.

Федеральный закон РФ «О некоммерческих организациях» [3] содержит множество правовых форм НКО, что получает отражение и в конкретном виде аналитических центров. В России фабриками мысли являются и общественные объединения, и некоммерческие партнерства, и вузы, и структуры Российской академии наук. В зависимости от правовой формы российские фабрики мысли попадают под действие различных кодексов и законов. Подобная сложная и зачастую ограничивающая правовая база несет риски развития организации. Существенным минусом, на наш взгляд, является почти полная подконтрольность в управленческих решениях органам государственной власти. Примечательно, что американские НКО, даже получая большую часть финансирования из федерального бюджета, не контролируются финансирующим органом власти.

Рассмотренный в ходе данного исследования российский аналитический центр РСМД, являясь некоммерческим партнерством, представляет собой наиболее выгодную правовую форму. Законодательство предоставляет организации значительно больше маневров для поиска источников финансирования, отсутствует необходимость быть подконтрольным органам государственной власти в части принятия управленческих решений.

В США нет специального закона об НКО, все права и обязанности некоммерческих организаций отражены в налоговом законодательстве – Кодексе внутренних доходов США 1986 г. Рассмотренные в рамках данного исследования аналитические центры согласно этому кодексу обладают статусом раздела 501(c)(3), что освобождает НКО от уплаты подоходного налога. Законодательство США, регулирующее деятельность НКО, принято считать одним из наиболее совершенных в мире, ведь практика некоммерческих организаций в этой стране насчитывает более 100 лет. Значительным преимуществом американского законодательства, на наш взгляд, является возможность получения налоговых льгот для благотворителей (доноров) некоммерческих организаций.

Американские фабрики мысли максимально прозрачны и в своей деятельности, и в своей финансовой отчетности. Это повышает доверие со стороны всех групп интересов, привлекает потенциальных спонсоров. Российские фабрики мысли стремятся к такому уровню открытости, но в этом направлении еще предстоит много работы, связанной со становлением культуры транспарентности и унификации стандартов управления.

Расширяя источники финансирования, не стоит забывать о рисках так называемой мягкой силы иностранного влияния. В США для НКО предусмотрены рекомендации по предотвращению небезопасного финансирования. В России ситуация обстоит несколько сложнее, закон об иностранном влиянии совершенно новый, и нам еще предстоит осмыслить его последствия.

Анализ правового обеспечения аналитических центров, на наш взгляд, является одним из ключевых для определения уровня развитости и институциональной зрелости диалога власти, общества и науки. Проведенный анализ позволил нам лишь обозначить реперные точки норм законодательства, регламентирующего организационное устройство и финансирование аналитических центров в двух странах. Несмотря на очевидное превосходство американского некоммерческого сектора, законодательство США несовершенно, что, например, создает возможности для регистрации НКО с целью нелегальных махинаций, несущих угрозы национальной безопасности страны. В России тоже есть правовые ограничения для развития фабрик мысли, но точкой роста совершенствования этого института является история становления аналитических центров советской России и интеллектуальный потенциал России современной.

Список литературы

1. McGann James G. 2020 Global Go To Think Tank Index Report (2021). URL: https://repository.upenn.edu/think_tanks/18 (дата обращения: 05.07.2023).
2. Ивченкова М. С. Функционирование российских «фабрик мысли» в информационном обществе // Вестник Института социологии. 2019. Т. 10, № 3. С. 151–164. <https://doi.org/10.19181/vis.2019.30.3.594>
3. О некоммерческих организациях : федер. закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. РСМД. Годовой отчет 2022. URL: https://russiancouncil.ru/upload/iblock/7f5/wvq8p1s6vhy22uzt26rmt0i067vx3lhn/riac_annual_report_2022.pdf (дата обращения: 05.07.2023).
5. Бурлинова Н. В. Роль НПО в международных отношениях и публичной дипломатии // Международная аналитика. 2022. Т. 13, № 1. С. 110–123. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2022-13-1-110-123>
6. О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием : федер. закон от 14.07.2022 № 255-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Об институте // ИМЭМО РАН. URL: <https://www.imemo.ru/about> (дата обращения: 05.07.2023).
8. Устав ИМЭМО РАН. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/documents/Ustav_12092018.pdf (дата обращения: 05.07.2023).
9. О науке и государственной научно-технической политике : федер. закон от 23.08.1996 № 127-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 27.09.2013 № 253-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Путило Н. В., Щуплецова Ю. И. Правовое регулирование научной деятельности в Российской Федерации: общие тенденции через призму частных проблем // Управление наукой: теория и практика. 2019. № 1. С. 96–109. <https://doi.org/10.19181/smt.2019.1.1.3>.
12. Шесть лет реформы Российской академии наук: результаты и перспективы преобразований // Российская академия наук. 2019. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=e9c833ea-d1dc-49ba-9e13-92540cd767b8> (дата обращения: 05.07.2023).
13. Устав // МГИМО Университет. URL: https://mgimo.ru/upload/2020/06/mgimo-charter-2015_upd-2020.pdf (дата обращения: 05.07.2023).
14. Годовой отчет: отчет и планы 2022–2023 // МГИМО Университет. URL: https://fund.mgimo.ru/upload/ckeditor/files/reportmgimo_2022.pdf (дата обращения 05.07.2023).
15. Диксон П. Фабрики мысли. М. : АСТ, 2004. 505 с.
16. 2022 RAND Annual Report. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2023. URL: https://www.rand.org/pubs/corporate_pubs/CPA1065-3.html (дата обращения: 05.07.2023).
17. Consolidated Financial Statements: Fiscal Years Ended September 30, 2022 and 2021. Santa Monica, CA: RAND Corporation, 2023. https://www.rand.org/pubs/corporate_pubs/CPA1263.html (дата обращения: 05.07.2023).
18. The Foreign Agents Registration Act (“FARA”) 22 U.S.C. § 611 et seq., implementing rules at 28 C.F.R. § 5.1 et seq. URL: <https://www.justice.gov/nsd-fara/fara-index-and-act#611> (дата обращения: 05.07.2023).
19. Heritage Has Won Victories Benefiting All Americans // The Heritage Foundation. URL: <https://www.heritage.org/about-heritage/impact> (дата обращения: 05.07.2023).
20. The Heritage Foundation and Affiliates. Consolidated Financial Report December 31, 2022. URL: https://file:///C:/Users/Maria%20Ivchenkova/Downloads/The_Heritage_Foundation_22_FS.pdf (дата обращения: 05.07.2023).

Поступила в редакцию 29.07.2023; одобрена после рецензирования 10.08.2023; принята к публикации 30.08.2023
The article was submitted 29.07.2023; approved after reviewing 10.08.2023; accepted for publication 30.08.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 407–411

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 407–411

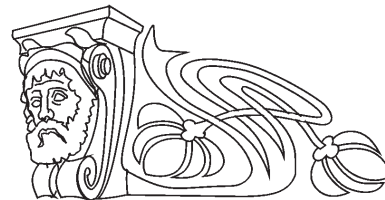
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-407-411>, EDN: FQLQVN

Научная статья

УДК 316.334.3

Динамика и особенности процесса трансформации состава политической элиты в регионе транзитивного типа

Д. В. Покатов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Покатов Дмитрий Валериевич, доктор социологических наук, заведующий кафедрой истории, теории и прикладной социологии, dvpokatov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9973-1473>

Аннотация. В статье рассматриваются базовые особенности процесса трансформации политической элиты применительно к региону транзитивного, аграрно-индустриального типа, каким является Саратовская область. Выявляются отличия процесса трансформации от изменения элиты и так называемой смены элит. Дается характеристика структурно-институциональному, групповому и поколенческому аспектам динамики элит в регионе. При этом отмечается, что процесс трансформации элиты затрагивает, прежде всего, такие групповые индикаторы, как социально-демографические параметры, социальное происхождение, образовательные характеристики элиты, ее стаж и опыт управленческой деятельности. Анализ биографий 67 политиков, представляющих элиту региона транзитивного типа, позволил сделать вывод о том, что ведущей особенностью процесса трансформации состава политической элиты Саратовской области становится не изменение его внешних параметров, но сохранение глубинных внутренних (структурно-функциональных) характеристик. В результате происходит утверждение параметров элиты консолидации, призванной во многом закрепить на более продолжительный период тенденции стабилизации общественно-политической жизни.

Ключевые слова: элита, политическая элита, регион, трансформация, динамика

Для цитирования: Покатов Д. В. Динамика и особенности процесса трансформации состава политической элиты в регионе транзитивного типа // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 407–411. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-407-411>, EDN: FQLQVN

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The dynamics and features of the transformation process of political elite composition in the region of the transitive type

D. V. Pokatov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Dmitry V. Pokatov, dvpokatov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-9973-1473>

Abstract. The article considers the basic features of the transformation process of the political elite in relation to the region of a transitive, agrarian-industrial type, like Saratov region. The differences between the transformation process and the change of the elite and the so-called "change of elites" are revealed. The characteristics of the structural-institutional, group and generational aspects of the dynamics of elites in the region are given. It is noted that the process of elite transformation affects, first of all, such group indicators as socio-demographic parameters, social origin, educational characteristics of the elite, its length of service and experience in management activities. The analysis of the biographies of 67 politicians representing the elite of the transitive-type region allowed to conclude that the leading feature of the transformation of the composition of the political elite of the Saratov region is not a change in its external parameters, but the preservation of deep internal (structural-functional) characteristics. As a result, the parameters of the consolidation elite are approved, which is intended to largely consolidate the tendency to stabilize public-political life for a longer period.

Keywords: elite, political elite, region, transformation, dynamics

For citation: Pokatov D. V. The dynamics and features of the transformation process of political elite composition in the region of the transitive type. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 407–411 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-407-411>, EDN: FQLQVN

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Обращение к анализу процесса трансформации политической элиты, выступающей как относительно небольшая социальная группа, которая объединяет в своем составе выходцев из различных социальных страт, профессионально занимающихся политической деятельностью и обладающих необходимыми ресурсами для воздействия на общество, не является случайным. До сих пор продолжаются дискуссии как о самом понятии, так и о существенных показателях и векторах процесса трансформации элит. При этом от того, как будет осуществляться трансформационный процесс политической элиты, занимающей ведущие позиции в социально-политической иерархии общества, во многом будет зависеть и само его развитие. Сегодня дискуссии об этом по-прежнему не только не стихают, но даже усиливаются. В имеющихся исследованиях можно встретить весь спектр позиций – от признания полной либо значительной трансформации и смены элит до отрицания данных изменений либо отстаивания идеи о локальных трансформационных трендах [1–4]. При этом в большинстве исследований речь идет о политической элите федерального уровня. Достаточно мало затрагиваются трансформационные процессы применительно к региону в целом и региону переходного типа в частности.

Также до настоящего времени нет четкости в понимании самой категории «трансформация элиты», часто заменяемой понятиями «смена» и «изменение элит». Можно согласиться с известным элитологом Г. К. Ашиным, что замена элит означает, по сути, устранение прежней элитной группы и приход к власти контрэлиты [1, с. 40–41]. Изменение элиты, о чем также говорилось в ряде исследований, это процесс существенных модификаций ее состава, связанных с приходом представителей контрэлиты, а также идеологических и управленческих приоритетов и отдельных практик. Трансформация элиты, на наш взгляд, это частичные и постепенные изменения индивидуальных, групповых параметров элитной группы, не приводящие к каким-либо революционным и глобальным переменам как внутреннего, так и внешнего облика элиты.

Именно такой трансформационный процесс характерен для некоторых российских регионов, в частности для рассматриваемого в данной статье переходного, транзитивного региона, каким является Саратовская область. В последние годы, как известно, давались различные определения региона, в которых авторы, как правило, стремились определить его исходя из какого-либо одного критерия. При

этом предлагались разные трактовки региона, учитывающие потребности различных отраслей знания и приоритеты отдельных научных направлений. Как правило, стремление дать трактовку региона, учитывая только какой-либо один подход, несколько сужает, на наш взгляд, данную дефиницию. Кроме того, следует учитывать неравномерное и весьма противоречивое развитие разных территориальных единиц, не позволяющие рассматривать их как некое интегрированное целое.

Учитывая это, под регионом в нашей работе понимается определенная социально-территориальная, а также народно-хозяйственная общность, характеризующаяся постоянными трудовыми и социокультурными связями населения, которая имеет особую социальную и производственную инфраструктуру, органы власти и управления, ориентирующиеся в своей деятельности на решение стоящих перед данным образованием задач. Речь идет, в первую очередь, о таком среднеразвитом регионе, как Саратовская область. В представлении некоторых исследователей (Н. В. Зубаревич и др.) он типичен для России по 26 показателям развития.

В постсоветский период данный регион прошел путь от индустриально-аграрного к аграрно-индустриальному, объединив в своих характеристиках черты чисто аграрного пути развития, в том числе во многом экстенсивный характер ведущих сфер экономики (прежде всего сельского хозяйства), господство традиций в духовной сфере и индустриального вектора, характерного для отдельных секторов промышленного производства. В политическом плане начиная с 2012 г. в Саратовской области утвердился особый институционально-политический корпоративный тип, олицетворяемый высшими чиновниками региона, прежде всего губернаторами, опирающимися на разветвленные сегменты бизнес-элиты [5, с. 106]. В ряде случаев политическая региональная элита и ее представители не всегда могли влиять на бизнес-элиту, как и многие представители последней не могли зачастую воздействовать на властные региональные структуры и институты. Результатом этого оказывался процесс выбора и назначения из федерального центра компромиссной фигуры, против которой не возражали ведущие политические региональные акторы.

В 2022 г. в Саратовском регионе состоялись выборы губернатора и депутатов Саратовской областной думы, которые позволяют оценить изменения, произошедшие в составе политической элиты региона переходного типа, включа-

ющие не только структурно-институциональную составляющую, о которой речь шла выше и которая не претерпела пока существенных изменений, но и групповую (социально-демографическую, образовательную, духовную), а также поколенческую. Сама смена фигуры губернатора, без сомнения, в остающемся мобилизационном российском обществе с его доминированием политических институтов и структур играет существенную роль. Это особенно важно для тех регионов, в которых кандидатурами губернаторов являлись либо так называемые варяги (назначенные из центра политики, как А. Г. Дюмин в Тульской области, А. Е. Клычков в Орловской области, В. А. Васильев в Республике Дагестан и др.), либо поддерживаемые центром представители определенных социальных страт – тех же корпоративных кругов (представленных выходцами из кругов армейского истеблишмента, правоохранительных органов, структур системы органов безопасности) в Тульской, Волгоградской, Кемеровской областях, Республике Ингушетии и Чеченской Республике.

Однако даже в случае с Саратовской областью, где губернатором был избран Р. В. Бусаргин, представитель команды прежнего главы региона В. В. Радаева, можно говорить об особой динамике трансформационных процессов. Прежде всего, процесс трансформации затронул такие групповые индикаторы, как социально-демографические параметры, социальное происхождение, образовательные характеристики, стаж и опыт управленческой деятельности. Анализ данных показателей построен автором статьи на основе биографий 67 политиков региона (это, по сути, 90% от общего состава элиты региона), представляющих административно-политическую элиту и включающих биографии губернатора, министров областного правительства, депутатов Саратовской областной думы, депутатов от области в Государственной Думе, федерального инспектора, лидеров политических партий и общественно-политических движений и организаций региона.

Анализ биографий показывает, что возраст современной региональной элиты сократился с 52 лет в 2021 г. до 46 лет в 2022 г.¹. В целом со-

храняются гендерные показатели элиты, которые типичны для федерального уровня. В политической элите Саратовского региона в 2022 г. представительство женщин составило 20,8%, мужчин – 79,1%. Данные показатели отчасти коррелируют с результатами исследований, проводимых на федеральном уровне. Так, среди депутатов Государственной Думы женщин было 16,3%, мужчин – 83,7%, среди сенаторов – 19,5 и 80,5% соответственно. Среди представителей федеральной элиты в целом данные показатели несколько изменились (женщин – 46,2%, мужчин – 53,8%) [6, с. 16]. В целом, по сравнению с советским периодом, происходил значительный рост данного показателя. В период существования СССР в состав Политбюро ЦК КПСС входили в разные годы только шесть женщин: А. В. Артюхина, А. П. Бирюкова, К. Н. Николаева, Г. В. Семенова, Е. Д. Стасова и Е. А. Фурцева). В несколько большей степени женщины были представлены в отечественном аналоге западного парламента – Верховном Совете СССР. В составе 1-го созыва данного органа (1938–1943 гг.) их процентный уровень равнялся 2,6%. Однако к концу 80-х – началу 90-х гг. XX в. он возрос до 13,3% [7, с. 265–266]. В 90-е гг. прошлого века применительно к региональному уровню процентный показатель женщин в элитной прослойке увеличился ненамного – до 3,8% в элите региона в целом и до 5,8% в политической элите, представленной в региональном парламенте [8, с. 111].

По сравнению с гендерным показателем, более значительные изменения произошли в происхождении и образовательном сегменте политической элиты регионального типа. Продолжается некоторое сокращение прослойки так называемых хозяйственников (в настоящее время это уже не столько представители ВПК и АПК, сколько менеджеры фирм и руководители предприятий различных форм собственности, действующие в большей степени в строительстве и торговом секторе). Их процентный состав сократился с 37,6% в 2021 г. до 35,4% в 2022 г. Также заметно уменьшилось (с 15,2% в 2020 г. до 6,2% в 2022-м) представительство работников так называемых корпоративных структур (в том числе правоохранительных органов, силовых структур и армейского истеблишмента). Практически до статистической погрешности снизился уровень когда-то могущественной партийно-государственной номенклатуры. Если в 2017–2022 гг. он составлял 2,5%, то в 2022 г., после ухода губернатора В. В. Радаева и председателя Саратовской

¹ Здесь и далее подсчитано автором на основании биографий, опубликованных на сайтах: Правительство Саратовской области. URL: <http://saratov.gov.ru> (дата обращения: 15.02.2023); Саратовская областная Дума. URL: <http://www.srd.ru> (дата обращения: 15.02.2023); Интернет-энциклопедия «Кто есть кто в Саратовской области» о самых успешных и известных персонах региона. URL: <http://www.kto.delovoysaratov.ru> (дата обращения: 15.02.2023).

областной думы А. С. Романова, численность бывших представителей партийной номенклатуры сократилась до 1,53%.

На фоне сокращения численности ряда традиционных страт в политической элите региона значительно возросло представительство интеллигенции – с 26,0% в 2021 г. до 38,5% в 2022 г. Как думается, это связано не только с востребованностью вновь идей и проектов, продвигаемых ее представителями, но и приобретением различными прослойками интеллигенции новых связей, а также большей заинтересованностью с ее стороны в поддержке своих интересов и планов. Ввиду роста прослойки интеллигенции снижается прослойка лиц с технократическим образованием (с 50,6% в 2021 г. до 43,0% в 2022-м) и увеличивается численность элитных деятелей с гуманитарным образованием. При этом если когорта элиты с гуманитарным образованием в 2020–2021 гг. составляла 14,2%, то в 2022 г. – 27,6%. Даже среди представителей политической элиты с техническим образованием стало типичным иметь второе образование – либо юридическое и экономическое (по 17,8%), либо гуманитарное и даже социологическое (по 3,5%).

Относительно опыта управленческой деятельности можно говорить, что на смену управленцам-технократам с достаточно значительным опытом деятельности приходят представители элиты, чей стаж работы в органах управления составляет от 5 до 15 лет. Так, в 2020–2021 гг. стаж работы более 15 лет имели 7,7% представителей элиты, в настоящее время – 11,9%. При этом политиков со стажем работы более 30 лет насчитывается сегодня только 1,5%, в то время как стаж от 10 до 15 лет имеют 26,0% представителей элиты региона, а от 1 до 5 лет – 18,0% [3]. Постепенное изменение стажа и опыта работы во многом связано с постоянными изменениями кадрового состава, особенно правящей элиты региона, которое продолжилось и после ухода со своего поста губернатора В. В. Радаева. Так, за четыре года (2017–2021 гг.) в составе правительства Саратовской области сменились 23 из 25 министров, 16 депутатов областной думы из 45 парламентариев (т.е. состав обновился на 35,0%) [3].

Изменение столь важного идентификатора, как стаж политической и управленческой деятельности, позволяет говорить о том, что постепенно меняется и поколенческий вектор. На смену элитным деятелям первого послевоенного поколения (1940–1950-е гг.), насчитывавшим на федеральном уровне 32,4%, и

элиты оттепели (1950–1960-е гг.) – 36,37%, все больше приходят представители поколений периода застоя (1960–1970-е гг.) и перестройки (1980–1990-е гг.) – 22,6% [9]. На первый взгляд, между ними наблюдается некоторый диссонанс во взглядах и ценностях. Если представители первых двух поколений более рациональны, сохраняют приверженность ряду советских идеалов, в том числе патриотизма и государственности, то элитное поколение периодов застоя и перестройки, хоть и более динамично, обладает настойчивостью в проведении своих замыслов, но в то же время не столь рационально, склонно к усердной, кропотливой работе, менее идеологично. Данные антагонизмы со временем могут привести и к разногласиям внутри самой элиты.

Однако на современном этапе, в силу объективных факторов, в том числе сохраняющегося особого типа корпоративной организации власти, это не приводит к внешним конфликтам. Представителей современной политической элиты транзитивного региона сплачивает утилитарная направленность деятельности. И здесь нельзя не согласиться с А. Е. Чириковой, отмечавшей, что представители современной элиты больше думают о сиюминутных интересах. Сама элита остается закрытой группой, для которой внутриэлитные противостояния оказываются важнее, чем функции общественного управления [10, с. 59].

Подводя итог рассмотрению динамики процесса трансформации состава политической элиты региона, можно говорить, что одной из ведущих его особенностей становится не столько изменение внешних параметров, сколько сохранение некоторых глубинных внутренних (структурно-институциональных) черт. В результате в регионе транзитивного типа происходит закрепление черт элиты консолидации, которая призвана на продолжительное время закрепить тенденции стабилизации общественно-политической жизни, предотвратить возможные нежелательные отклонения, особенно опасные в условиях ухудшающейся международной обстановки.

Список литературы

1. Ашин Г. К. Смена элит // *Общественные науки и современность*. 1995. № 1. С. 40–50.
2. Быстрова А. С., Даугавет А. Б., Дука А. В., Колесник Н. В., Невский А. В., Тев Д. Б. Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6, вып. 2. С. 24–53.

3. Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51–65.
4. Крыштановская О. В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров, 2005. 384 с.
5. Покатов Д. В. Политическая региональная элита: социологический ракурс трансформационной динамики. М. : Маска, 2017. 162 с.
6. Васильева Н. Женщин на руководящих постах должно быть больше, а их зарплаты – выше // Российская газета. 2023. 13–19 янв.
7. Войтиков С. С. За фасадом сталинской конституции. Советский парламент от Калинина до Громыко. М. : Вече, 2021. 464 с.
8. Наумов С. Ю., Масленникова Е. В., Марченко О. И. Социальный статус государственного служащего. Саратов : Изд-во Поволжской акад. гос. службы, 2001. 159 с.
9. Покатов Д. В. Смена поколений российской политической элиты: эволюция профессионально-личностного потенциала // Теоретические и прикладные аспекты исследования жизнедеятельности поколений / под ред. С. Г. Ивченкова. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 2021. С. 43–52.
10. Чирикова А. Е. Власть, элиты и кризис: стратегии политического поведения // Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука : ежегодник 2010. М. : РОССПЭН, 2011. С. 43–59.

Поступила в редакцию 03.03.2023; одобрена после рецензирования 09.05.2023; принята к публикации 30.08.2023
The article was submitted 03.03.2023; approved after reviewing 09.05.2023; accepted for publication 30.08.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 412–416

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 412–416

<https://soziopolit.sgu.ru>

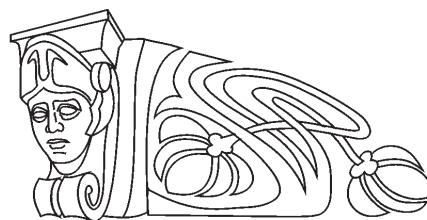
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-412-416>, EDN: FXVLFZ

Научная статья

УДК 004.036

Уязвимость культурных кодов как угроза существования цивилизации

Н. П. Лыскова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Лыскова Наталья Павловна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии культуры и культурологии, 450885@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3373-3676>

Аннотация. В статье рассматриваются последствия уязвимости культурных кодов в качестве актуальной угрозы существованию человеческой цивилизации при бесконтрольном и необоснованном использовании искусственного интеллекта. Анализируются позитивные, а также негативные варианты взаимодействия искусственного интеллекта с культурными кодами, нивелирующими понимание основных универсалий человеческого поведения, общения, деятельности. Исследуется влияние человеческого фактора на применение сильным искусственным интеллектом полученных навыков в нестандартных условиях, ответственность конкретного специалиста за качество и количество вводимых данных под влиянием его гендерных, конфессиональных, национальных, расовых, культурно-языковых особенностей, приводящих систему к ошибочным действиям и выводам. Рассматриваются негативные последствия некритического восприятия действительности, неспособность современного человека отличить контент от фейков, приобретающих массовый характер, заменяющих существующую реальность, используемых для неблаговидных и преступных целей. Обосновываются необходимость государственного регулирования этического поведения бизнеса, осуществляющего разработку и внедрение технологий искусственного интеллекта, установление норм этического поведения в данной инновационной сфере, подписание Кодекса этики искусственного интеллекта, принятого представителями ведущих отечественных компаний. Определяется практическая реализация представленных в нем направлений подготовки высококвалифицированных ИТ-специалистов в университетах, системе дополнительного образования с получением одновременно с базовым образованием востребованных профессий специалистов по анализу и обработке данных, обеспечению деятельности корпоративных информационных систем, анализу данных в области образования, программистов, в том числе в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского, Саратовском государственном университете генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова.

Ключевые слова: культурный код, искусственный интеллект, человек, культура, общество, цивилизация, дипфейк-технология

Для цитирования: Лыскова Н. П. Уязвимость культурных кодов как угроза существования цивилизации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 412–416. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-412-416>, EDN: FXVLFZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Vulnerability of cultural codes as threat to the existence of civilization

N. P. Lysikova

Saratov State University, 83 Astrakhanckaya St., Saratov 410012, Russia

Natalia P. Lysikova, 450885@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3373-3676>

Abstract. The article deals with the consequences of the vulnerability of cultural codes as an actual threat to the existence of human civilization with the uncontrolled and unreasonable use of artificial intelligence. Positive as well as negative options for the interaction of artificial intelligence with cultural codes that level the understanding of the basic universals of human behavior, communication, and activity are analyzed. The influence of the human factor on the use of acquired skills by strong artificial intelligence in non-standard conditions, the responsibility of a particular specialist for the quality and quantity of input data under the influence of his gender, confessional, national, racial, cultural and linguistic characteristics, leading the system to erroneous actions and conclusions, are investigated. The negative consequences of an uncritical perception of reality, the inability of a modern person to distinguish content from fakes that are becoming massive, replacing the existing reality, used for unseemly and criminal purposes are considered. The necessity of state regulation of the ethical behavior of business engaged in the development and implementation of artificial intelligence technologies, the establishment of ethical behavior standards in this innovative area, the signing of the Code of Ethics of Artificial Intelligence, adopted by representatives of leading domestic companies, are substantiated. The practical implementation of the areas of training of highly qualified IT specialists presented in it at universities, the system of additional education with

the acquisition of demanded professions of specialists in data analysis and processing, ensuring the operation of corporate information systems, data analysis in the field of education, programmers, including at the Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov State University of Genetics, Biotechnology and Engineering named after N. I. Vavilov.

Keywords: cultural code, artificial intelligence, man, culture, society, civilization, deepfake technology

For citation: Lysikova N. P. Vulnerability of cultural codes as threat to the existence of civilization. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 412–416 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-412-416>, EDN: FXVLFZ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В процессе развития общества формируются как осознанные, так и неосознаваемые индивидом регуляторы деятельности, поведения и общения, функционирующие в качестве особых культурных кодов, закрепленных в вербальных и невербальных формах взаимодействия, в том числе предписаниях, рекомендациях, законах, заповедях, знаках, правилах этикета, дистанции между общающимися, приветствиях, сигналах, эмблемах, символах, которые в разных культурах обретают свои смыслы и значения.

В культурном коде современные исследователи выделяют, прежде всего, коммуникативное его предназначение в качестве способа хранения и трансляции культурной памяти, «способа передачи знаний о мире, навыков, умений в данной культурной эпохе» [1, с. 105], а также выполнение функции программирования картины мира благодаря вторичной знаковой системе, использующей «разные средства для кодирования содержания, сводимого к картине мира» [2, с. 7], совокупности «культурных представлений о картине мира того или иного социума» [3, с. 20–21], макросистеме «характеристик объектов картины мира», понятийной сетке, при использовании которой «носитель языка категоризирует, структурирует и оценивает окружающий его и свой внутренний миры» [4, с. 232].

В архаических и традиционных типах общества действуют жесткие нормы, не допускающие никаких отклонений от существующих образцов, стандартов, принципов, традиций. В современном обществе с техногенным типом цивилизационного развития взаимодействие культур, а следовательно, и культурных кодов многократно возрастает и интенсифицируется, поэтому регуляторы деятельности, поведения, общения часто становятся все более разнонаправленными, расплывчатыми, необязательными, приобретают принудительный характер предписания или допускают вариативность, предоставляют индивиду свободу выбора действий или, наоборот, бездействий. Однако реальные поступки современной молодежи часто свидетельствуют о том, что не все ее представители и не всегда готовы сделать правильный

выбор, самостоятельно совершить осознанные действия, продумать их варианты, выделить причинно-следственные связи, предвидеть позитивные и негативные последствия. С одной стороны, такая неготовность объясняется тем, что их решения принимаются не самостоятельно, а по совету родителей, воспитателей, педагогов, руководителей разных уровней, с другой стороны, их элементарно не научили диалектически мыслить и совершать обдуманный выбор, тем более что в школе предпочтение отдавалось не творческим работам, аналитическим проектам, сочинениям, эссе, рефератам, а элементарным тестам на знание имен, дат, названий.

Основатель формальной социологии Ф. Теннис, производя сравнение общности и индустриального общества, утверждал, что в общности люди остаются связанными, несмотря ни на какие разделения, в то время как в обществе «они остаются разделенными несмотря ни на какие связи», при этом «каждый выступает только за себя, а в состоянии повышенной напряженности – и против всех прочих» [5, с. 63]. Отсюда следует разрушение традиционалистских отношений, основанных на семейно-клановых связях, душевных переживаниях, ведущее к культивированию расчетливости и потребительского отношения.

Немецкий философ и теоретик культуры О. Шпенглер предвидел возрастание конфликтности между старой и новой культурами, обострение противоречий между национальными культурами внутри общества. Старая культура, по его мнению, «властно тяготеет над страной», не дает новой культуре не только «создать чистые и собственные формы выражения», но даже осознать «по-настоящему себя самое», при этом «нельзя вообразить себе большей противоположности, нежели между русским и западным, иудейско-христианским – и позднеантичным видами нигилизма, между ненавистью к чужому, отравляющей еще нерожденную культуру в материнском лоне ее родины, и отвращением к собственной культуре, вершины которой вконец приелись» [6, с. 34, 42].

Однако при всей прогностичности данных, хотя и не бесспорных, рассуждений мыслите-

ли прошлых веков не могли предвидеть такие противоречивые взаимодействия между разными видами культуры, которые впоследствии будут осложнены еще и проникновением в эту сферу искусственного интеллекта как инструмента, способного выполнить безграничное количество теоретических и практических задач, сократить рутинную и физическую работу, повысить производительность труда и одновременно выполнять функции распознавания объектов, предсказания сбоев и поломок в системе, управления, регулирования.

Американский информатик и изобретатель языка программирования Дж. Маккарти на семинаре в Дармуте (1956 г.) поставил перед десятью учеными задачу: понять, как можно обучить машины использовать естественные языки, формировать абстракции и концепции, решать задачи, которые может выполнить только человек, и, наконец, улучшить самих себя. Двухмесячный мозговой штурм привел к созданию сети научных лабораторий по искусственному интеллекту и нейронным сетям. В настоящее время искусственный интеллект активно используется как в условно «мирных» сферах: здравоохранении, промышленном производстве, охране территорий, в том числе заповедных, так и в военных, например, в цифровизации поля боя, когда все боевые силы и средства объединяются в единую цифровую среду, что обеспечивает превосходство боевой работы. За всеми действиями искусственного интеллекта пока стоит человек, потому что сильный искусственный интеллект, способный применять полученные навыки в нестандартных условиях и ситуациях, пока еще не завершен, но, как показывает реальная ситуация, и слабый искусственный интеллект может нанести ощутимый урон отдельному человеку и обществу в целом. Это обусловлено следующим:

– во-первых, конкретный специалист по искусственному интеллекту, контролирующий качество и количество вводных данных, случайно или намеренно может ввести ошибочные паттерны, например, под влиянием гендерных, конфессиональных, национальных, расовых, культурно-языковых предрассудков, которые могут спровоцировать систему на ложные действия и выводы;

– во-вторых, у современных молодых людей, проводящих много времени в интернете, как показывает практика, ослаблено критическое восприятие действительности, в связи с чем они не всегда способны отличить контент, созданный известным, возможно, очень талант-

ливым человеком, от фейка, представляющего аргументированный, убедительный, логически выстроенный текст, созданный искусственным разумом, произносимый его копией, воссозданной нейросетью.

В настоящее время разнообразные фейки, созданные человеком при помощи искусственного интеллекта, постепенно приобретают массовый характер и в определенной степени становятся значимым компонентом существующей реальности. Используемые при их создании дипфейк-технологии, являющиеся «побочным» ответвлением развития методов глубокого машинного обучения, сохраняют положительный и отрицательный эффекты, они могут использоваться для самых неблагоприятных и даже преступных целей, например таких, как вымогательство, мошенничество, дезинформация, имитируя с необыкновенной точностью интонации, паузы, акцент, эмоции конкретного человека.

Авторитетный китайский специалист по искусственному интеллекту, мастер синтетических образов, имеющий продолжительный опыт работы в ведущих ИТ-компаниях мира, Кай-Фу Ли приходит к выводу, что для расширения сфер приложения искусственного интеллекта необходимы сильные ученые-новаторы, элитные исследователи, соответствующее качество вводных данных, воинственно настроенные предприниматели мирового уровня, и при этом важнейшее значение приобретает скорость принятия всех необходимых решений. Размышляя о сверхдержавах искусственного интеллекта и новом мировом порядке, он считает, что культура, регулирующая жизнь человека, достаточно хрупка и уязвима, а с возрастанием хаоса, беспорядков, неопределенности с полной очевидностью усилятся гуманитарный и личностный кризисы, связанные с потерей человеком своего основного ориентира – смысла жизни. Сделанный ученым вывод вполне предсказуем: развитие искусственного интеллекта угрожает базовым ценностям человека [7].

Анализируя разные варианты будущего человечества, Кай-Фу Ли особое внимание обращает на возрастании зависимости человека от искусственного интеллекта, который способен искажать истину, сужать мировоззрение, негативно влиять на настроение, эмоции и, что особенно важно, на психологическое здоровье индивида. В настоящее время, по его мнению, основными критериями, которые оптимизируют искусственный интеллект, являются получение рекламы, кликов, доходов, поэтому он

«маниакально сосредоточен на этой корпоративной цели и ничуть не заботится о благополучии пользователей», хотя его действия «разрывают души людей на части и усугубляют нравственность» [8]. Отсюда следует, что искусственный интеллект представляет не только блага, но и страшную угрозу для современной цивилизации, потому что неразличение как в самом человеке, так и им самим сущности и оппозиции универсалий «добро и зло», «прекрасное и безобразное», «мужское и женское», «моральное и безнравственное», которые складывались веками в большинстве мировых культур, ведет к разрушению культурных кодов как основы существования современного мира.

Тенденция разрушения культурного мира человека изначально присуща искусственному интеллекту еще и потому, что, во-первых, искусственный интеллект, в отличие от человека, ни за что не отвечает и ни за кого не переживает. Во-вторых, головной мозг человека также представляет единую, огромную, очень сложную нейронную сеть, в которой есть отдельные сети, ответственные за внимание, целенаправленность, разные виды памяти, однако «он имеет дело с реальным миром: он на него смотрит, слушает и так далее, с тем, что он вспоминает, или с тем, что он придумывает», но, по мнению выдающегося ученого И. М. Сеченова, «мозгу все равно», что там происходит [9].

В нашей стране в настоящее время существует свыше пятисот компаний, связанных с разработками в области искусственного интеллекта, работающие в них специалисты хорошо осознают необходимость этичного использования инновационных технологий. Известный профессор Т. В. Черниговская, которой приходится часто общаться и выступать перед научными сотрудниками компаний, занимающимися глубоким обучением нейронных сетей, констатировала первые признаки взаимодействия факультативных программ между собой, которые «стали как-то очень быстро учиться», при этом специалисты не всегда способны контролировать «то, что происходит». Наибольшее опасение, по ее мнению, вызывает реальное сетью «осознание того, что она личность» [9].

Существует и более оптимистическая позиция по отношению к искусственному интеллекту, связанная с рассмотрением его в качестве всего лишь инструмента, выполняющего поставленные задачи. В рамках национального проекта «Цифровая экономика» предполагается решить вопросы, связанные с дефицитом кадров, потому что в настоящее время, по подсче-

там экспертов, российской экономике не хватает от 500 тысяч до 1 миллиона ИТ-специалистов. Программированию обучают в школе, однако согласно образовательному проекту, запущенному Минцифры России в 2022 г., оператором его выступает Университет 2035, учащиеся, начиная с восьмого класса, могут бесплатно осваивать программирование на двухлетних курсах «Код будущего». Данная программа успешно действует более полугодя, благодаря полученным знаниям школьники глубже понимают задачи, стоящие перед программированием в разных областях, создают собственные проекты, осваивают языки программирования. При получении высшего образования также существует возможность поступить на цифровые кафедры, которые открываются на базе крупнейших российских университетов, в дополнение к основному направлению обучения. После успешной сдачи экзамена и защиты проекта выпускники цифровых кафедр получают диплом государственного образца о профессиональной переподготовке, а следовательно, имеют преимущество на рынке труда. Так, в Саратовской области цифровые кафедры работают в Саратовском национальном исследовательском государственном университете имени Н. Г. Чернышевского и предлагают профессии: специалист по анализу данных; специалист по обработке данных; специалист по обеспечению деятельности корпоративных информационных систем; специалист по анализу данных в области образования, а также в Саратовском государственном университете генетики, биотехнологии и инженерии имени Н. И. Вавилова и предлагают профессии: программист, Data scientist.

Утверждена перспективная программа стандартизации на 2021–2024 гг., в которой предполагается, что в течение четырех лет будут разработаны сто стандартов, регламентирующих безопасность для человека и окружающей среды систем искусственного интеллекта. Представители ряда компаний, в том числе Дмитрий Сидорин, основатель компаний «Сидорин Лаб», Reputation Lab, Reputation House, считают, что государство должно регулировать использование технологий искусственного интеллекта, поэтому закономерно, что решению данной проблемы был посвящен международный форум «Этика искусственного интеллекта: начало доверия», который состоялся в Москве в октябре 2022 г. Представители целого ряда компаний подписали Кодекс этики искусственного интеллекта, в котором были

установлены основные нормы этического поведения бизнеса, осуществляющего разработку и внедрение соответствующих технологий в данной области.

Таким образом, рассмотрение проблемы уязвимости культурных кодов как реальной угрозы существованию современной цивилизации при бесконтрольном и необоснованном использовании искусственного интеллекта свидетельствует о ее актуальности и необходимости всестороннего теоретического и практического изучения. Действительность демонстрирует первые проявления разрушения культурных кодов, связанные с неразличением в человеке и человеком традиционных ценностных универсалий, составляющих основу существования современного цивилизационного мира, в связи с этим необходимо безотлагательно осуществлять государственное регулирование данной сферы, использовать принципы этического поведения при внедрении технологий искусственного интеллекта, осуществлять широко-масштабную подготовку высококвалифицированных кадров ИТ-специалистов.

Список литературы

1. Никишова Т. П. Культурные коды // Теория культуры в вопросах и ответах / под ред. Н. Б. Шебаршовой. Оренбург : Изд-во Оренбургского гос. ун-та, 2007. С. 105–108.
2. Толстой Н. И., Толстая С. М. О словаре «Славянские древности» // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. Т. 1. М. : Международные отношения, 1995. С. 5–14.
3. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в системе культуры // Фразеология в контексте культуры : сб. науч. тр. / под ред. В. Н. Телии. М. : Языки русской культуры, 1999. С. 13–24. (Studia philologica).
4. Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. М. : Гнозис, 2002. 284 с.
5. Теннис Ф. Общность и общество : Основные понятия чистой социологии / пер. с нем. Д. В. Складнева. М. : Фонд Университет ; СПб. : Владимир Даль, 2002. 450 с. (Полюс).
6. Шпенглер О. Закат Европы. Т. 2 // Судьба искусства и культуры в западно-европейской мысли XX в. : сб. переводов / отв. ред. Р. А. Гальцева. М. : ИНИОН АН СССР, 1979. С. 27–109.
7. Кай-Фу Ли. Сверхдержавы искусственного интеллекта. Китай. Кремниевая долина и новый мировой порядок. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2019. 350 с. URL: <https://avidreaders.ru/read-book/sverhderzhavy-iskusstvennogo-intellekta.html?p=12> (дата обращения: 19.03.2023).
8. Кай-Фу Ли. ИИ-2041. Десять образов нашего будущего. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2021. URL: <https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/pub/t/67742342&art=67742342&/trials=1&user=0&file=94298129&price=499.00&texttrialbutton> (дата обращения: 19.03.2023).
9. Черниговская Т. «Очень личное» с Виктором Лошаком. URL: <https://otr-online.ru/programmy/ochenlichnoe-s-viktorom-loshakom/anons-gost-programmy-tatyana-chernigovskaya-67454.html> (дата обращения: 25.03.2023).

Поступила в редакцию 17.04.2023; одобрена после рецензирования 24.05.2023; принята к публикации 30.08.2023
The article was submitted 17.04.2023; approved after reviewing 24.05.2023; accepted for publication 30.08.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 417–420

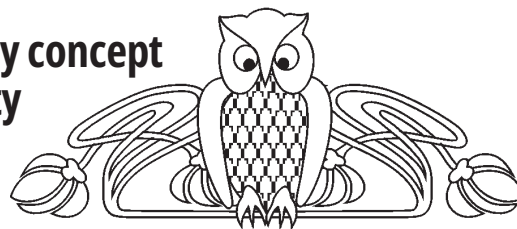
Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 417–420

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-417-420>, EDN: ESNBDY

Article

The evolution of the language personality concept in the course of constructing social reality

B. R. Mogilevich

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Bronislava R. Mogilevich, mogilevich@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Abstract. The article presents the stages of transformation of the concept “linguistic personality” in correlation with the changes of social reality. The reasons for the appearance of the concept “communicative personality” in connection with the formation of the social reality of the information society are substantiated. Comparative analysis of these concepts, involving linguistic, socio-cultural and socio-psychological factors is presented. The “linguistic turn” in socio-humanitarian research contributed to a new content of linguistic personality as a discursive concept. The sociological approaches of M. Weber and P. Bourdieu are given as the theoretical grounds of the connection between the social status of a linguistic personality and its belonging to a certain speech community. The example of the sociolinguistic discourse proves the influence of the level of education, linguistic in particular, on the access of the linguistic/communicative/discursive personality to the social lift (professional career development). Thus, the linguistic personality as a subject of social reality construction creates and maintains social communication, contributes to the enlargement of knowledge, intergenerational connections and, ultimately, to the improvement of the quality of life.

Keywords: linguistic personality, communication, linguistic turn, discourse, social status, habitus, linguistic capital, speech community

For citation: Mogilevich B. R. The evolution of the language personality concept in the course of constructing social reality. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 417–420. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-417-420>, EDN: ESNBDY

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Научная статья

УДК 316.347

Эволюция концепта «языковая личность» в процессе конструирования социальной реальности

Б. Р. Могилевич

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Могилевич Бронислава Рафаиловна, доктор социологических наук, профессор кафедры английского языка для гуманитарных направлений и специальностей, mogilevich@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4986-9183>

Аннотация. В статье представлены этапы трансформации концепта «языковая личность» в корреляции с изменениями социальной реальности. Обоснованы причины появления концепта «коммуникативная личность» в связи со становлением социальной реальности информационного общества. Представлен сравнительный анализ этих концептов с привлечением языковых, социокультурных и социопсихологических факторов. «Лингвистический поворот» в социогуманитарных исследованиях способствовал новому наполнению языковой личности как дискурсивного концепта. Социологические подходы М. Вебера и П. Бурдьё приведены как теоретические основания связи социального статуса языковой личности с ее принадлежностью к определённому речевому сообществу. Пример социолингвистического дискурса доказывает влияние уровня образования, лингвистического, в частности, на доступ языковой/коммуникативной/дискурсивной личности к социальному лифту (профессиональному карьерному росту). Таким образом, языковая личность как субъект конструирования социальной реальности создает и поддерживает социальную коммуникацию, способствует приращению знаний, связей между поколениями и в конечном итоге улучшению качества жизни.

Ключевые слова: языковая личность, коммуникация, лингвистический поворот, дискурс, социальный статус, габитус, лингвистический капитал, речевое сообщество

Для цитирования: Mogilevich B. R. The evolution of the language personality's concept in the course of constructing social reality [Могилевич Б. Р. Эволюция концепта «языковая личность» в процессе конструирования социальной реальности] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 417–420. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-417-420>, EDN: ESNBDY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

*Язык возникает в повседневной жизни
и тесно связан с ней*

Т. Бергер, П. Лукман

Language as a social fact and action actualises all kinds of human life activities in the past, present and future, both in the constant and virtual social reality. The main function of any language – communicative – provides all kinds of human interaction. Consequently, it is natural to consider all native speakers, first of all, as linguistic personalities, in other words, as individuals using a language to describe all phenomena, ideas, concepts, subjects and objects of the surrounding world picture.

The phenomenon of the linguistic personality is a subject of research of a wide range of socio-humanitarian sciences, as the linguistic personality is the subject of construction of social reality. When referring to the definition of the concept of the linguistic personality, one should take into account the fact that there is no single definition due to its complexity and multidimensionality. However, the reason lies not only in this fact, but also in the fact that the functioning of the linguistic personality in the perspective of the subjective (personal) attitude to the surrounding social reality is manifested, in particular, in the choice of language tools adequate to the socio-cultural area of the described or constructed social reality. And yet, most of the research is based on Y. N. Karaulov's concept, which is focused on the text generated by the linguistic personality. According to this theory, the linguistic personality is actualised in three aspects:

- verbal-semantic as an adequate command of the linguistic means;
- cognitive as a process that describes how the linguistic individual relates to the reality around him or her;
- pragmatic (activity-based), reflecting the target preferences, knowledge and skills of the linguistic individual [1].

In the psychological context, the linguistic personality is seen as a set of personality traits and qualities that determine the generation, perception and interpretation of texts as speech acts. All studies of the linguistic personality have the basis of analyzing texts both in terms of their linguistic characteristics and the availability of native speakers' readiness and ability to create and adequately perceive these texts [2].

The emergence of the information society, the creation and constant development and improvement of new technologies of information processing gave rise to new forms of communication. The new cultural and civilizational paradigm emerged

and further actualized the importance of information and determined both new trends in the process of communication and new contents of the concept of the linguistic personality [3].

Each linguistic personality as the subject and object of interpersonal interactions creates a communicative field in the form of the combination of personal characteristics, connections between them, moral and ethical norms, as well as the degree of their adequacy to the moral and value models accepted in this social reality. Within these communicative fields there is a formation of the communicative personality as the augmented linguistic personality [4].

It should be noted that there are three perspectives on the relationship between the concepts of linguistic and communicative identity:

- the linguistic personality is a broader concept than the communicative personality because of its actualisation in the speech, mental, linguistic and communicative aspects [5];
- the concepts of the linguistic personality and communicative personality are synonymous, as the linguistic personality acquires the status of the communicative personality in the process of communication [6];
- the status of the communicative person is higher than that of the linguistic person, because the communicative person has both verbal and non-verbal tools in his/her arsenal, including artificial and mixed communicative means [7].

While linguistic personality functions on the verbal-semantic, cognitive and pragmatic levels, communicative personality can be represented as the combination of the following components:

- the motivational component as the combination of both personal motives and willingness to enter into communication, and their adequacy to the needs accepted in society [8];
- the cognitive component reflects personal specificity in terms of the intellectual and emotional experience, adequate to the generally accepted social norms;
- the functional component is represented in the activities of the communicative personality in the process of using verbal and non-verbal tools [9].

Thus, the communicative personality as a subject of construction of social reality has a wide range of socially significant characteristics, social relations, regulations and norms that allow the establishment of the full-fledged communication. In other words, in this case, communication exists not only as the interaction of the communicants to exchange information, but also as the process that reflects and incorporates their socio-cultural and

socio-psychological thesaurus. Consequently, the communicative personality incorporates the entire range of the social ties of the communicants, their social roles, the degree of their adequacy/inadequacy to the existing socio-value norms.

The expansion of the scope and variability of all aspects of human activity and the creation and implementation of the new information technologies, which began in the second half of the 20th century, revealed two interrelated trends in the functioning of the linguistic personality:

- the apparent inadequacy of using only linguistic tools to describe a new kind of social reality;
- the linguistic personality as a subject constructing a new social reality is brought to the fore.

This phenomenon, called the “linguistic turn”, was a real revolution in the field of the social humanities, namely that linguistics became one of the social sciences, and the social sciences, in turn, began to use linguistics in their research [10].

The increasing role of information and communication in its exchange, perception and interpretation has contributed to the further evolution of the concept of the linguistic personality. The status of the communicative personality as a supplement and development of linguistic personality evolved the concept of the discursive personality. This phenomenon is related to the emergence of a new phenomenon in the socio-humanities – discourse as a new way of describing the surrounding reality. There are many interpretations of the phenomenon of discourse, which do not contradict each other, but describe different aspects of this phenomenon:

- the formalist interpretation represents discourse within structuralism as a speech act in the form of oral or written communication;
- the situational interpretation stresses the socio-cultural and socio-psychological conditioning of the discourse;
- the functionalist interpretation understands the discourse as a language in a social context;
- the ideological interpretation presents the discourse from a historical and cultural perspective [11].

Thus, the concept of discourse is a multidimensional phenomenon that incorporates, in addition to the text as a specific set of linguistic signs, also the information about the surrounding reality. The discourse, in this case, is a volume of information based on both the objective component (information about social reality, historical facts, etc.) and the subjective part in the form of moral and value norms of the communicants’ points of view on the problem, etc.

As an example, the sociolinguistic discourse as a characteristic of the linguistic personality presents

the actualization of the social factors in the activity of linguistic personality. Among them we can highlight such as: a social class, gender, age, ethnic identity, membership in a speech community [12].

Sociolinguistic discourse is based on accepting the fact that any language is not only a sign system, but, above all, a social construct, an action and a result of the social interaction of the linguistic personalities. P. Bourdieu’s concept which defines discourse as a set of human habitus with different socio-genetic specificities is of particular importance. According to P. Bourdieu in the framework of his theory of habitus and linguistic capital, it is the habitus as a set of mental, moral value and bodily characteristics of the linguistic personality that determines the pragmatics of each individual’s life activity [13].

The integral part of the habitus is its linguistic aspect in the form of the knowledge of the language acquired in the family, kindergarten, at school, university, workplace. In other words, different social groups exhibit different linguistic habitus formed in different social contexts. Linguistic habitus are shaped in the processes of socialisation and enculturation, taking into account the fact that different social strata have unequal access to the linguistic markets. The linguistic differentiation of the linguistic personalities is directly related to their social background. Thus, a low level of the language proficiency at the verbal semantic level (phonetic, lexical, morphological, syntactic and stylistic) demonstrates a low social status of the linguistic personality, which does not allow the access to the social lift. Conversely, the linguistic personalities belonging to the middle and higher social strata respond more successfully to the linguistic dens and achieve their pragmatic goals (career and professional development). Consequently, the difference in the linguistic capitals due to different social affiliations of the linguistic personalities is directly dependent on the level and system of education and manifests itself in social differences [14].

It is interesting to note that M. Weber in his theory of the “middle class” argued that social status (class membership) is determined by differences in education and professional affiliation, with each social group exhibiting its own linguistic specificity [15].

Within the discursive context, there is a new filling of the phenomenon of the speech community, which is increasingly being applied in sociological research. Speech community, i.e. the association of the linguistic personalities uses different sociolects, dialects slang units within a common language. These linguistic variations are due to

the multitude of socio-cultural factors, reflecting a specific sociolinguistic environment. They either follow the existing linguistic norms or modify them according to the norms dictated by power structures. That is, all speech communities are constantly transforming according to the dynamics of social changes, which leads to the changes in language practices [16].

Thus, the linguistic personality as the subject of social reality construction reflects the whole range of socio-cultural practices and ensures continuous communication of people, contributing to their education, professional, personal and career development. Furthermore, the linguistic personality is the custodian of all knowledge and skills accumulated by humanity and transmits them from generation to generation.

References

1. Karaulov Yu. N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, Editorial URSS, 2002. 264 p. (in Russian).
2. Bogin G. I. *Model' yazykovoy lichnosti i ee otnoshenie k raznym tipam tekstov* [The Model of Linguistic Personality and its Relation to Different Types of Texts]. Leningrad, Leningrad State University Publ., 1984. 31 p. (in Russian).
3. Castells M. *Communication Power*. Oxford, OUP Publ., 2011. 592 p. (Russ. ed.: Moscow, HSE Publ., 2020. 592 p.).
4. Mamedov A. K., Korkiya E. D. Communicative status of the personality: The research methods. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2018, no. 2, pp. 33–40 (in Russian). <https://doi.org/10.24158/spp.2018.2.6>
5. Vorkachev S. G. Linguoculturology, linguistic personality, concept the formation of the anthropocentric paradigm in linguistics. *Philological Sciences*, 2001, no. 1, pp. 29–31 (in Russian).
6. Karasik V. I. *Yazykovoy krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [The Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena, 2002. 477 p. (in Russian).
7. Konietzkaya V. P. *Sotsiologiya kommunikatsii* [The Sociology of Communication]. Moscow, International University of Business and Management Publ., 1997. 304 p. (in Russian).
8. Maslow A. *Motivatsiya i lichnost'* [Motivation and Personality]. St. Petersburg, Evraziya, 1999. 478 p. (in Russian).
9. Mamedov A. K. The architecture of scientific knowledge (analysis of methodological foundations). *Sociology*, 2017, no. 3, pp. 48–57 (in Russian).
10. Mogilevich B. R. From the linguistic turn to linguo-sociology: The problems and perspectives. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2022, vol. 22, iss. 4, pp. 430–433 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2022-22-4-430-433>
11. Kozhemyakin E. A. Discourse analysis in contemporary socio-humanitarian knowledge. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 2006, no. 3, pp. 25–37 (in Russian).
12. Bourdeu P. *In Other Words: Essays Towards a Reflexive Sociology*. Stanford, California, Stanford University Press, 1990. 224 p.
13. Pavlycheva E. D. Socio-Linguistic Discourse of the Language Personality. *Nauki Evropy* [Sciences of Europe], 2016, no. 6, pp. 22–26 (in Russian).
14. Mogilevich B. R. Polylinguism as a global linguistic capital. *Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 2020, vol. 26, no. 1, pp. 188–208 (in Russian). <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2020-26-1-188-208>
15. Weber M. *O nekotorykh kategoriakh ponimayushhey sotsiologii* [On Some Categories of Understanding Sociology]. Moscow, Direkt-Media, 2010. 107 p. (in Russian).
16. Bourdeu P. On the production and reproduction of legitimate language. *Otechestvennye zapiski* [Domestic Notes], 2005, no. 2 (23), pp. 1–27 (in Russian).

Поступила в редакцию 26.04.2023; одобрена после рецензирования 28.05.2023; принята к публикации 30.08.2023
The article was submitted 26.04.2023; approved after reviewing 28.05.2023; accepted for publication 30.08.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 421–426

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 421–426

<https://soziopolit.sgu.ru>

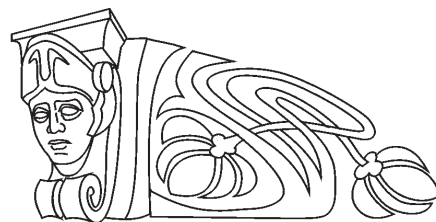
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-421-426>, EDN: DMLDTS

Научная статья

УДК 16.354:351/354:316.354.2:316.334.22

Особенности трудового поведения современной российской молодежи

Т. А. Терешонок

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Россия, 123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

Терешонок Татьяна Андреевна, преподаватель кафедры педагогики, tanyusha.tereshonok@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7820-8771>

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей трудового поведения современной российской молодежи, среди которой выделяются: большой ориентир на смысл и содержание профессиональной деятельности; стремление к самореализации; возрастающий запрос на социальные гарантии труда, предусмотренные законом; значимость материальной составляющей; важность справедливости в оценке труда; особые требования к коллективу, который должен быть основан на партнерском типе отношений и представлять собой совокупность дружеских отношений. Особое внимание уделено отличию молодежи от предыдущего поколения в области отношения к деньгам. Молодые люди стремятся побыстрее потратить заработанное на удовольствие в различных его проявлениях, что во многом продиктовано трендами общества потребления, где подверглось трансформации общественное мнение, в рамках которого перестает подвергаться критике желание для себя насыщения всеми возможными товарами, услугами и путешествиями. Дается обобщенная характеристика такого явления, как инстант-культура, стирающая традиционные иерархические границы профессиональной карьеры и формирующая установку «здесь и сейчас, все и сразу». В связи с этим молодые люди крайне недовольны, когда не видят быстрых результатов своего труда. Затрагивается сущность и выявляются причины карьерного тренда «quiet quitting» («тихое увольнение»), описывающего ситуацию, когда сотрудник ограничивается исполнением только своих прямых обязанностей, предусмотренных трудовым договором. Основное содержание статьи составляют мнения экспертов, затрагивающих соответствующую объектно-предметную область, результаты социологических опросов Всероссийского центра изучения общественного мнения, а также данные других исследований. Статья может быть полезна работодателям, менеджерам по управлению человеческими ресурсами, специалистам в области исследования отношения современной молодежи к профессиональной деятельности.

Ключевые слова: работа, профессиональная деятельность, труд, трудовое поведение, молодежь, самореализация, коллектив, социология, инстант-культура, «тихое увольнение»

Для цитирования: Терешонок Т. А. Особенности трудового поведения современной российской молодежи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 421–426. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-421-426>, EDN: DMLDTS

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Features of labor behavior of modern Russian youth

T. A. Tereshonok

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, 14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow 123001, Russia

Tatiana A. Tereshonok, tanyusha.tereshonok@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7820-8771>

Abstract. The article is dedicated to the analysis of the of modern Russian youth labor behavior specifics, namely: focus on the meaning and content of professional activity; desire for self-realization; the growing demand for social guarantees of labor provided by law; the importance of the financial component; the importance of fair job evaluation; special requirements for the team, which should be based on a partnership type of relationship and be a set of friendly relations. Particular attention is paid to the difference between young people and the previous generation in the field of attitudes towards money. Young people tend to quickly spend what they earn on pleasure in its various manifestations, which is largely dictated by the trends of the consumer society, where public opinion has undergone a transformation, within which it has ceased to be condemned to want to be saturated with all possible goods, services and travel. A generalized description of such a phenomenon as instant culture, erasing and forming the traditional hierarchical boundaries of a professional career and forms the attitude “here and now, everything at once” is given. In this regard, young people are extremely unhappy when they do not see the quick results of their work. The essence and the reasons for the career trend “quiet quitting” when an employee is limited to performing only his direct duties stipulated by the employment contract, are

revealed. The main content of the article presents the expertise affecting the relevant subject area, and the results of sociological surveys of the All-Russian Center for the Study of Public Opinion, as well as data from other studies. The article may be useful for employers, human resource managers, specialists in the research field on the attitude of modern youth to professional activities.

Keywords: work, professional activity, labor, labor behavior, youth, self-realization, team, sociology, instant culture, "quiet quitting"

For citation: Tereshonok T. A. Features of labor behavior of modern Russian youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 421–426 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-421-426>, EDN: DMLDTS

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Основным мобилизационным ресурсом российского общества выступает молодежь, потому необходимо уделять особое внимание анализу ее трудового поведения. В настоящей статье мы будем придерживаться структурно-функционального подхода, согласно которому трудовое поведение не сводится к исполнению работниками своих обязанностей в рамках организации, а включает в себя широкий комплекс профессиональных ценностей, отношений, интересов, устремлений и способов достижения жизненных целей. Многогранность понятия «трудовое поведение» дает нам право утверждать, что оно является в некотором роде реализацией внутренних характеристик человека.

Большой резерв знаний имеется также и по отношению к теоретическому толкованию понятия «молодежь». Одни ученые к указанной социальной группе относят людей, отличающихся от остальных социально-психологическими характеристиками, другие видят в молодежи особое мировоззрение, третьи утверждают, что молодые люди – это те, кто занимают определенную нишу в социальной стратификации общества. Мы же будем руководствоваться нормативными правовыми актами, в соответствии с которыми под молодежью понимается «социально-демографическая группа лиц в возрасте от 14 до 35 лет» [1]. Однако в соответствии с Трудовым кодексом Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ [2] осуществлять профессиональную деятельность на условиях полного рабочего дня могут только совершеннолетние граждане, потому в настоящей статье мы несколько сдвинем возрастные рамки молодежи и под данной социальной группой будем иметь в виду граждан от 18 до 35 лет. Анализ литературы привел нас к выводу, что указанному этапу жизнедеятельности свойственны формирование процессов самоидентификации и самоопределения, трансформация статуса в обществе, активное стремление к реализации собственных интересов.

Трудовое поведение российского общества вслед за экономикой формировалось и развивалось на протяжении многих веков. Специфика

его современного характера в большинстве своем продиктована переходом к рыночной экономике, который в корне изменил структуру и содержание рынка труда. Если в советское время условия становления работников были строго регламентированы государством, то сейчас трудовая среда России характеризуется исключительным динамизмом и в большинстве своем определяется индивидуальными запросами. Ученые из ЦМИ НИУ ВШЭ [3] делают вывод, что «биографические направления» трудового поведения современной молодежи приобретают все более разнообразный характер. Накатанная жизненная траектория – школа, колледж/университет, работа, семья, пенсия – постепенно утрачивает свою распространенность.

Трудовые предпочтения молодежи во многом продиктованы свободой жизненного выбора. Для поколения их родителей не существовало альтернативы работать или сидеть дома. Профессиональная деятельность для них выступала ядром, вокруг которого организована вся жизнь. Вместе с тем, если в советское время было принято работать в одной организации на протяжении всего работоспособного периода жизни, то в настоящее время это скорее исключение, чем нормальное явление. Как подтверждают полученные результаты ЦМИ НИУ ВШЭ, к 30 годам молодые люди уже неоднократно успевают сменить и место работы, и ее профиль.

В современных реалиях молодые люди держат главный ориентир на содержание профессиональной деятельности, которая, в первую очередь, должна для них представлять существенный интерес и иметь смысл. Отсутствие видения указанных составляющих в своей работе может послужить серьезной причиной для смены организации. Данные выводы подтверждаются результатами исследования Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), которые свидетельствуют, что ведущими мотивами выбора профессии у молодых людей в возрасте 18–34 лет выступают собственные интересы и увлечения [4].

Похожая позиция по данному вопросу и у эксперта по осознанному управлению карьерой, президента Ассоциации карьерных консультантов Айгюн Курбановой, которая утверждает, что молодежь осознает трудовую деятельность как значимую часть жизни, а не простое времяпровождение для получения дохода. «Для нового поколения “зетов” важнее не деньги, которые они зарабатывают, а смыслы, которые получают. “Иксу” можно сказать: “Слушай, вот тебе две коробки – перекладывай с места на место, и получишь за это сто тысяч”. Он ответит: “Окей. Давай, я буду перекладывать в два раза быстрее – плати мне двести”. А “зеты” выросли в период экономической стабильности. Они не испытывали страха, что за день обесценятся их деньги. Поэтому их начинают волновать вещи другого уровня, в том числе ценности, смыслы в работе, чтобы деятельность их развивала, была им интересна», – делится своим видением отношения молодежи к профессиональной деятельности Айгюн Курбанова [5].

Директор Института прикладных политических исследований научно-исследовательского университета Высшая школа экономики Валерия Касамара также утверждает, что новоиспеченные сотрудники имеют большую жажду ощущения собственной полезности и понимания причастности к значимой для общества деятельности. Эксперт утверждает, что в современных реалиях зачастую встречаются случаи, когда молодежь уходит из различных престижных сфер профессиональной деятельности в некоммерческие организации с целью оказания помощи нуждающимся слоям населения, даже если при этом они будут проигрывать в заработной плате [6].

Одной из важных жизненных целей молодых людей выступает профессиональная самореализация, потому вариант «не работать совсем» большинство из них не устраивает. Результаты исследования К. В. Лапшиновой [7] (проведено в Московском регионе в апреле 2021 г., опрошено 176 чел. в возрасте 18–35 лет) свидетельствуют, что более половины респондентов (63,6%) продолжили бы работать даже при условии появления пассивного источника дохода, который позволял бы им вести достойный образ жизни и не испытывать большой нужды в денежных средствах (к примеру, в виде недвижимости, которую можно сдавать в аренду, или ценных бумаг, полученных в наследство).

Исследователь А. Н. Тимохович [8] утверждает, что если у молодых людей возникают

трудности с удовлетворением потребности в самореализации, то они готовы пойти на радикальные меры, вплоть до переезда в другую страну. По данным его исследования (результаты опубликованы в 2017 г., опрошено 1600 респондентов в возрасте от 16 до 24 лет в различных субъектах Российской Федерации), среди факторов, вызывающих тревогу у молодых людей, доминирует страх не реализовать себя в жизни (49,6%). Указанное опасение опередило даже такие важные жизненные составляющие, как беспокойство за свою жизнь и жизнь близких (41,2%), боязнь остаться без средств к существованию (38,7%), страх прожить без друзей (одиночество) (38,5%), проблемы с устройством на работу (37,0%), опасение не встретить любимого человека (34,0%).

Говоря о требованиях к условиям трудовой деятельности, предъявляемых со стороны молодежи, следует отметить возрастающий запрос на социальные гарантии, предусмотренные законом. Результаты исследования ВЦИОМ [9] свидетельствуют, что если в 2014 г. с утверждением «В работе для меня самое главное – высокий уровень заработной платы, даже при отсутствии социальных гарантий» были согласны 60,0% россиян, то в 2020 г. таковых было 45,0%. Причем молодые люди рано учатся отстаивать свои права, и если их что-то не устраивает в работе, они всерьез могут задумать о ее смене. По данным исследования от 2019 г. этой же организации, из тех россиян, кто когда-либо сталкивался с нарушением своих трудовых прав, большинство опрошенных (69,0%) предпринимали попытки по их защите (27,0% – меняли место работы, 24,0% – обращались к начальству по месту работы, 11,0% – прибегали к помощи суда) [10].

Особое значение приобретают и требования к коллективу, который, в представлении молодых людей, должен состоять из доброжелательных взаимодействий и обеспечивать всестороннюю поддержку. Каждый, кто хоть раз интересовался поиском работы, на сайтах вакансий встречал штамп «молодой дружный коллектив», что говорит об осведомленности работодателей в области запросов молодежи.

Необходимость формирования благоприятного коллективного климата в современных условиях подчеркивают и эксперты. К примеру, главный исполнительный директор глобальной аналитической и консультативной фирмы Gallup Джон Клифтон утверждает, что благоприятные отношения на работе не только положительно влияют на удовлетворенность

сотрудников своим делом, но и способствуют повышению эффективности профессиональной деятельности. Эксперт высказывает мнение, что «если ваша компания по-прежнему не поощряет дружбу на рабочем месте, несмотря на доказанную пользу для результатов бизнеса, помните о простой истине: игнорировать дружбу – значит игнорировать человеческую природу» [11]. Совершенно справедливо Д. Клифтон умозаключает, что в противостоянии человеческой природы и политики компании шансы на победу у последней ничтожно малы, потому побеждает в большинстве случаев именно природа человека.

Специалисты по управлению человеческими ресурсами при выстраивании стратегии корпоративной культуры в последнее время все чаще сталкиваются с кризисами традиционных систем управления. Неоправданный излишний бюрократизм разрушает доверительные отношения между сотрудниками и их начальниками и приводит к деформации взаимных ожиданий. Один из менеджеров фармацевтической компании выражает следующее мнение: «Линейные менеджеры начали “закручивать гайки”, включать тотальный контроль и слежку, поэтому приходится включать обучение по обратной связи и управлению эффективностью подчиненных. Мы раньше этого так остро не осознавали» [12, с. 21]. Найти подтверждение указанному мнению можно в словах представителя одной из финансовых организаций, который говорит, что большинство из традиционных устоявшихся бюрократических инструментов социального управления в современных реалиях не только не работают, но и тормозят рабочий процесс [12, с. 21].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что навязанные свыше и ничем не обоснованные правила межличностного общения, утверждения, что «на работе отведено время исключительно на работу», запреты на неформальные корпоративные собрания вызывают в современных сотрудниках не что иное, как непонимание и отторжение.

Среди положительных черт поведения молодежи в рабочем коллективе следует указать толерантность и неконфликтность. Они выступают за партнерский тип отношений на работе, призывают видеть в каждом человеке личность и богатый внутренний мир, независимо от возраста и других социально-демографических характеристик. Руководитель отдела кадрового консультирования компании ManpowerGroup Russia & CIS Анна Бурова отмечает, что за со-

временными молодыми людьми крайне редко прослеживается включенность в конфликтные ситуации и интриги на рабочем месте. Однако при этом их внутренняя природа позволяет отстаивать свои интересы в любых ситуациях, даже перед старшими коллегами [13]. Действительно, большинство современных молодых людей, как правило, не признают иерархию, основанную сугубо на возрасте. Постулат «старших нужно уважать» приводит их в недоумение и заставляет задумываться над вопросом: «А почему только старших? Чем я хуже?». Но не стоит торопиться обвинять молодежь в скептическом отношении к значимости жизненной мудрости и прежнего ценного опыта старших товарищей. Зачастую такие коллеги сами позволяют себе проявлять неуважение по отношению к начинающим специалистам, выражающееся в основанных исключительно на возрастном критерии обвинениях в глупости, наивности и неспособности оценивать различные ситуации (к примеру, «Жизни ты еще не видел, нечего тут умничать», «Да что ты можешь знать» и пр.).

Важной для молодежи остается и материальная составляющая профессиональной деятельности. По данным ВЦИОМ [14], в 2020 г. 73% россиян в возрасте 18–24 лет размер заработной платы назвали значимым для себя фактором при выборе траектории профессионального пути. Молодое поколение желает в кратчайшие сроки видеть результат затраченных усилий и в максимальном объеме найти его применение в собственной жизни. Стоит заметить, что денежные средства зачастую воспринимаются представителями современного поколения не как цель, а скорее, как средство, необходимое для организации благоприятных условий жизни. Данное обстоятельство значительно отличает нынешнюю молодежь от представителей предыдущих поколений, для которых обладание материальными благами определяло их положение в обществе и предоставляло возможность «вхождения» в определенные круги избранных, потому приращение количества денежных средств, даже без их качественного выражения, было одним из главенствующих жизненных стремлений.

Современная молодежь, не видя смысла заниматься бесконечным накопительством и откладыванием денег до лучших времен, постепенно уходит от модели «плюшкина». Они, наоборот, стремятся побыстрее потратить заработанное на удовольствие в разном его проявлении. Данное обстоятельство во многом продиктовано трендами общества потребления,

в рамках которого трансформировалось общественное мнение, где перестает подвергаться критике насыщение всеми возможными товарами, услугами и путешествиями. Если в индустриальном обществе главенствовал постулат о важности отдачи человеческих ресурсов на благо всех людей [15], то в постиндустриальную эпоху центральное место занимают понятия насыщения и перенасыщения [16]. Ярким доказательством служат рекламные слоганы начала XXI в., общеизвестным из которых можно считать девиз некогда популярного напитка – «Бери от жизни все».

Среди молодежи не считается роскошью жить в светлой большой квартире с «инстаграмным» ремонтом, ездить на машине бизнес-класса, пользоваться современными гаджетами и часто путешествовать [17]. Такой образ жизни для них – абсолютно нормальное явление. Вместе с тем необходимо обратить внимание на то, что ориентация молодых людей на гедонизм трансформируется в базовые мировоззренческие взгляды, пронизывающие все сферы жизни.

Потребность в соответствии современным жизненным вызовам и чувстве собственной уверенности в условиях постоянно меняющейся социальной реальности актуализирует стремление молодых людей участвовать в состязаниях, предусматривающих получение различных благ и новых впечатлений. Приспосабливаясь к условиям текучести событий и времени, им приходится схватывать все по верхам, апробировать ускоренные практики. В социологической науке указанное поведение рассматривается в рамках инстант-культуры [18].

Следование принципам инстант-культуры стирает традиционные иерархические границы профессиональной карьеры – большинству хотелось бы «всего и сразу», «здесь и сейчас». Молодежь приводит в сильнейшее раздражение фраза: «Всему своё время». Аргумент в пользу того факта, что они пока еще в силу своего возраста не заслужили высокой заработной платы, потому необходимо круглосуточно работать, проявлять и развивать все свои лучшие профессиональные качества и ждать будущей лучшей жизни, не приносит должных результатов. В ответ можно слышать следующее: «Всё стоит денег. Мое время, мой труд, моя жизнь не становится менее ценной только потому, что у меня нет опыта и я молод. Я готов старательно и усердно трудиться, так почему работодатель не готов мне за это платить и заставляет ждать призрачного будущего?».

В случае если молодой человек не видит справедливости в оценке своего труда, дальнейшего карьерного роста или же не чувствует удовлетворения потребности в самореализации, но при этом остается на своем рабочем месте, скорее всего, он впадет в состояние «quiet quitting», что переводится как «тихое увольнение». Автор данного термина, тиктокер @zkchillin, привязывает к нему следующий девиз: «Работа не должна быть синонимом всей вашей жизни».

Указанный карьерный тренд не имеет связи с реальным увольнением, а описывает ситуацию, когда сотрудник ограничивается исполнением только своих прямых обязанностей, предусмотренных трудовым договором. При таком подходе он устанавливает четкие границы между работой и личной жизнью. Работники, практикующие «тихое увольнение», не желают тратить лишние силы на рабочий процесс и уж тем более переживать и «болеть» за него. Они высоко ценят свободное время, поскольку, стараясь рационализировать свою жизнь, ищут удовлетворения собственных потребностей и интересов за пределами трудовой организации. Покидая свое рабочее место, такие сотрудники оставляют работу позади и сосредотачиваются на семье, друзьях или хобби.

Таким образом, профессиональная деятельность, в представлениях молодежи, продолжает оставаться основным источником материальных благ, но при этом она должна выступать средством самореализации, представлять существенный интерес и смысл, обеспечивать комфортные условия труда, характеризоваться благоприятным дружным коллективом, основанном на партнерских отношениях, а также вызывать ощущение собственной значимости и важности. Вместе с тем современная молодежь более амбициозна, мобильна и ориентирована на гедонистическую составляющую жизни, чем представители предыдущих поколений. Молодые осознают, что смысл жизни кроется не в круглосуточной нелюбимой работе, понимают, что никто им не вернет потерянные годы молодости, потому готовы неоднократно менять работодателя в зависимости от личных потребностей и устремлений.

Список литературы

1. О молодежной политике в Российской Федерации : федер. закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 07.04.2023).

2. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 10.08.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Омельченко Е., Сабирова Г., Крупец Я. Социальная мобильность молодежи в фокусе тройной рефлексии // ИНТЕРакция. ИНТЕРвью. ИНТЕРпретация. 2015. Т. 7, № 10. С. 9–25.
4. Профессия, которую мы выбираем: факторы и мотивы решения // ВЦИОМ новости. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/professija-kotoruju-my-vybiraem-factory-i-motivy-reshenija> (дата обращения: 03.04.2023).
5. Ситуацию диктуют не работодатели, а соискатели. Каковы новые тренды на рынке труда // RG.RU. URL: <https://rg.ru/2022/11/23/situaciiu-diktuiut-ne-rabotodateli-a-soiskateli-kakovy-novye-trendy-na-rynketruda.html> (дата обращения: 05.04.2023).
6. Чего современная молодежь и работодатели ждут друг от друга // Компас Т&Р. URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/20151-chego-sovremennaya-molodezh-i-rabotodateli-zhdut-drug-ot-druga?ysclid=lgulpy5uf7180893518> (дата обращения: 10.03.2023).
7. Лапинова К. В., Панявин А. В. Профессионально-трудовые ценности современной молодежи // Социально-гуманитарные технологии. 2021. № 2 (18). С. 12–20. EDN: NZCNUG
8. Тимохович А. Н. Проблема самореализации молодежи в современном обществе // Перспективы психологической науки и практики : сб. ст. Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 16 июня 2017 г.). М. : Московский гос. ун-т дизайна и технологии. 2017. С. 371–375.
9. ВЦИОМ-СПУТНИК – ежедневный всероссийский телефонный опрос ВЦИОМ. URL: https://bd.wciom.ru/trzh/print_q.php?s_id=280&q_id=25928&date=16.08.2020 (дата обращения: 12.04.2023).
10. Подборка данных ВЦИОМ (инфографика) // Социодиггер. 2020. Т. 1, № 1. С. 26–45.
11. Зачем дружить с коллегами: мнение эксперта // Мастера. URL: <https://mastera.academy/friendship-as-asset-for-business/?ysclid=lg4uok14de83056058> (дата обращения: 04.04.2023).
12. Абрамов Р. Н., Климов И. А. Работа на удаленке: конец эксклюзивности // Социодиггер. 2020. Т. 1, № 1. С. 16–25.
13. За что молодых работников не любят их старшие коллеги и руководство // Рэдлайн. URL: https://ired.ru/biznesinfo/35559-2017-01-30-03-4226?__cf_chl_tk=xtTjJM4VUtAGDMTSxkVGpsg2sEQmX5Fh.xgzdOfIWMs-1643385106-0-gaNycGzNCL0&ysclid=lfuv48bxkk886741280 (дата обращения: 17.03.2023).
14. Молодежь и карьера в России: амбиции, возможности, барьеры // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/fileadmin/user_upload/presentations/2022/2020-02-15_TrudKrut.pdf?ysclid=lfuveum6i3557099662 (дата обращения: 22.03.2023).
14. Голохвастов Д. В., Покровская Н. Н., Смирнов П. Д. Системные нормативные регуляторы поведения рыночных агентов в условиях экономики знаний // Социология и право. 2014. № 4 (26). С. 12–23.
16. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М. : Республика ; Культурная революция. 2006. 269 с.
17. Терешонок Т. А. Взгляд современной молодежи на перспективу построения семьи. Контент-анализ интернет-мемов // Социальная динамика населения и устойчивое развитие : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Москва, 10 октября 2019 г.; МГУ имени М. В. Ломоносова) : сб. тезисов / под общ. ред. А. И. Антонова. М. : МАКС Пресс, 2019 С. 313–315..
18. Чупров В. И., Зубок Ю. А. Социология молодежи : учебник. М. : НОРМА: ИНФРА-М, 2011. 335 с.

Поступила в редакцию 27.07.2023; одобрена после рецензирования 20.08.2023; принята к публикации 30.08.2023
The article was submitted 27.07.2023; approved after reviewing 20.08.2023; accepted for publication 30.08.2023

СЛОВО МОЛОДЫМ СОЦИОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 427–432

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 427–432

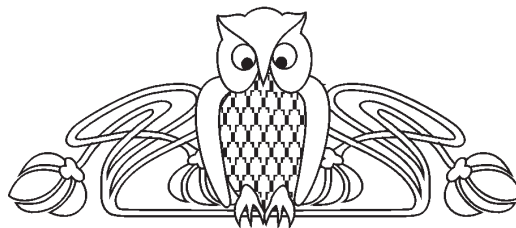
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-427-432>, EDN: CCSFVC

Научная статья

УДК 316.334.2

Карьера женщин в спорте в условиях пандемии COVID-19: социально-экономический аспект

И. И. Рыкова

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рыкова Инна Игоревна, аспирант кафедры истории, теории и прикладной социологии, kombarykova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0863-529X>

Аннотация. В статье рассматриваются особенности реализации женской спортивной карьеры в условиях эпидемии коронавируса. Анализируются способы поддержания карьеры в изоляции и варианты ее развития, а также инициативы правительства в данный период. В том числе приводится сравнение расходования бюджета начиная с момента отсчета финансирования физической культуры до послепандемийного периода. Кроме того, рассматриваются типы карьеры, в том числе характерные данному времени, в частности, преобразующий тип карьеры с постепенным движением вверх и последующей сменой деятельности. Для этого типа карьеры характерна высокая скорость должностного продвижения (расширения влияния), которая может быть как постепенной, так и скачкообразной. Рассматривается предрасположенность женщин к завершению спортивной карьеры. Авторский анализ базируется на проведенном в 2021 г. в специально созданном опроснике в Телеграм методом анкетирования социологическом исследовании, а также глубинном интервью мастера спорта по спортивно-бальным танцам и ее карьерный путь, что сочетал в себе несколько видов спорта, а также тренерскую деятельность. Анализируются изменения, которые происходят сегодня в спортивной практике, в том числе приводятся в пример инновации с помощью социальных сетей, что повлияли на популярность здорового образа жизни, а также описываются проблемы воспитанников ДЮСШ и профессиональных спортсменов в связи с отсутствием амуниции и сложностью профессиональных тренировок в домашних условиях. В заключение работы рассматриваются последствия не только пандемии, но и запрета на участие российских спортсменов в международных соревнованиях, а также Олимпийских играх, что негативно отразится на заработке наших спортсменов. К этому добавляется и ряд серьезных социально-экономических проблем, в том числе нехватка финансовых средств для строительства спортивных объектов в регионах.

Ключевые слова: спорт, спортивная карьера, карьера женщин в спорте, изоляция, коронавирус

Для цитирования: Рыкова И. И. Карьера женщин в спорте в условиях пандемии COVID-19: социально-экономический аспект // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 427–432. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-427-432>, EDN: CCSFVC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Women's careers in sports during the COVID-19 pandemic: Socio-economic aspect

I. I. Rykova

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Inna I. Rykova, kombarykova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-0863-529X>

Abstract. The article discusses the features of implementing women's sports career in the context of the coronavirus epidemic. Ways to maintain a career in isolation and options for its development, as well as government initiatives during this period, are analyzed. This includes a comparison of budget expenditures from the start of physical education funding to the post-pandemic period. In addition, types of careers are considered, including the ones typical to the current situation particular, the transformative type of career with a gradual upward movement and subsequent change of activity. This type of career is characterized by a high rate of job advancement (expansion of influence), which can be either gradual or abrupt. The predisposition of women to end their sports career is considered. The author's analysis is based on a sociological study conducted

in 2021 in a specially designed questionnaire in Telegram using the survey method, as well as an in-depth interview with a master of sports in ballroom dancing and her career path, which combined several sports, as well as coaching. The current changes in sports practices, including the example of innovations with the help of social networks, which influenced the popularity of a healthy lifestyle are analyzed. The problems of youth sports school students and professional athletes due to the lack of equipment and the complexity of professional training at home are considered. In conclusion, the article examines the consequences not only of the pandemic, but also the ban on the participation of Russian athletes in international competitions, as well as the Olympic Games, and its possible consequences, which will negatively affect the wages of our athletes. In addition to that, there is a number of serious socio-economic problems, including the lack of financial resources for the construction of sports facilities in the regions.

Keywords: sports, sports career, women's career in sports, isolation, coronavirus

For citation: Rykova I. I. Women's careers in sports during the COVID-19 pandemic: Socio-economic aspect. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 427–432 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-427-432>, EDN: CCSFVC

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

После распада СССР Российская Федерация пережила дефолт 1998 г., ряд экономических кризисов начиная с 2008 г. Безусловно, все это повлияло на карьеру многих россиян, вне зависимости от рода деятельности, но что по-настоящему изменило жизнь, так это пандемия коронавируса.

В конце 2019 г. на мир обрушился страшный вирус, последствием которого стала изоляция, что изменило жизнь миллиардов людей. Любая карьера, что строилась годами, да что там карьера, планы на жизнь, да и вообще сама жизнь стали шаткими и зыбкими. Устойчивое выражение: «горизонт планирования составляет 10 минут», что появилось в 2022 г., на самом деле можно отнести и к началу 2020 г. Тогда весь мир оказался перед тяжелым испытанием – ведь никому не известный вирус COVID-19 распространялся со всеми безжалостно. Упаднические настроения, тревожность, невозможность выйти просто на прогулку и увидаться с близкими полностью трансформировали быт людей во всем мире. Закрывались школы и вузы, компании переходили на удаленную работу не просто по желанию руководства, а по распоряжениям, издававшимся властными институтами [1].

Спортивные инновации в виде челленджей в социальных сетях спортсменов, что не просто собирали вокруг себя поклонников спорта, но и привлекали новых людей, увеличили популярность ЗОЖ и не только показали желание и способность людей заниматься дома и в одиночку, но и увеличили число людей, которые хотят заниматься спортом. Кроме того, популяризация спортивного образа жизни без особых вложений в амуницию и абонемент в тренажерный зал заметно оздоравливает нацию.

В таких условиях спортивная карьера у всех – от воспитанников ДЮСШ до спортсменов олимпийской сборной – стала испытывать серьезные затруднения, ведь никто не был готов

к тренировкам дома. Практически любой вид спорта подразумевает не только зал, бассейн, но определенные тренажеры и амуницию, которые не всегда можно разместить у себя дома.

Кроме того, существуют командные виды спорта, тренировки в которых вообще в условиях тотального карантина не представлялись возможными.

Серьезной задачей являлась минимизация экономических потерь, связанных с приостановкой деятельности образовательных учреждений, учебно-тренировочных баз и всей системы спорта, включая профессиональный спорт.

Если рассматривать всесоюзный бюджет, то расцвет финансирования физической культуры мы наблюдаем только с 1933 по 1940 г., как раз в эти годы образовывается Всесоюзный комитет по делам физической культуры, и для выполнения его задач выделяется почти 0,1% бюджетных средств на здравоохранение, в которое входит и физическая культура. На протяжении семи лет этот показатель остается стабильным.

В военные годы, вплоть до 1945 г., статья расходов «Физическая культура» исчезает из бюджета, но затем возвращается с теми же показателями. Делается это для поднятия боевого духа населения страны [2, с. 106, 176].

В 1987 г. у государства меняются ориентиры и приоритеты [3, с. 17]. С этого времени и вплоть до 2017 г. бюджет, заложенный на физическую культуру, настолько незначителен, что мы не видим его в строке расходов, и лишь в период 2017–2020 гг. на спорт решено выделять 0,5% бюджетных средств [4].

Изучив информацию об исполнении федерального бюджета на 30 января 2023 г. [5] (табл. 1), мы видим, что на физическую культуру в 2019 г. по факту было потрачено 0,4% бюджетных средств, а на «пандемийные» 2020 и 2021 гг. – 0,3%, поскольку увеличились расходы на здравоохранение.

Таблица 1

Информация об исполнении федерального бюджета, %

Расходы	2019	2020	2021
Общегосударственные вопросы	7,5	6,6	7,1
Национальная оборона	16,5	13,9	14,4
Национальная безопасность и правоохранительная деятельность	11,4	9,8	9,4
Национальная экономика	15,5	15,3	17,6
Жилищно-коммунальное хозяйство	1,5	1,6	2,4
Охрана окружающей среды	1,1	1,1	1,6
Образование	4,5	4,2	4,3
Культура, кинематография	0,7	0,6	0,6
Здравоохранение	3,9	5,8	6,0
Социальная политика	26,8	30,6	27,0
Физическая культура и спорт	0,4	0,3	0,3
Средства массовой информации	0,6	0,5	0,3
Обслуживание государственного и муниципального долга	4,0	3,4	4,4
Межбюджетные трансферты общего характера бюджетам бюджетной системы Российской Федерации	5,5	6,1	4,5
Всего	100 (18 214,5 млрд руб.)	100 (22 821,6 млрд руб.)	100 (24 762,1 млрд руб.)

Министерство спорта инициировало акцию «Тренируйся дома. Спорт – норма жизни», чтобы поддержать всех, кто находится в самоизоляции. Высказывалась благодарность спортсменам, тренерам и всем жителям нашей страны за то, что они присоединились к акции, публикуют в социальных сетях примеры, как надо оставаться активным в режиме карантина, показывая другим, что нельзя сдаваться.

Также важной составляющей, и это отмечалось в обращении министра спорта, является информационная поддержка (социальные сети и прямые эфиры) – тот механизм, что объединяет людей и вселяет в них надежду [6].

В целом, спортивная карьера подразумевает постоянное включение и дисциплину, спортсмены живут на тренировочной базе в период подготовки к соревнованиям, с полным погружением в процесс – как физически, так и психологически. В период пандемии это стало невозможным, и у спортсменов появилось время не просто отвлечься и передохнуть, но и подумать, что будет дальше и как они смогут применить свои знания и опыт в дальнейшем, ведь тогда еще никто не знал, чего ожидать в дальнейшем.

Карантин также поставил жесткие ограничения для тренировок профессиональных спортсменов, которые не просто лишились соревнований на весенний и летний сезон, но и потеряли возможность тренироваться в специально оборудованных спортивных комплексах. Не у каждого на заднем дворе стоит огромный бассейн или даже обыкновенный турник. Вопрос, однако, решили по профессиональному креативно. Большинство спортсменов тренируются дома, используя не только подручные инструменты, но и придумывая новые «тренажеры». Так, легенда тенниса Роджер Федерер тренируется отбивать мяч о стену дома, знаменитый российский скалолаз Станислав Кокорин предпринял попытку устроить скалодром на кухне, делал штангу из сумок с кубками и бутылками воды, а олимпийская чемпионка в синхронном плавании Шарон ван Раувендал тренируется в надувном бассейне [7, с. 303–304].

С проблемами тренировок в карантин стали кивались как мужчины, так и женщины спортсмены. Наиболее распространенные женские виды спорта предполагают наличие дополнительного оборудования, катка или же бассейна. Кроме того, чаще всего – необходимо тренироваться в команде.

Как только спортсменки лишаются ежедневных рутинных тренировок, у них появляется время подумать, какое может быть будущее без спорта.

Женщины уже изначально предрасположены к изменению хода спортивной карьеры: понимают, что рано или поздно, возможно, придется выбрать семью, родить ребенка, а потом будет несколько вариантов развития событий – уход в непродолжительный отпуск по уходу за ребенком, впоследствии привлечение помощников и возвращение в спорт, изменив формат карьеры на тот, что позволит совмещать ее с воспитанием ребенка, или же завершение спортивной карьеры.

По сути, мы видим пример преобразующего типа карьеры с постепенным движением вверх и последующей сменой деятельности. Для этого типа карьеры, сходного с авантюрным, характерна высокая скорость должностного продвижения (расширения влияния), которая может быть как постепенной, так и скачкообразной. В данном случае карьера строится либо в новой области или в сфере производства, либо в ее основе лежит выдающаяся идея. Это всегда новая позиция в обществе и устремленность в будущее [8, с. 81].

Рассмотрим это на примере 33-летней спортсменки – мастера спорта по спортивно-бальным танцам. В ходе проведения интервью в 2021 г. она отмечала:

«В 3 года меня привели на прыжки в воду. У меня были проблемы со здоровьем, обнаружили шумы в сердце, и врач порекомендовал находиться больше в ситуации бассейна, больше соприкасаться с влажным воздухом. Тогда меня родители привели, и я 5 лет успешно прыгала в воду, даже получила 3-й юношеский разряд в свои 9 лет. И потом очень много одноклассников у меня занимались. Тогда ещё в школу приходили и производили отбор на всякие секции. Я помню, к нам пришли и отбирали детей на секцию лёгкой атлетики, я очень загорелась этим. При этом я уже была хорошо спортивно подготовлена, у меня получалось лучше всех и выше всех, и я очень сильно задалась целью пойти на лёгкую атлетику, но родители как бы мешали моему этому желанию, потому что маме всё-таки не нравились фигуры легкоатлеток и тогда она меня подкупила очень красивым бальным платьем и отдала на секцию спортивного танца.

В 10 лет началась моя карьера как танцора, которая не закончилась до сих пор. Начались турниры, занятия, семинары, поездки. Карьера

была очень успешная, единственное, я сделала перерыв, когда в 25 лет вышла замуж, родила детей. Как спортивная карьера моя на тот момент закончилась, после этого я уже не выходила на турниры, но я решила открыть танцевальную школу, причём опыт преподавания танцев был уже к этому времени очень большой. Лет с 14 мы занимались с малышами, наши тренеры давали нам самых маленьких детей для того, чтобы мы их обучали танцевать, поэтому проблемы с выбором профессии тогда не стояло и мне это очень нравится до сих пор. Сейчас уже моя младшая дочь пошла по моим стопам, а вот с 5 лет я её тоже привела на бальные танцы, а она уже выступает на турнирах и уже тоже горит этим делом».

Таким образом, мы можем видеть, что карьера танцора переформатировалась после появления ребёнка, и спортсменка приняла решение стать бизнесвумен и открыть школу танцев, вдохновившись в том числе желанием своей дочери танцевать. Решение организовать из своей спортивной карьеры бизнес появилось не просто так – ведь бальные танцы очень затратный вид спорта, при этом деньги, что можно заработать на турнирах, никогда не покроют расходы на тренировки, аренду зала, костюмы и поездки на соревнования. Таким образом, для того чтобы не то что поддерживать свою спортивную деятельность, но и просто жизнь, необходимо искать альтернативные источники дохода, коим и становится открытие школы бальных танцев. До этого спортсменка зарабатывала на тренировках как детей, так и взрослых пар – любителей.

Для того чтобы масштабировать свою спортивную деятельность, были вложены инвестиции от родителей, снято помещение для студии и наняты тренеры. Таким образом спортсменка помогла коллегам также монетизировать свои умения.

«Ну я считаю именно для моего спорта этот переход отразился благоприятно, потому что мы можем организовывать много школ танцев. Их сейчас действительно очень много, на них большой спрос, потому что сейчас много людей занимаются именно этим видом спорта.

На начальных этапах всё равно танцы – это эстетическое наслаждение, это удовольствие для тех, кто приходит в этот вид спорта, а, например, для видов спорта, которые являются олимпийскими, может быть не совсем благоприятно, потому что мой старший сын, ему сейчас 6 лет, и только с 7 лет я могу его отдать в детскую спортивную юношескую школу, ко-

торая будет на государственном обеспечении, но при этом он уже должен много уметь. Получается, для того, чтобы к 7 годам его чему-то научить, я должна его водить по коммерческим школам, если он не будет дотягивать до какого-то определённого уровня. Без подготовки сейчас не берут и не обучают с нуля, они уже должны достичь какого-то уровня и прийти подготовленными. Вот в этом, конечно, вопрос такой очень тяжёлый».

Развитие спортивной карьеры зависит во многом не только от обстоятельств личного плана, но и от объективных социально-экономических условий, складывающихся в обществе. В начале работы уже отмечались особенности финансирования спорта, оказывавшие очень важное влияние на состояние спорта, специфику спортивной карьеры и саму мотивацию спортсменов. Также это относится и к оценкам спортсменами самих факторов, повлиявших на неё. Проведённое в 2021 г. методом анкетирования исследование, включающее в себя 400 респондентов-женщин, показывает следующее: лишь больше половины опрошенных считают, что экономические трансформации в стране не повлияли на их спортивную карьеру, 20% полагают, что на карьеру повлияла пандемия коронавируса 2020–2021 гг., а 19% затруднились с ответом. Развал СССР, последующий переход к Российской Федерации и различные кризисы начиная с 1998 по 2018 г. повлияли на карьеру 2–4% респондентов (табл. 2).

Таблица 2

Какой этап социально-экономической трансформации в стране повлиял на Вашу спортивную карьеру?, %

Этап трансформации	По выборке
Переход от СССР к Российской Федерации	2
Дефолт 1998 г.	2
Кризис 2008–2009 гг.	3
Кризис 2017–2018 гг.	4
Пандемия 2020 г.	20
Ни один из этапов не повлиял на мою спортивную карьеру.	53
Затрудняюсь с ответом	19
Другое	2

При этом социально-экономические трансформации в стране заставили завершить карьеру 7% опрошенных, а 9% дало мотивацию усиленно заниматься спортом (табл. 3).

Таблица 3

Каким образом процессы социально-экономической трансформации в стране повлияли на Вашу спортивную карьеру?, %

Влияние на спортивную карьеру	По выборке
Пришлось прекратить карьеру	7
Дало мотивацию усиленно заниматься спортом	9
Данное обстоятельство не отразилось на спортивной карьере	38
Затрудняюсь с ответом	41
Иное	5

К 2022 г. российский спорт начал постепенно избавляться от последствий эпидемии, но попал под тотальные санкции на международной арене, и как бы ни заявлял МОК, что спорт вне политики, российских спортсменов отстранили от большого количества международных соревнований. У нас появилось множество внутренних турниров, но, по сути, соревнуются одни и те же лица, так мотивация теряется.

Сейчас остается надежда на наших теннисистов, что чудом избежали санкций и продолжают выигрывать соревнования, а также планируется открытие для наших спортсменов азиатского рынка, и многие даже за. Вот как комментирует двукратная олимпийская чемпионка по синхронному плаванию перспективы соревнований в Азии: «В Азии самая сильная школа синхронного плавания, и даже участвуя в международных соревнованиях, у нас не всегда была возможность столкнуться с их командой, так как их основная нацеленность – внутренний рынок. Это прекрасно, что теперь мы сможем соревноваться с профессионалами».

В 2023 г. перспективы выхода наших спортсменок на международный уровень, как это было раньше, очень туманны, но, несмотря на это, многие спортсмены продолжают тренироваться в том же объеме, чтобы к моменту выхода из санкций достичь новых спортивных высот.

Таким образом, те спортсмены, что успели принять участие в международных соревнованиях, могут спокойно уходить на тренерскую работу и с учетом своих званий увеличивать стоимость тренировок. Или же могут открывать спортивные школы и студии своего имени (например, школы олимпийских чемпионов по фигурному катанию: Ангелы Плющенко – Евгения Плюшкина и Sotka school Аделины Сотниковой), куда с большим желанием родители

отправят своих детей, ведь школа имени олимпийского чемпиона или же победителя международных соревнований будет более престижна, чем спортсмена без звания.

К сожалению, напрашивается вывод, что нынешним спортсменам не будет хватать должной мотивации в связи с текущими отменами участия России в соревнованиях или же участия без медального зачета. К этому добавляется и ряд серьезных социально-экономических проблем, в том числе нехватка финансовых средств для строительства спортивных объектов в регионах. В достаточном объеме такие объекты имеются только в столичных центрах и некоторых крупных городах. Также нельзя не учитывать большую стоимость инновационного спортивного оборудования. В силу сокращения финансирования спорта наша страна не может позволить закупить весь комплект спортивных ресурсов во все спортивные комплексы. Сдерживающим фактором реализации традиционной карьеры женщин является и то, что не все из них по своим финансовым, временным и иным возможностям могут позволить себе продолжить на должном уровне спортивную карьеру, что и привело к некоторым ее модификациям и закреплению новых карьерных практик. Это особенно подтвердило время пандемии. Потом же их успехи нечем будет подкрепить, так как без участия в международных соревнованиях регалии будут только местного уровня, как итог – стоимость их занятий на рынке труда будет минимальна, несмотря на успехи и качество знаний и умений.

Список литературы

1. О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населением на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции : указ Президента РФ от 02.04.2020 № 239. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Государственный бюджет СССР : стат. сб. : в 2 ч. М. : Министерство финансов СССР, 1955. Ч. 2. 176 с.
3. Государственный бюджет СССР. 1988 : стат. сб. М. : Финансы и статистика, 1988. 159 с.
4. О федеральном бюджете на 2017 год и на плановый период 2018 и 2019 годов : федер. закон от 19.12.2016 № 415-ФЗ (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Краткая информация об исполнении федерального бюджета от 30.01.2023 // Министерство финансов Российской Федерации. URL: <https://minfin.gov.ru/ru/statistics/fedbud/execute/> (дата обращения: 09.03.2023).
6. Онлайн-конференция министра спорта Российской Федерации Олега Матыцина на тему «Российский спорт в условиях пандемии коронавируса COVID-29». 10 апреля 2020 г., Международный мультимедийный пресс-центр МИА «Россия сегодня» // Министерства спорта Российской Федерации. URL: <http://www.minsport.gov.ru/press-centre/news/34846> (дата обращения: 20.12.2022).
7. Ляховская Ю. М., Савельева О. В. Спортивная сфера в условиях пандемии коронавируса: наиболее успешные решения дистанционного занятия спортом // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. Вып. 5 (45). С. 301–307. EDN: APHXQK
8. Травин В. В., Дятлов В. А. Менеджмент персонала предприятия. М. : Дело, 2003. 273 с.

Поступила в редакцию 26.04.2023; одобрена после рецензирования 30.05.2023; принята к публикации 30.08.2023
The article was submitted 26.04.2023; approved after reviewing 30.05.2023; accepted for publication 30.08.2023

ПОЛИТОЛОГИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 433–440

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 433–440

<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-433-440>

EDN: BQXRSZ

Научная статья

УДК 32+303

Цифровизация и патриотическое воспитание: конфликт двух базовых государственных стратегий формирования политической идентичности российской молодёжи

Н. И. Шестов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Шестов Николай Игоревич, доктор политических наук, профессор кафедры политических наук, nikshestov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>

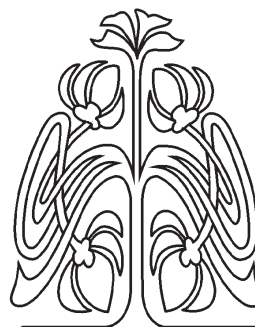
Аннотация. В структуре нынешней внутренней российской политики существуют два важных направления – политика патриотического воспитания молодёжи и политика цифровизации самых разных областей общественной и государственной, а также частной жизни граждан. Оба направления, если исходить из представления о необходимости для государства соблюдать целостность и последовательность своих политических интересов и управленческих решений, должны дополнять друг друга и тем делать внутреннюю политику более результативной. Особенно с учётом того обстоятельства, что оба эти направления связаны с решением стратегической задачи – формированием у нового поколения российских граждан устойчивой политической идентичности. В реальности эти два направления сегодня конфликтуют, причём на самом высоком уровне публичной презентации тех конкретных задач, которые молодому поколению предстоит решить в процессе обретения своей идентичности. Анализ порядка презентации политики цифровизации показывает, что в нём сегодня заключён реальный риск подрыва всей работы по формированию патриотической идентичности российской молодёжи.

Ключевые слова: политические идентичности, патриотическое воспитание молодёжи, цифровая политика

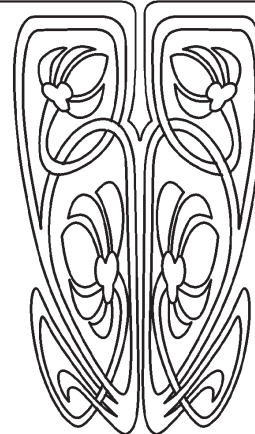
Благодарности: Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Особенности политической идентичности провинциальной российской молодёжи», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Шестов Н. И. Цифровизация и патриотическое воспитание: конфликт двух базовых государственных стратегий формирования политической идентичности российской молодёжи // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 433–440. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-433-440>, EDN: BQXRSZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

Article

Digitalization and patriotic education: Conflict of two basic state strategies to form political identity of Russian youth

N. I. Shestov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikolay I. Shestov, <https://orcid.org/0000-0003-2220-7582>, nikshestov@mail.ru

Abstract. There are two important directions within the structure of current Russian domestic policy, i.e. the policy of patriotic education of youth and the policy of digitalization of various areas of public and state, as well as private life of citizens. Based on the idea of the need for a state to maintain the integrity and consistency of its political interests and management decisions, both directions should complement each other and thereby make domestic policy more effective. Especially taking into account the fact that both of these directions are connected to the solution of a strategic task of formation of a stable political identity among the new generation of Russian citizens. In reality, these two directions are in conflict today at the highest level of public presentation of those specific tasks that the younger generation will have to solve in the process of finding their identity. An analysis of the way digitalization policy is presented shows that today it contains a real risk of undermining all the work to form the patriotic identity of Russian youth.

Keywords: political identities, patriotic education of youth, digital politics

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the research project "Features of the political identity of provincial Russian youth", supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Shestov N. I. Digitalization and patriotic education: Conflict of two basic state strategies to form political identity of Russian youth. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 433–440 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-433-440>, EDN: BQXRSZ

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Будущее России, успешное решение тех задач во внутренней и внешней политике, которые сегодня стоят перед государством и обществом, во многом зависят от того, какой будет политическая идентичность молодого поколения российских граждан. Сегодня в структуре российской внутренней политики существуют два очень важных для развития государства и общества направления, успешная реализация которых, как это ни парадоксально, может стать источником больших рисков для стабильного развития страны и нормальных коммуникаций между властью и обществом. Одно направление – это патриотическое воспитание молодёжи всеми силами и средствами, доступными сегодня государству и обществу. В самом воспитательном процессе существует сегодня немало проблем, но в целом логика подхода нашего государства к воспитанию молодых граждан в русле формирования лояльной и патриотичной гражданской идентичности понятна.

Другое направление – цифровизация всего, что только поддаётся цифровизации, от учёта запасов древесины в стране до образовательного процесса в школах и вузах. Даже существует специальная структура (Минцифры), организующая и направляющая процесс цифровизации общества и государства. С логикой презентации государством этого инструмента формирования молодёжной идентичности понятно не всё.

Задачи, решаемые сегодня в рамках того и другого направления внутренней политики,

настолько важны для её прогресса и масштабы, требуют от государства и общества такого внимания и таких вложений человеческого капитала и материальных ресурсов, что между ними трудно обнаружить видимую связь. Оба направления политики внешне выглядят вполне автономными, можно даже сказать, изолированными друг от друга. Особенно с той недавней поры, когда у отечественных политологов и политиков прошло увлечение идеями, что именно посредством широкого применения электронных технологий массовой коммуникации (особенно сетевых) можно обеспечить решительный прорыв в деле политического просвещения молодых людей и повышения их гражданской активности.

На деле эти направления взаимодействуют. Пространством взаимодействия является сознание молодого человека. Без внимания к тому, как это взаимодействие строится и каковы его результаты, российские государство и гражданское общество рискуют уже в обозримой перспективе получить вовсе не ту политическую идентичность новых поколений граждан, на которую они рассчитывают, а именно вместо идентичности устойчивой и патриотической получить идентичность неустойчивую и предрасположенную к идейно-ценностному конформизму.

Надо заметить, в порядке экскурса в теорию и практику современной демократии, что в условиях либеральной политики ликвидировать

или хотя бы минимизировать негативные последствия такой уже сформировавшейся гражданской идентичности, направить её развитие в какое-то другое русло будет крайне сложно по той простой причине, что некому будет инициировать и поддержать такой поворот. Останется лишь уповать на некие экстремальные политические и экономические обстоятельства вроде войн и мировых экономических кризисов, которые спровоцируют кризис конформистских идентичностей и дадут толчок росту патриотического самосознания граждан. Чтобы в либеральной политике что-либо изменить в лучшую сторону, нужна инициатива властной элиты и поддержка электората. Трудно ждать инициативы и поддержки от молодых людей, политическая идентичность которых будет диктовать им совершенствоваться не политику, а свои способности приспосабливаться к ней в том состоянии, какое есть, пусть даже плохом. Либо эта идентичность будет диктовать им другой способ мыслей и действий: искать на стороне такие политические условия для жизни, в которых вопрос об их политической идентичности вообще не будет актуален. Условия для такого выбора налицо: сегодня большинство стран, принимающих мигрантов, включая, к сожалению, и Россию, не интересуется направленностью их политических идентичностей.

Сам факт неожиданного возникновения риска, особенно ведущего к тяжёлым последствиям, способен делегитимизировать либерально-демократическую политику как таковую. Ведь уже более трёх столетий легитимность этой политики держится уверенностью большинства её участников в том, что она при всех своих недостатках отличается от политик нелиберальных и недемократических уникальным качеством. Она создаёт своим участникам максимально удобные условия для того, чтобы всё, что касается их интересов, их традиций, их способов действия, заранее спланировать, публично обсудить, вовремя согласовать и с минимальными издержками получить тот (ну, или почти тот) результат, который необходим. Прогрессивность либеральной демократии с точки зрения тех, кто сегодня пытается внедрять её силой, убеждением и подкупом элит по разным странам мира, как раз в том и заключается, что она избавляет человеческую жизнь и жизнь государства от неожиданных и нежеланных сюрпризов. Это её преимущество имел в виду У. Черчилль, когда (с горечью, понятной для лидера нации, вдруг потерявшего доверие своего электората) говорил депутатам британского

парламента: «Многие формы правления испытывались и еще будут испытаны в этом мире грехов и страданий. Никто не утверждает, что демократия совершенна или всеведуща. На самом деле, можно сказать, что она худшая форма правления, если не считать всех остальных, что были испытаны с течением времени» [1].

Для преодоления неожиданных рисков и их негативных последствий того масштаба, какой имеет проблема сформированной неустойчивой и конформистской политической идентичности молодого поколения граждан, российским государству и обществу, случись такое, надо будет радикально менять если не формальную структуру всей внутренней политики, то её суть.

Политику цифровизации всей страны и политику воспитания поколения патриотично настроенных молодых граждан связывает конфликт их идейных оснований. Он является сегодня тем устойчивым контекстом, сообразуясь с которым, молодой гражданин должен принимать своё решение насчёт того, кого и что в политике считать «своим», «правильным», «справедливым», а кого и что «чужим», «ошибочным» и «несправедливым». Это, образно выражаясь, ситуация выбора для человека, которому надо умудриться сесть на два стула и почувствовать комфорт, т. е. быть сторонником традиций и национально-государственных интересов своей страны, и одновременно понимать, что вовсе не они, не эти традиции и интересы, а многочисленные и привлекательные своими потребительскими свойствами технологические новшества, в которых за минувшие полвека особенно преуспел Запад (так сегодня не любящий Россию и русское), определяют вектор движения современных народов в будущее.

Следует подчеркнуть один важный момент в авторских оценках рискогенности политики цифровизации. Речь в данном случае идёт не о технологических и управленческих аспектах того естественного и необходимого процесса усовершенствования технологий государственного управления, экономического планирования, образования, массовых коммуникаций, который государство реализует и стимулирует доступными ему административными средствами. Необходимость всего этого технологического усовершенствования очевидна, в том числе с точки зрения необходимости укрепления экономического и военного суверенитета Российского государства в условиях, когда в современном мире у него резко прибавилось недоброжелателей. И важно, чтобы техноло-

гические решения с российской стороны были адекватны тем технологическим приёмам и средствам, при помощи которых упомянутыми недоброжелателями может быть извне нанесён урон этому суверенитету.

Вопросы есть к цифровизации именно как к политике, притом большой политике, если судить по активности институтов власти в этой сфере. Как к важному предмету коммуникации государства со своими молодыми гражданами на тему их дальнейшего выбора: кем быть и с кем быть в своей стране и за её пределами. Следует отметить, что политика цифровизации по-своему, но не менее, чем политика патриотического воспитания, детерминирует и обслуживает процесс формирования в молодёжной среде индивидуальных и групповых социально-политических идентичностей. Большая государственная политика цифровизации сегодня предлагает молодому человеку смотреть на окружающую его российскую и зарубежную жизнь в определённом ракурсе и цвете. Для соответствующей настройки ракурса и цвета она предлагает сознанию молодого человека ряд маркеров личностной и групповой идентичности точно так же, как с таким предложением к нему обращается политика патриотического воспитания. Только маркеры используются разные, порой конфликтующие друг с другом. Патриотическая идентичность, как это сегодня понимают представители государственной власти от президента до местных чиновников, должна в процессе своего формирования быть ориентирована на осознание ценности социальных и государственных традиций, ценности государственных интересов и государственного суверенитета взаимопомощи, ценности героического самопожертвования во имя блага страны и другого человека и т.д. Вокруг этого сегодня выстраиваются вся технология, государственная «идеология» (кавычки нужны, чтобы автору не быть заподозренным в незнании Конституции РФ) и социально-политическая мифология патриотического воспитания российской молодёжи.

Цифровизация России, как сегодня чиновники и политики популяризуют её смысл и назначение на различных официальных и неофициальных мероприятиях, а также в мотивационной части государственных нормативных документов, предлагает молодому поколению российских граждан иные ценностные ориентиры. В роли таковых выступают некие «уникальные цифровые технологии», способные решить буквально любую пробле-

му в существовании индивида, общества, государства, нынешнего и последующих поколений людей. Жаль только Россия не поспевает за этим процессом и в свете достижений стран «глобальных лидеров» выглядит никакой не великой державой, а прямо-таки аутсайдером, на которого падают все издержки участия лидеров в этом процессе. Очень типично для представителя российского управленческого аппарата на эту тему ещё в январе 2020 г. на Алмаатинском международном форуме глав государств-членов Евразийского экономического союза «Цифровое будущее глобальной экономики» публично высказался российский премьер-министр Михаил Мишустин: «Мир вокруг нас ещё продолжает выглядеть привычно, однако “цифра” незаметно пронизывает все сферы нашей жизни и оказывает на нас растущее влияние. ... Цифровизация сегодня приводит к исчезновению целых секторов экономики вместе с предприятиями и рабочими местами. Она изменяет социальное поведение людей, воздействует на трудовые отношения, на отношения собственности. Наконец, размывает налоговую базу и создаёт определённые угрозы существованию регуляторов, в том числе общественных и государственных институтов» [2]. Что-то, казалось бы, должно было измениться в стиле презентации чиновниками государственной политики цифровизации российским гражданам в связи с довольно резким изменением в минувшие два года характера российских внутривнутриполитических и внешнеполитических задач.

На деле стиль высказываний о месте нашей страны в этой технологической перестройке цивилизованного образа жизни современных людей ничуть не изменился. Например, министр труда в Правительстве РФ Антон Котяков на пленарной сессии XXIII Ежегодной международной конференции и выставки HR-отрасли высказал недоумение по поводу того, что в России многие «называют вызовом цифровизацию» [3], и одновременно дошёл до сведения широкой аудитории соотечественников информацию о тех неизбежных в российских условиях «трудностях» и «вызовах», с которыми придётся столкнуться всем гражданам страны, и особенно молодым. В частности, по его прогнозам, в обозримом будущем навыки работы головой и руками утратят свою былую значимость и востребованность на отечественном рынке труда [4].

Это высказывание, заметим, адресовано тем молодым людям, которые сегодня именно

ради приобретения таких навыков тратят многие годы, а часто ещё и большие деньги на получение среднего и высшего образования. А ещё на освоение дополнительных квалификаций, причём не только в IT-сфере, а чаще в отраслях реального сектора экономики, куда их то же самое государство сегодня настойчиво вовлекает посредством расширения системы дополнительного образования и переобучения по новым специальностям по причине острой нехватки квалифицированной рабочей силы. Ради освоения навыков, которые, если верить министру, скоро никому не будут нужны, молодые люди часто откладывают на неопределённый срок создание семьи и рождение детей. Ради чего? Ради того, может сделать вывод рационально мыслящий молодой человек, чтобы с большими усилиями и затратами получить образование, которое почти сразу по выходе из стен школы и вуза вытолкнет его на периферию современного цивилизованного мира. Там молодому человеку и суждено будет остаться навеки, если он сегодня не отречётся от патриотического представления о приоритете национальных ценностей над глобалистскими и не принесёт клятву верности проектам создания цифрового мира, не сформирует соответствующую политическую идентичность.

Текст такой клятвы уже многократно ретражирован в аналитических пророчествах, сулящих молодому поколению образование в условиях «университета для миллиарда» («образовательного империализма»), а также «наднациональных/трансграничных моделей квалификаций и компетенций»; работу в условиях «глобального “кадрового пылесоса” и политическое участие в качестве “граждан ТНК”» [5]. И как «вишенка на торте» для тех, кто упорствует в патриотическом намерении получить образование в России и посвятить себя служению ей, призыв хорошенько подумать о своей перспективе: «“образовательный суверенитет” (тупик?)» (выделено авторами презентации!) [5]. Финансируется подготовка таких «клятв», заметим, обычно из того же государственного бюджета РФ, из которого активно финансируются идеи и мероприятия, направленные на привитие молодым людям гордости за свою страну и веры в её великое будущее.

На тему «цифровое будущее только для избранных» с заметной регулярностью публично и аргументированно высказывается глава «Сбербанка» Г. О. Греф. По крайней мере, с 2012 г., когда на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге этот главный,

наверное, популяризатор идеи тотальной трансформации реально существующих российских государства и общества в «цифровую услугу» говорил, обращаясь к участникам форума: «От того, что вы говорите, мне становится страшно. ... Вы предлагаете передать власть фактически в руки населения. Люди хотят быть счастливыми, они хотят реализовывать свои устремления, а способа реализовать все желания не существует. ... Способ производства, ... о котором мечтал Маркс, еще не реализовался, и поэтому нужно работать. И не факт, что каждый получит эту работу, и не факт, что каждый получит желаемую заработную плату, и не факт, что будет удовлетворен от этого. И при этом, если каждый человек сможет участвовать напрямую в управлении... что же мы науправляем? ... как только все люди поймут основу своего Я, самоидентифицируются, управлять, то есть манипулировать ими будет чрезвычайно тяжело. Люди не хотят быть манипулируемыми, когда они имеют знания. ... Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют равный доступ к информации, все имеют возможность судить напрямую, получать напрямую не препарированную информацию через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины, которые спущены на головы, средства массовой информации, которые как бы независимы, а на самом деле мы понимаем, что все средства массовой информации всё равно заняты построением, сохранением страт? Как в таком обществе жить?!» [6].

Если молодой человек не считает себя «Богом избранным» и намерен строить карьеру своим умом и трудом, то из этого пространного рассуждения финансиста он сделает только один вывод: в тех «цифровых» обществе и государстве, которые будут построены в скором времени в России, он если и обретёт какую-то устойчивую политическую, правовую, экономическую и культурную идентичность, то это будет идентичность представителя самых социальных «низов». И изменить эту идентичность ему никто уже не позволит. А любая его попытка сменить идентичность на более востребованную в строго иерархичном цифровом мире будет расценена хозяевами этого мира как покушение на основы мирового порядка, не меньше.

К молодым патриотам России обращен, по всей видимости, и последний по времени «банковский продукт» – презентация «Будущее 2035+», которую пользователи социальных сетей единодушно связывают с аналогичными

разработками Сбербанка в минувшие годы [7]. Презентация рисует молодому гражданину России самые радужные перспективы и устанавливает надёжные ориентиры для его патриотической самоидентификации.

Одна из страниц презентации уже в заголовке сообщает о главном, что ждёт молодого человека: «Человек конкурирует с AI за рабочие места». Молодому и образованному человеку, рискнувшему соревноваться с искусственным интеллектом, это будущее готовит не удовлетворение потребностей и карьерный рост, ни мироощущение гражданина великой страны. Будущее готовит «отсутствие уверенности в востребованности выбранного места работы в ближайшем будущем» [7]. Главное, чем будет занят человек, это «постоянный мониторинг набора компетенций человека», потому что «без постоянного обучения человек **моментально** (выделено нами. – Н. Ш.) теряет конкурентоспособность на рынке труда» [7].

И эти молодые люди, осознавшие всю безальтернативность своего будущего, перспективу остаться никому не нужными в собственной стране, вдохновляемые посулами стать «гражданами цифрового глобального мира» и жить счастливо и не трудясь, доверив все заботы роботам и цифровым технологиям, должны каким-то чудесным образом сформировать в своём сознании устойчивую идентичность патриота России. После фразы нынешнего российского министра труда и социального обеспечения: «Искусственный интеллект постепенно выдавливает из отдельных профессий, из отдельных сфер физическое присутствие человека» [4], всё, что остаётся молодому человеку, это размышлять. Причём не о ценностях гражданственности и патриотизма, не о героическом прошлом и светлом будущем своей страны, не о своей гражданской свободе и ответственности, не об интересах своих государства и общества. Всё, что останется молодому человеку, это поразмышлять о смысле продолжения своего человеческого бытия на этой планете. Можно было бы предположить, что министр в своём высказывании использовал избыточно радикальную метафору. Так ведь академическая наука порой в использовании метафор для популяризации плюсов и минусов политики цифровизации идёт ещё дальше, прогнозирует «Трансформацию Человека» [8; 9, с. 63].

Обычно тревожный тон высказываний российских чиновников и учёных на тему политики цифровизации лишь усиливает у слушателя впечатление, что Россия – не та страна, которой

в цифровом мире предначертано светлое будущее, что она будет бороться с вызовами и трудностями процесса глобальной цифровизации. Но результат этой борьбы, в которой у нашей страны много недоброжелателей по всему миру, будет, вполне вероятно, таким же, как результат прежних её усилий по построению коммунизма у себя и в остальном мире. Всё равно, будет рационально рассуждать молодой патриот, услышавший мнение компетентных управленцев, Россия, потратив силы и ресурсы на преодоление вызовов и трудностей цифровизации, не станет в этом процессе лидером. Просто уже в силу глобального масштаба этого процесса, несоизмеримого с потенциалом одной страны, занятой решением множества других, не менее важных внутривнутриполитических и внешнеполитических проблем.

Большинство «прорывных технологий», ответит такой молодой человек на призыв государства быть его патриотом, в России ещё только предстоит создать или освоить. И сошлётся на соответствующую оценку уровня обеспеченности экономики, науки и управления в нашей стране как «зачаточного», данную вице-премьером Дмитрием Чернышенко в его публичном выступлении перед участниками пленарной сессии VIII Международного форума технологического развития «Технопром-2021» [10].

Тогда как «там», за рубежами нашей страны, разработка и внедрение «прорывных технологий» уже, уверен молодой российский гражданин, идут полным ходом. И приносят ощутимые и разнообразные прибыли. Неважно, какие конкретно прибыли, но они, рассуждает несостоявшийся патриот, несомненно, есть и они огромны. Иначе откуда, задаёт он резонный вопрос, такая озабоченность российских властей ускоренной цифровизацией страны? И что, кроме гражданской совести и патриотического воспитания, мешает мне, задаёт он вопрос уже самому себе по следам знакомства с откровениями чиновников и учёных на тему перспектив российской политики цифровизации, сменить, пока дело не дошло до моего «физического устранения» и моей «трансформации», свою нынешнюю малоперспективную (в силу угроз и вызовов этой политики) российскую гражданскую идентичность на более комфортную идентичность гражданина какой-нибудь другой, уже «цифровизированной» страны?

Нетрудно представить всю меру оптимизма такого молодого человека и его гордости за Россию, наконец-то добавившую к своему эконо-

мическому, правовому, финансовому и т. д. суверенитетам ещё и «цифровой суверенитет», когда он столкнётся с крайне двусмысленной оценкой нынешней ситуации с «цифрой» в нашей стране и мире, которую дал в одном из своих интервью глава Минцифры Максут Шадаев: «Если говорить про цифровой суверенитет, то мы его уже достигли, потому что иностранные компании уже ушли с отечественного рынка. Мы теперь предоставлены сами себе» [11].

Вся эта российская популяризация «цифровых» ориентиров для построения российской молодёжью своей гражданской идентичности является, в сущности, простой «калькой» точно таких же популярных презентаций цифровой политики в странах Запада. Примером может послужить восторженное описание цифрового будущего, в котором будут жить только люди с цифровой идентичностью, которое потомкам оставила Ида Аукен, член Глобального будущего совета по городам и урбанизации Всемирного экономического форума: «Добро пожаловать в 2030 год. ... У меня ничего нет. У меня нет машины. У меня нет дома. У меня нет никаких приборов или одежды. ... Все, что вы считали продуктом, теперь стало услугой. У нас есть доступ к транспорту, жилью, еде и всему, что нам нужно в нашей повседневной жизни. Одна за другой все эти вещи стали свободными, так что в конечном итоге нам не имело смысла владеть многим. Иногда я использую свой велосипед, когда отправляюсь к своим друзьям... Забавно, как некоторые вещи, кажется, никогда не теряют своего волнения: ходьба, езда на велосипеде, приготовление пищи, рисование и выращивание растений. Это имеет смысл и напоминает нам о том, как наша культура возникла из тесных отношений с природой (не из отношений между людьми в обществе, не из отношений граждан со своим государством; по отношению к природе, получается, человек должен выстраивать свою не цивилизованную политическую, а животную идентичность. — Н. Ш.) ... Когда ИИ и роботы взяли на себя так много нашей работы, у нас внезапно появилось время хорошо поесть, хорошо выспаться и провести время с другими людьми. ... Моя самая большая забота — это все люди, которые не живут в нашем городе. Те, кого мы потеряли по пути. Те, кто решил, что это стало слишком много, все это технологии. Те, кто чувствовал себя устаревшим и бесполезным, когда роботы и ИИ взяли на себя большую часть нашей работы. Те, кто расстроился из-за политической системы и повернулся против нее. Они живут по-другому за

пределами города. Некоторые сформировали небольшие сообщества самообеспечения. Другие просто остались в пустых и заброшенных домах в маленьких деревнях 19-го века» [12].

Выглядит в полном смысле чудом, что после таких презентаций будущего, которое их ожидает, молодые люди в России, чья патриотическая гражданская идентичность сегодня подвергается таким искушениям и испытаниям на прочность всей механикой презентации государственной политики цифровизации, ещё сохраняют какое-то чувство ответственности перед соотечественниками, родными и близкими, проявляют в выборе российской идентичности оптимизм, достойный последователей Сенеки. Они ещё откликаются на патриотическое воспитание, проявляют интерес к истории своей страны, к традиционным ценностям общества и государства. А могли бы в сложившейся ситуации конфликта двух государственных стратегий воспитания их в качестве граждан России спросить у воспитателей: вы, в принципе, сами-то знаете, чего от нас хотите?

Список литературы

1. Жан-Мари Поттье (Jean-Marie Pottier) Черчилль про демократию как «худшую из систем». Речь британского лидера была намного сложнее, чем думают те, кто пользуются этой фразой, как Манюэль Вальс. 14 мая 2016 г. URL: <https://inosmi.ru/20160514/236528908.html> (дата обращения: 10.09.2023).
2. Михаил Мишустин: Мы приступили к созданию единой государственной цифровой платформы. 31 января 2020. URL: <https://dzen.ru/a/XjQN47No4QZa5mx0> (дата обращения: 10.09.2023).
3. Котяков: дефицит квалифицированных кадров будет основным вызовом на рынке труда РФ. Министр труда и социальной защиты назвал неожиданным, что «многие называют вызовом цифровизацию». URL: <https://tass.ru/obschestvo/17270355?ysclid=ln8u357zyd110857071> (дата обращения: 10.09.2023).
4. Министр труда выступил против цифровизации и искусственного интеллекта. URL: https://dzen.ru/a/ZNHfLh7nYSOHhafo?referrer_clid=3000&from_site=mail (дата обращения: 11.09.2023).
5. Будущее образования: глобальная повестка. Результаты работы по Форсайту образования 2030. 6 сентября 2013. URL: <https://yztm.ru/wp-content/uploads/2018/05/Презентация-П.Лукша-Global-Report-Education-2030.pdf> (дата обращения: 11.09.2023).
6. Герман Греф. «Честно говоря». Выступление на Петербургском Международном Экономическом Форуме 2012 года. 25 июня 2012 года. URL: <http://doc20vek.ru/node/2257> (дата обращения: 10.09.2023).

7. «Будущее 2035+» от Сбера: кастовое общество победившего цифрофашизма и виртуальных личностей. URL: <https://dzen.ru/a/ZP-NH0pDf35RNpеb> (дата обращения: 13.09.2023).
8. Богатова Л. М. Цифра съела людей // «Общество 5.0»: парадоксы цифрового будущего. VII Садыковские чтения : материалы Междунар. науч.-образов. конф. (Казань, 15–16 ноября 2019 г.) / под ред. Г. К. Гизатовой, О. Г. Ивановой, А. Р. Каримова [и др.]. Казань : Изд-во Казанского ун-та, 2019. С. 20–27. EDN: AFXVLM
9. Ворожихин В. В. «Общество 5.0» как ответ человечества на вызовы глобального развития // Россия: тенденции и перспективы развития : сб. тр. конф. / отв. ред. В. И. Герасимов. М. : Ин-т научной информации по общественным наукам РАН, 2019. Вып. 14, ч. 1. С. 62–69. EDN: LNNLOJ
10. Цифровизация как предчувствие: на чём сфокусируется российская наука будущего. URL: <https://национальныепроекты.рф/news/tsifrovizatsiya-kak-predchuvstvie-kakoy-budet-rossiyskaya-nauka-budushchego> (дата обращения: 13.09.2023).
11. В Минцифры объяснили цифровой суверенитет России уходом западных компаний. Глава Минцифры Шадеев: Россия достигла цифрового суверенитета. URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/11/2022/638099cd9a79473b281ae819> (дата обращения: 13.09.2023).
12. Добро пожаловать в 2030. 17 мая 2022. URL: https://dzen.ru/a/YoNdFmW81jwt36h8?referrer_clid=3000&-from_site=mail (дата обращения: 10.09.2023).

Поступила в редакцию 15.09.2023; одобрена после рецензирования 19.09.2023; принята к публикации 29.09.2023
The article was submitted 15.09.2023; approved after reviewing 19.09.2023; accepted for publication 29.09.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 441–446

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 441–446

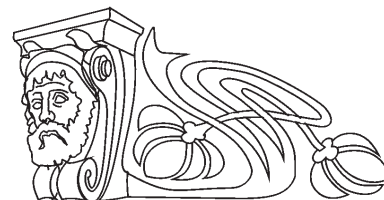
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-441-446>, EDN: BOXIV

Научная статья

УДК 32. 019.3

Основные научные трактовки новых маркеров политической идентификации молодежи в современной России

А. А. Вилков

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Вилков Александр Алексеевич, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Аннотация. В статье рассмотрены главные тенденции осмысления политической идентификации основных групп российской молодежи в последние полтора года. На основе анализа новейшей научной литературы по данной проблематике выявлено, что внимание исследователей продолжает привлекать разработка методологии анализа различных структур идентичности молодежи, обоснование новых видов их типологии, возможностей комбинирования различных матриц идентификации для более точного соотнесения идейно-мировоззренческого и деятельностного позиционирования представителей молодого поколения. В научном дискурсе значительно ослабла позиция сторонников либеральной трактовки гражданской идентичности на основе обоснования приоритетности гражданских прав и свобод личности. Доминирующее значение приобретает позиция, сторонники которой фактически отождествляют гражданскую идентичность и национальную идентичность. Это обусловлено, прежде всего, официальной установкой на внедрение в массовое сознание молодежи понимания социальной значимости государства и его функциональности и необходимости стимулирования соответствующей активной гражданской позиции каждого индивида в защите интересов данного государства и общества в целом. Сделан вывод о том, что большинство исследователей не затрагивают особенности идентификации различных групп российской молодежи по отношению к СВО России на Украине. С одной стороны, это вполне объяснимо, учитывая сложность ситуации и неоднозначные возможные последствия в отношении каких-либо критических оценок со стороны исследователей. С другой стороны, существует потребность в объективном осмыслении новых линий размежеваний, которые по своей мотивационной значимости нередко ранжируются на более высоком уровне, чем традиционные партийно-идеологические и мировоззренческие предпочтения российской молодежи. Осмысление данных маркеров идентификации представляет собой важнейшую в теоретическом и практическом смыслах научную задачу.

Ключевые слова: политические идентичности, патриотическое воспитание молодежи, маркеры политической идентификации, структура политической идентичности

Благодарности. Статья подготовлена в рамках исследовательского проекта «Особенности политической идентичности провинциальной российской молодежи», поддержанного Экспертным институтом социальных исследований (ЭИСИ) совместно с Министерством науки и высшего образования РФ и Российской академией наук.

Для цитирования: Вилков А. А. Основные научные трактовки новых маркеров политической идентификации молодежи в современной России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 441–446. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-441-446>, EDN: BOXIV

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Basic scholarly interpretations of new markers of political identification of youth in modern Russia

A. A. Vilkov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Alexander A. Vilkov, vil57@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4277-0372>

Abstract. The article examines the main trends in understanding political identification of the main groups of Russian youth in the last year and a half. Based on the analysis of the latest scholarly literature on this issue, it has been revealed that the attention of researchers continues to be attracted by the development of a methodology for analyzing various structures of youth identity, the justification of new types of their typology, the possibilities of combining various identification matrices for a more accurate correlation of the ideological, worldview and activity positioning of representatives of the younger generation. In scientific discourse, the position of supporters of a liberal interpretation of civic identity based on the justification of the priority of civil rights and individual freedoms has significantly weakened. The position whose supporters actually equate civic identity and national identity acquires dominant significance. This is due, first of all, to the official goal of introducing into the mass consciousness of young people an understanding of the social significance of the state and its functionality and the need to stimulate the corresponding

active civic position of each individual in protecting the interests of the state and society as a whole. It is concluded that most researchers do not touch upon the specifics of identifying various groups of Russian youth in relation to the special military operation in Ukraine. On the one hand, this is understandable, given the complexity of the situation and the ambiguous possible consequences regarding any critical assessments on the part of researchers. On the other hand, there is a need for an objective understanding of new lines of demarcation, which, in terms of their motivational significance, are often ranked at a higher level than the traditional party-ideological and worldview preferences of Russian youth. Understanding these identification markers is the most important scientific task in theoretical and practical senses.

Keywords: political identities, patriotic education of youth, markers of political identification, structure of political identity

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the research project "Features of the political identity of provincial Russian youth", supported by the Expert Institute for Social Research (EISR) together with the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation and the Russian Academy of Sciences.

For citation: Vilkov A. A. Basic scholarly interpretations of new markers of political identification of youth in modern Russia. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 441–446 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-441-446>, EDN: BOXIVY

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Проблематика политической идентичности российской молодежи является одной из самых востребованных в предметном поле российских исследователей [1–9]. Обусловлено это не только специфическими характеристиками данной группы, высокими социальными рисками радикализма и оппозиционности ее участия в политике, но и тем, что структура политической идентичности молодежи постоянно подвержена изменениям под воздействием текущих внутренних и внешних обстоятельств. В условиях проведения СВО России на Украине появилось много новых факторов политической идентификации российской молодежи, которые нуждаются в объективном и всестороннем исследовании. Например, наряду с традиционными возрастными объединениями в интернет-пространстве и в реальной жизни по различным интересам, а также идеологическим и идейно-мировоззренческим линиям размежевания «свой-чужой», для российской молодежи более значимыми стали критерии идентификации по отношению к СВО. Приоритетность значимости эмоциональных факторов над идеологическими и мировоззренческими аргументами изменила конфигурацию оппозиционности/лояльности различных групп российской молодежи и нуждается в конкретном изучении и осмыслении.

Еще одним фактором актуализации данной проблематики является то, что среди исследователей различных аспектов политической идентичности и ее соотношения с другими уровнями идентичности российской молодежи нет единого понимания сущности данного понятия и методологии его изучения. Многие трактовки базовых понятий продолжают оставаться дискуссионными и противоречивыми. Это касается, например, трактовки понятия «гражданская идентичность».

По мнению В. С. Ерохина, «гражданская идентичность личности, таким образом, выражается в форме совокупности норм, регламентирующих правовой, гражданский и политиче-

ский статус персоны, а также осознание себя в качестве социального существа, обладающего консолидирующими и дифференцирующими признаками» [10, с. 76]. Как представляется, введение категории «персоны» для раскрытия гражданской идентичности личности вряд ли можно рассматривать в качестве продуктивной инновации. Но главное, что такой подход правовые основы и нормативные условия для возможных проявлений гражданской идентичности конкретных людей отождествляет с самой этой идентичностью, которая зависит от многих других факторов (возрастных, гендерных, социальных, этноконфессиональных и др.).

Практический подход к измерению гражданской идентичности молодежи представили в своей статье 2022 г. методисты «Артека» Ю. В. Желудько и А. В. Вашкевич. Он обоснован авторами в виде опросника для детей 12–17 лет и состоит из 50 утверждений, каждое из которых подростки должны были оценить по шкале от 0 до 10 баллов. В рамках этих четырех групп (когнитивный, эмоционально-оценочный, ценностно-ориентировочный и деятельностный компоненты) утверждения распределяются еще по трем подгруппам (этническая, общероссийская, общекультурная составляющая). Авторы обосновывают доступность опросника, сформулированного с учетом возрастных особенностей опрашиваемых [11].

Как представляется, методический посыл авторов интересный, но в связи с событиями последних лет нуждается в существенной корректировке. Статья не содержит перечня предлагаемых подросткам утверждений, но об их содержании позволяет судить концентрированное изложение их сути, сведенное в таблицу. В эмоционально-оценочном компоненте в рамках общекультурной составляющей речь идет об отношении «к своей принадлежности к мировому сообществу, осознание себя “человеком мира”»; отношение к системе общекультурных (общечеловеческих) ценностей»; в ценностно-

ориентировочном компоненте – о наличии или отсутствии «сформированной системы общекультурных (общечеловеческих) ценностей»; в деятельностном (поведенческом) компоненте – об участии в «производительном труде во благо процветания мирового сообщества и для личностной самореализации; бережное отношение к окружающей природе и пр.» [11, с. 319–320]. Как представляется, данные формулировки показывают, как глубоко укоренились в постсоветской отечественной школе либерально-глобалистские представления о «гражданах мира» и «общечеловеческих ценностях». В условиях борьбы России за формирование институциональных и нормативных основ многополярного мира такой подход, очевидно, ретуширует тот факт, что сегодняшняя глобалистская модель развития мира реально является инструментом обеспечения интересов США и их союзников.

Очень важную методологическую проблему обозначил профессор С. В. Расторгуев, который представил критический анализ использования различных типов политической идентичности молодежи в научном дискурсе современной России. По его мнению, традиционное использование в качестве критериев идентификации различных социальных групп идеологического континуума «левые-правые» вызывает серьезные замечания, поскольку «в классификации присутствуют объекты, выделенные по разным критериям. Социал-демократы, либералы и коммунисты представляют собой классические типы идеологий; русские националисты представляют собой этнонациональную разновидность идеологии национализма; сторонники режима “твердой руки” выделены по принципу функционирования политического режима; аграрники являются гибридной формой от политической партии 1990-х гг. и типа населенного пункта» [12, с. 30]. В результате нередко возникает диссонанс между выявленной исследователями приверженностью российской молодежи к социал-демократическим и либеральным ценностям и реальной электоральной статистикой голосования за партии и кандидатов другой идеологической приверженности. С этим вполне можно согласиться, так как наши исследования данной проблемы также показывают, что у молодежи нет четкого понимания сути и ценностных основ той идеологии, сторонниками которой они себя позиционируют во время репрезентативных опросов. Материалы фокус-групп подтверждают отсутствие системных и осознанных представлений групп молодежи о ценностях различных идеологий в современной России. Причина заклю-

чается не только в недостатках преподавания обществознания в отечественных школах, но и в реальных особенностях деятельности основных российских партий. Предвыборные программы последних в большинстве случаев представляют собой компиляцию ценностей и принципов различных идеологий в совокупности с лозунгами на злобу дня.

Для разрешения обозначенной проблемы С. В. Расторгуев предлагает для построения типологии политической идентичности российской молодежи, наряду с традиционной шкалой «левые – правые», использовать матрицу «активность – пассивность» и «лояльность – нелояльность» [12, с. 32]. Достаточно подробно автор раскрывает характеристики параметров идентификации по каждой из матриц. На основе данных опросов общественного мнения он оценивает долю молодежи в каждом из полей матрицы следующим образом: «поле “лояльность–активность”: 12%–15% (среднее – 13,5%); поле “лояльность–пассивность”: 65%–68% (среднее – 66,5%); поле “нелояльность–активность”: 5%–8% (среднее – 6,5%); поле “нелояльность–пассивность”: 12%–15% (среднее – 13,5%)» [12, с. 34].

Как видится, выделение таких полей целесообразно дополнить исследованием структуры идентичностей представителей каждой из данных групп на предмет ранжированной оценки степени их значимости для индивида. Дело в том, что политическая идентичность индивида включена в структуру многих других его социальных идентичностей (Я россиянин, Я русский, Я житель Нска, Я житель конкретного микрорайона Нска, Я студент, Я студент конкретного вуза, Я рокер, Я фанат футбольного клуба, Я поклонник группы «Любе» и т.д.). Значимость соотнесения Я и Мы в каждой из этих идентичностей будет очень конкретной. В качестве примера можно привести ситуацию 1996 г., когда для поддержки Б. Н. Ельцина на выборах президента газета «Не дай Бог!» (кроме публикации карикатур на Г. А. Зюганова) стимулировала политическую активность различных групп российской молодежи с помощью обращений к отнюдь не политическим ее интересам. Группе фанатов В. Высоцкого от лица М. Влади сообщали, что «ему запрещали петь». О. Табаков извещал своих поклонников, что он «голосует против коммунистов». Ему вторил М. Боярский, заявляя, что «у коммунистов большой воровской опыт». Г. Жженов: «Наши внуки будут свободными людьми». Поклонникам тяготеющей «Санта Барбары» американские актеры сообщали: «Мы все за вас очень переживаем». Любителям бразильского сериала «Тропиканка»

актриса обосновала свой лозунг «За демократию на всех широтах». Десяткам миллионов своих поклонников в России Ж. Депардье раскрыл тезис о том, что «коммунизм бесперспективен». Н. Михалков: «Россию нельзя бросать на орлянку». Идентичные критические сообщения предоставили газете П. Ришар, Б. Бардо, В. Руффо, А. Джиграханян, Н. Расторгуев, И. Чурикова, Л. Броневои, Ю. Шевчук и многие другие. Актеры, певцы, танцоры, футболисты, хоккеисты, юмористы и т.д. и т.п. не просто сообщали об антикоммунистической позиции своим фанатам, но и стремились воздействовать на ключевой неполитический интерес данной группы. Так, М. Жванецкий заявил, что в случае победы Г. Зюганова он уедет в Израиль и больше не порадуется своих почитателей. Тренер одного из ведущих футбольных российских клубов сообщил своим фанатам, что вместе с командой уедет за рубеж в случае прихода к власти коммунистов. Очевидно, что для реальных любителей футбола этот фактор, обусловленный идентификацией группы «Мы фанаты» будет более значимым, чем их идентификация по обозначенным выше политическим идентичностям.

Не случайно, что одна из самых известных отечественных специалистов по обозначенной проблематике И. С. Семененко политику идентичности определяет «как “деятельность субъектов политического процесса по формированию и поддержанию национальной, гражданской и иных форм макрополитической идентичности” и как “борьбу групп за право на общественное признание... как носителей определенной идентичности” с использованием средств и инструментов символической политики, языковой политики, политики памяти, различных практик в сфере культуры, образования, спорта» [13, с. 66]. Именно такая трактовка многомерности идентичности дает возможность учитывать все многообразие маркеров идентификации конкретного индивида по самым различным основаниям и выявлять их мотивационную значимость для повседневной деятельности и формирования отношения к различным социальным процессам и событиям, в том числе и в сфере политики.

Некоторые исследователи для анализа процессов фрагментации национальной идентичности используют понятие стигматизации. В. М. Капицын разделяет ее на две составляющие – внешнюю и внутреннюю. По его мнению, «внутренняя стигматизация – сознательно направляемые действия и стихийные процессы, вызывающие у граждан осуждение своей государственной власти и соотечественников, которые эту власть поддерживают, “государевых лю-

дей” – полиции, госслужащих, военных, членов их семей» [1]. Особую опасность представляет эффект «резонанса»: «воздействий внешней и внутренней стигматизации. Это – “крайняя” стадия стигматизации, означающая состояние романτισно-утопической восторженности относительно лозунгов перемен, ориентирующих на западные ценности и “блага”, оправдывающие смену власти ради “быстрых” демократических перемен. Подобная интерпретация, внедряемая в представления элит и массовое сознание, усиливает негативные контриденности с их настроением на отчуждение от власти, позволяет разрушать национальную идентичность и переводить общество в крайнее состояние стигматизации» [1]. Более развернутое обоснование понятия контриденности представлено автором еще в одной статье, где в качестве примера приводятся анархистские, «пугачевские» свойства характера русского народа [14, с. 50].

Наши исследования также показывают, что среди современной российской молодежи наиболее системное и осмысленное понимание близкой им идеологии присуще именно сторонникам анархизма. Несмотря на свою малочисленность (к анархистам отнесли себя не более 1% от опрошенных в 2022 г. 670 респондентов), только приверженцы этой идеологии продемонстрировали последовательность и логичность в ответах на все открытые и закрытые, а также перекрестные вопросы. Однако абсолютное большинство участников опроса идентифицировали себя в качестве сторонников идеологий, не соотносимых с понятием формирования контриденности. Поэтому стремление автора к повсеместному использованию этого термина не представляется оправданным, в отличие от понятия стигматизации, которое реально применимо для анализа особенностей формирования политической культуры российской молодежи в условиях гибридной войны против России.

Ростовские исследователи для анализа сложных структур идентичностей обосновывают понятие «гибридность» [15]. По их мнению, «механизмы гибридной идентификации основываются на социальной гибридации в виде гибридного социального пространства, выраженного в смешении территориально-географических локаций, политических, экономических, социокультурных, поколенческих и этнических границ и субкультур. Процесс социальной гибридации рассматривается как основной фактор формирования гибридной идентичности» [15, с. 16]. Несмотря на наличие тавтологии в определении, его авторы отразили суть тех тенденций, которые характерны не

только для полиэтнических регионов России с наличием большого количества мигрантов, но и для всей страны с учетом все большего значения тех линий размежеваний и новых маркеров идентификации, которые проявляются в интернет-пространстве.

Для России особенно важно осмысление специфики региональной идентичности, которая также имеет несколько трактовок в научном дискурсе современной России.

И. В. Самаркина и И. С. Башмаков используют понятие локальной (городской, поселенческой, соседской) идентичности: Она является «низовым уровнем территориально-пространственной идентификации и связана с чувством сопричастности человека месту его проживания и/или происхождения. Концептуальная модель анализа локальной идентичности молодежи включает: параметры субъекта (молодежи), определяющие специфику этой социально-демографической группы; содержание феномена локальной идентичности; параметры объекта идентификации – поселения или иного места, значимого на данном жизненном этапе личности; практики социальной активности, в которых реализуется локальная идентичность; систему факторов, влияющих на процесс актуализации, формирования и динамики локальной идентичности; механизмы конвертации локальной идентичности в общественные практики» [16, с. 102]. Данное определение, на наш взгляд, носит универсальный характер и может быть использовано для анализа соотношения идентификации места проживания индивида со всеми другими структурными элементами его идентичности. Это особенно важно, например, для выявления особенностей характера провинциального патриотизма и осмысления определенного противоречия различных его уровней. Наши исследования 2021 и 2022 гг. показали, что патриотизм на уровне поддержки внешней политики Российского государства у провинциальной молодежи выше, чем в крупных городах. Условно говоря, молодые люди из райцентра демонстрируют более высокую готовность поддержки СВО России на Украине, чем представители молодежи областного центра в целом. При этом готовность реализовывать себя и свои интересы в родном поселке/городе молодежь демонстрировала на гораздо меньшем уровне, чем молодежь более крупных городов. Очевидное объяснение данного противоречия худшими бытовыми и социально-экономическими условиями небольших поселений, на наш взгляд, недостаточно.

И. Н. Воробьева представила вариант измерения уровня территориальной идентично-

сти на основе эмоционального и поведенческого компонентов. Эмоциональный компонент, по ее мнению, можно измерить с помощью вопросов, которые затрагивают позитивные/негативные чувства респондентов по отношению к региону своего проживания, вплоть до выяснения перспектив возможного переезда в другой субъект Российской Федерации. Поведенческий компонент выявляется посредством вопросов о степени готовности к участию в развитии региона и желания брать на себя ответственность за все его проблемы [17]. Фактически автор рассматривает регион и территорию как синонимы, хотя их смысловое толкование нередко зависит от конкретного контекста и не всегда совпадает.

Аналитические возможности использования понятия «секьюритизация политики идентичности» представлена в статье Л. А. Фадеевой. Рассмотрев различные примеры использования данного конструкта во внутренней и внешней политике различных стран в последние десятилетия, автор констатирует: «Определение ключевых угроз по отношению к коллективной идентичности, предложение вариантов реакции на такие угрозы, стратегии противодействия угрозам – все это характеризует современные практики секьюритизации политики идентичности» [18, с. 108]. В качестве наиболее актуального направления использования данного конструкта в нашей стране Л. А. Фадеева видит обоснование на официальном уровне миссии России в качестве защитника фундаментальных традиционных ценностей. Соответственно, обосновывается и необходимость консолидации общества для защиты от внутренних и внешних угроз ценностям патриотизма, традиционной семьи и другим духовно-нравственным ценностям. Думается, что данный конструкт вполне применим также и для понимания предпосылок и причин гражданской войны на Украине, возвращения Крыма в состав России, начала СВО и признания новых субъектов Российской Федерации.

Подводя итог проведенному анализу новейшей литературы по проблематике политической идентичности, можно констатировать, что в научном дискурсе значительно ослабла позиция сторонников либеральной трактовки гражданской идентичности на основе обоснования приоритетности гражданских прав и свобод личности. Доминирующее значение приобретает позиция, которая фактически отождествляет гражданскую идентичность и национальную идентичность. Это обусловлено, прежде всего, официальной установкой на внедрение в массовое сознание молодежи понимания социальной значимости государства и

его функциональности и необходимости соответствующей активной гражданской позиции каждого индивида в защите интересов данного государства и общества в целом.

Анализ литературы показал, что большинство исследователей не затрагивают особенности идентификации различных групп российской молодежи по отношению к СВО России на Украине. С одной стороны, это вполне объяснимо, учитывая сложность ситуации и неоднозначные возможные последствия в отношении каких-либо критических оценок со стороны исследователей. С другой стороны, существует потребность в объективном осмыслении новых линий размежеваний, которые по своей мотивационной значимости нередко ранжируются на более высоком уровне, чем традиционные партийно-идеологические и мировоззренческие предпочтения российской молодежи. Осмысление данных маркеров идентификации представляет собой важнейшую в теоретическом и практическом смыслах научную задачу.

Список литературы

1. Биринчи Э., Зверева М. С., Капицын В. М., Каратеев А. Ю., Пашин М. М., Сергазин Е. Ф., Тальская О. Д., Щегловитов А. Е. Национально-государственная идентичность: методологические и исторические аспекты // Вестник Московского государственного областного университета. 2023. № 1. <https://doi.org/10.18384/2224-0209-2023-1-1255>
2. Бугайчук Т. В. Гражданская идентичность молодого поколения россиян: специфика и закономерности становления // Социально-политические исследования. 2022. № 1 (14). С. 70–80. <https://doi.org/10.20323/2658-428X-2022-1-14-70-80>
3. Гоголева Е. Н., Юрков С. Е. Политика идентичности в современной России: концептуализация в политическом дискурсе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. Вып. 2. С. 76–85. <https://doi.org/10.24412/2071-6141-2023-2-76-85>
4. Левичева В. Ф., Диманс С. Л. Социальная идентичность как результат неформальных взаимодействий «свой/чужой» // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 2. С. 73–83.
5. Мартынова М. Ю., Белова Н. А., Зыкина О. А., Кляус М. П. Общегражданские и социокультурные ценности в восприятии российской молодежи // Вестник антропологии. 2023. № 1. С. 102–124. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2023-1/102-124>
6. Русакова О. Ф. Дискурс государственной политики памяти как фактор формирования национальной идентичности современной России // Дискурс-Пи. 2023. Т. 20, № 2. С. 32–51. https://doi.org/10.17506/18179568_2023_20_2_32
7. Солдатенков И. В. Политическая идентичность в сети Интернет: проблема концептуализации // Via in Tempore. История. Политология. 2022. Т. 49, № 1. С. 197–206. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2022-49-1-197-206>
8. Топчиев М. С. Региональная коллективная идентичность: категориальный и структурный анализ // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2022. № 3 (72). С. 135–139. https://doi.org/10.54398/1818510X_2022_3_135
9. Фарахутдинов Ш. Ф., Ключева В. П. Групповая идентичность населения Западно-Сибирского региона России: этнокультурный и региональный аспекты // Siberian Socium. 2022. Т. 6, № 3 (21). С. 92–106.
10. Ерохин В. С. Нормативная природа гражданской идентичности персоны // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5, № 1. С. 70–79. <https://doi.org/10.32326/2618-9267-2022-5-1-70-79>
11. Желудько Ю. В., Васькевич А. В. Создание и апробация опросника «Гражданская идентичность» на базе ФГБОУ «МДЦ «Артек» // Обществознание и социальная психология. 2022. № 8 (38). С. 316–324. EDN: PECYZR
12. Расторгуев С. В. Типологизация политической идентичности современной российской молодежи // Власть. 2023. Т. 31, № 1. С. 30–35. <https://doi.org/10.31171/vlast.v31i1.9458>
13. Семенов И. С. Прошлое на переднем крае политики идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62, № 11. С. 65–76. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76>
14. Капицын В. М. Стигматизация как угроза национальной идентичности (уроки прошлого для настоящего) // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 1. С. 45–66. <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.1.3>, EDN: PQWMDB
15. Волков Ю. Г., Курбатов В. И. Гибридная идентичность: факторы формирования и формы проявления // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11, № 2. С. 15–23. <https://doi.org/10.18522/2227-8656.2022.2.1>, EDN: HVDEAS
16. Самаркина И. В., Башмаков И. С. Локальная идентичность: механизмы конвертации в конструктивные социально-политические практики молодежи // Полис. Политические исследования. 2021. № 2. С. 99–112. <https://doi.org/10.17976/jpps/2021.02.07>
17. Воробьева И. Н. Территориальная идентичность населения: методика эмпирического измерения // Siberian Socium. 2023. Т. 7, № 1 (23). С. 29–44.
18. Фадеева Л. А. Секьюритизация политики идентичности как аналитический инструмент // Вестник Пермского университета. Политология. 2023. Т. 17, № 2. С. 101–111. <https://doi.org/10.17072/2218-1067-2023-2-101-111>

Поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 19.09.2023; принята к публикации 29.09.2023
The article was submitted 10.09.2023; approved after reviewing 19.09.2023; accepted for publication 29.09.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 447–453

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 447–453

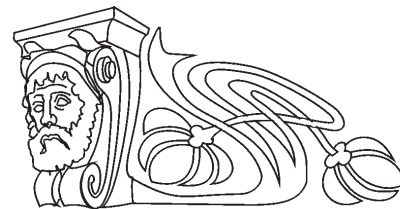
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-447-453>, EDN: KFCBNL

Научная статья

УДК 323:342:338.2

Стратегическое планирование в государственном управлении как система институциональных инструментов и механизмов целеполагания

И. И. Санжаревский

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХиГС Тамбовский филиал), Россия, 392001, г. Тамбов, ул. Гастелло, д. 32а

²Тамбовский государственный технический университет, Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Советская, д. 106

Санжаревский Игорь Иванович, доктор политических наук, профессор, ¹профессор кафедры государственного управления и гуманитарных дисциплин; ²профессор кафедры теории и истории государства и права, sanzigor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8786-3631>

Аннотация. Статья посвящена предметному полю политологических исследований по научной специальности «Государственное управление и отраслевые политики» и анализу практики государственного стратегического планирования как системы институциональных инструментов и механизмов целеполагания в Российской Федерации. Рассмотрены публичные политико-правовые механизмы сочетания ценностей и целей с выбором способов и методов их достижения. Основопологающим публичным политико-правовым механизмом сочетания ценностей и целей с выбором способов и методов их достижения выделена конституционная исключительность и независимость каждой ветви власти как основание ее стратегического ресурса и потенциала стратегического планирования. Дана общая характеристика архитектуры единой системы публичной власти в соответствии с изменениями в Конституции России и текущей конфигурации системы государственного управления. Показана значимость политического фактора эффективности администрирования системой стратегического управления и реализации отраслевых политик в современной России на основе механизмов согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в единой системе публичной власти. Выделены принципиальные изменения, позволяющие значительно повысить эффективность деятельности федерального правительства в единой системе публичной власти с акцентуацией на реализации национальных целей развития как Российской Федерации в целом, так и регионов с опорой на отраслевую структуру экономики. Акцентируется внимание на политических целях регионального фактора социально-экономического развития территорий на основе механизмов и инструментов стратегического планирования, определены направления принципиальных политико-правовых и административно-управленческих решений по внедрению регионального инвестиционного стандарта. Осуществлена демонстрация роли федеральных институтов инновационного развития и обеспечения инфраструктурных проектов и программ для решения задач обеспечения устойчивого экономического роста и диверсификации современной российской экономики, которые не могут быть оптимально реализованы рыночными механизмами. Сделаны выводы о значении интерпретационного понимания политики как системы институциональных инструментов и механизмов целеполагания в политико-правовой практике государственного стратегического планирования для определения перспективных направлений в предметном поле научных исследований по специальности «Государственное управление и отраслевые политики», для решения задач повышения качества государственного управления с помощью внедрения модели управления на основе больших данных и искусственного интеллекта, перехода системы государственной власти к модели управления на основе данных с применением платформенного подхода.

Ключевые слова: публичная политика, государственное управление, стратегическое планирование, предметное поле политологических исследований

Для цитирования: Санжаревский И. И. Стратегическое планирование в государственном управлении как система институциональных инструментов и механизмов целеполагания // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 447–453. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-447-453>, EDN: KFCBNL

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Strategic planning in public administration as a political system of institutional instruments and goal-setting mechanisms

I. I. Sanzharevskiy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA Tambov branch), 32a Gastello St., Tambov 392001, Russia, Tambov State Technical University, 106 Sovetskaya St., Tambov 392000, Russia

Igor I. Sanzharevskiy, sanzigor@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8786-3631>

© Санжаревский И. И., 2023

Abstract. The article is devoted to the subject field of political science research within the scientific specialty "Public Administration and sectoral policies" and the analysis of the practice of state strategic planning as a political system of institutional instruments and goal-setting mechanisms in the Russian Federation. The article discusses public political and legal mechanisms for combining values and goals with the choice of ways and methods to achieve them. The constitutional exclusivity and independence of each branch of government as the basis of its strategic resource and strategic planning potential is highlighted as the fundamental public political and legal mechanism for combining values and goals with the choice of ways and methods to achieve them. A general description of the architecture of the unified system of public power in accordance with the amendments to the Constitution of Russia and the current configuration of the public administration system is given. The importance of political factor of the effectiveness of the administration of strategic management system and the implementation of sectoral policies in modern Russia on the basis of the mechanisms of coordinated functioning and interaction of public authorities and local self-government in a single system of public authority is shown. Fundamental changes are highlighted that make it possible to significantly increase the efficiency of the federal government in a unified system of public authority with an emphasis on the implementation of national development goals of both the Russian Federation as a whole and the regions based on the sectoral structure of the economy. Attention is focused on the political goals of the regional factor of socio-economic development of territories on the basis of mechanisms and tools of strategic planning, the directions of fundamental political, legal, administrative and managerial decisions on the implementation of the regional investment standard are determined. The role of federal institutions of innovative development and provision of infrastructure projects and programs for solving the tasks of ensuring sustainable economic growth and diversification of the modern Russian economy, which cannot be optimally implemented by market mechanisms, was demonstrated. Conclusions are drawn about the importance of the interpretative understanding of politics as a system of institutional tools and goal-setting mechanisms in the political and legal practice of state strategic planning for determining promising directions in the subject field of scientific research within the specialty "Public Administration and sectoral policies", for solving problems of improving the quality of public administration through the introduction of a management model based on big data and artificial intelligence, the transition of the public authority system to a data-based management model using a platform approach.

Keywords: public policy, public administration, strategic planning, the subject field of political science research

For citation: Sanzharevskiy I. I. Strategic planning in public administration as a political system of institutional instruments and goal-setting mechanisms. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 447–453 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-447-453>, EDN: KFCBNL

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Рассмотрение национальных особенностей развития политической науки, на мой взгляд, в обязательном порядке должно основываться на динамике изменений в содержании деятельности советов по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата (доктора) наук, в номенклатуре научных специальностей. В 2021 г. в номенклатурной структуре российской политологии и деятельности диссертационных советов произошли существенные изменения, объединившие ранее функционировавшие направления в четыре группы специальностей, исключив три научных специальности («Политическая культура и идеологии», «Конфликтология», «Политическая регионалистика, этнополитика»). Выделена в самостоятельное направление научная специальность «Государственное управление и отраслевые политики» [1]. Для определения и уточнения предметного поля научных исследований в новой специальности представляется актуальным акцентировать внимание на политико-правовой практике государственного стратегического планирования и политике как системе институциональных инструментов и механизмов целеполагания.

В системе государственного управления России советского периода общегосударственное планирование экономического и социаль-

ного развития народного хозяйства СССР и контроль за выполнением народно-хозяйственных планов осуществлялись Государственным плановым комитетом СССР (Госплан СССР) в соответствии с Программой КПСС, решениями съездов КПСС и постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР [2]. В настоящее время стратегическое государственное управление мы рассматриваем как искусство сочетания ценностей и целей с выбором способов и методов их достижения, на основе общественного договора – Конституции, в соответствии с которой государство обладает монополией на власть. Основопологающим публичным политико-правовым механизмом сочетания ценностей и целей с выбором способов и методов их достижения является конституционная исключительность и независимость каждой ветви власти как основание ее стратегического ресурса и потенциала стратегического планирования [3]. Возглавляет эту систему Президент РФ, который формирует Совет Безопасности и Государственный Совет Российской Федерации в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики и приоритетных направлений социально-экономического развития государства [4].

Общие характеристика текущей конфигурации системы государственного управления и реализации отраслевых политик определяется, с одной стороны, архитектурой единой системы публичной власти в соответствии с изменениями в Конституции России в 2020 г. С другой стороны, динамикой и направленностью внешних факторов, когда, по мнению экспертов Валдайского клуба, «демократизация международной среды требует соответствующей реакции – не подавления, а гармонизации интересов, уважения плюрализма мнений и оценок. Иерархия уступает место распределенному взаимодействию. Миру без сверхдержав потребуются система саморегулирования. А саморегулирование предполагает гораздо более высокую свободу действий, но и ответственность за них, – напоминают эксперты и добавляют: – Тогда от стадии окончательного осыпания мы в конце концов перейдем к следующему этапу – созидания» [5].

В этих условиях особую важность имеет политический фактор эффективности администрирования системой стратегического управления, главная особенность которой заключается в том, что согласно конституционной конфигурации системы разделения властей наряду с самостоятельностью, исключительностью и независимостью полномочий Правительства РФ от других ветвей власти в соответствии с изменениями в Конституции России 2020 г. общее руководство исполнительной ветвью власти осуществляет Президент Российской Федерации. Если исторически сложившаяся конфигурация федерального правительства в основном опирается на отраслевую структуру экономики, то в деятельности Государственного Совета Российской Федерации, формируемого Президентом, на основе механизмов согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления в единой системе власти осуществляется акцентуация на реализации национальных целей развития Российской Федерации, повышении роли внутреннего регионального фактора, а также эффективности стратегического планирования в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации и муниципальных образований [6]. На текущий момент можно выделить четыре принципиальных изменения, которые позволяют значительно повысить эффективность деятельности правительства.

Первое – это увеличение горизонта механизмов планирования. С принятием в 2014 г. Федерального закона «О стратегическом планировании в Российской Федерации» № 172-ФЗ до 2020 г. в российской административно-управленческой системе, мягко говоря, слабо использовались инструменты стратегического государственного планирования. В системе публичной власти шел поиск подходов, формулировались принципы, нарабатывалась практика системного встраивания механизмов стратегического планирования в государственное управление. Это мы наглядно видим во всевозможных отраслевых стратегиях, в Национальных проектах 2018 г., которые практически стали первым объемным документом, где были указаны конкретные целевые показатели, сроки исполнения и ответственные лица. Однако мировой кризис 2020 г. внес коррективы в актуальность утвержденных проектов, появились новые задачи и приоритеты, а с началом СВО в 2022 г. координационная динамика по способам корректировки приоритетов и достижения целей возросла еще больше.

Второе – внедрение системы мониторинга спроса, о которой до 2020 г. мы практически только мечтали. На основе государственных информационных систем, внедряя цифровизацию как инструмент государственного управления, была создана система, обеспечивающая в режиме онлайн мониторинг спроса, где показывается практически вся номенклатура товаров и услуг. В любой момент можно определить, какая отраслевая продукция проседает, что нужно поддержать, куда направить ресурсы. Это позволяет правительству более гибко балансировать рынок через имеющиеся в его распоряжении механизмы, начиная от налогового регулирования и заканчивая субсидированием. Конечная цель всего этого – политика умной поддержки отечественных производителей. Система позволяет определять, где имеется наибольший потенциал, где есть простаивающие производственные мощности, под которые есть спрос, где наши производители сталкиваются с дискриминационной конкуренцией со стороны иностранных поставщиков и т.д.

Третье – возрастание политической роли механизмов использования бюджета как инструмента развития экономики. Если до 2020 г. мы наблюдали профицит федерального бюджета, тогда шла речь о триллионах «сэкономленных» денег, которые направлялись в Фонд национального благосостояния. Теперь правительство ак-

тивно вкладывает деньги в развитие широкого круга отраслей экономики, используя при этом разные инструменты, начиная от субсидирования и заканчивая прямыми государственными инвестициями.

И, как следствие, четвертое – это наращивание государственного долга как важного инструмента социально-экономического развития, когда значительные ресурсы идут не на текущие, а на инвестиционные расходы. Наращивание и обслуживание государственного долга является важным фактором повышения эффективности государственного управления, когда государственные долговые бумаги выходят со ставкой, близкой к инфляции, а вырученные средства идут на инвестиционные расходы. При этом, по мнению экспертов, желательно чтобы эти долговые бумаги в будущем выкупал Центробанк России. [7]

Выделив совокупные принципиальные изменения в отраслевых политиках правительства, необходимо акцентировать внимание и на региональном факторе социально-экономического развития территорий на основе механизмов и инструментов стратегического планирования. В настоящее время правительство запускает в полной мере региональный инвестиционный стандарт. Политическая цель проекта – эффективное встраивание региональных систем государственного управления в процессы стратегического планирования, реализации задач по достижению национальных целей Российской Федерации. Социально-экономическая цель проекта – значительный рост инвестиций в экономику регионов и конкретно в несырьевые сектора. Региональный инвестиционный стандарт направлен на реализацию политики по государственной поддержке деятельности компаний среднего бизнеса, которые, как правило, являются основой региональной экономики.

1 апреля 2020 г. вступил в силу Федеральный закон № 69-ФЗ «О защите и поощрении капиталовложений в Российской Федерации», которым введена новая форма инвестиционного сотрудничества государства и бизнеса – соглашение о защите и поощрении капиталовложений (СЗПК). Соглашение в рамках указанного инвестиционного режима предполагает выполнение обязательств между инвестором, федеральной и региональной властью. Однако в связи с истечением срока 1 апреля 2021 г. Правил заключения, изменения, прекращения действия соглашений данный механизм практически не

был задействован до 13 сентября 2022 г., когда было подписано Постановление Правительства РФ № 1602 «О соглашениях о защите и поощрении капиталовложений» для возобновления заключения СЗПК. Активизировалась разработка информационной системы «Капиталовложения» (ФНС России), которая позволит заключать СЗПК в электронной форме. В дальнейшем планируется связать ее с другими государственными информационными системами, на ее базе организовать реестр проектов СЗПК, мониторинг их реализации, возмещение затрат и предоставление налоговых вычетов [8]. Эти изменения, связанные с запуском системы поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации, позволят значительно повысить эффективность деятельности региональных правительств [9]. В 2022 г. в 45 регионах было начато внедрение регионального инвестиционного стандарта, теперь эта работа предстоит еще 44 регионам.

Принципиальные политико-правовые и административно-управленческие решения по внедрению регионального инвестиционного стандарта содержат пять положений:

- 1) разработка в каждом регионе инвестиционной декларации, в которой должны быть четко прописаны обязательства властей перед компаниями, осуществляющими вложения;

- 2) создание в каждом регионе инвестиционных комитетов под руководством губернаторов, задачей которых станет оперативное разрешение проблем инвесторов, сталкивающихся с нарушением своих прав и обязательств перед ними;

- 3) создание региональных агентств развития. Их задачей становится полное сопровождение проектов, начиная от привлечения инвесторов, заканчивая консультированием и поддержкой компаний;

- 4) создание региональных инвестиционных карт. В них должен представляться список перспективных региональных проектов, содержаться информация об имеющейся сетевой или транспортной инфраструктуре;

- 5) внедрение свода инвестиционных правил. Их задачей является ускоренное разрешение бюрократических вопросов, начиная от выдачи разрешений на строительство и заканчивая присоединением к электросетевой инфраструктуре.

До настоящего момента практически каждый регион жил своей собственной жизнью, и федеральный центр не выдвигал строгие тре-

бования по привлечению инвестиций, в то время как федеральное правительство даже при всем желании не могло и не может массово работать с проектами среднего уровня. В остатке, помимо снятия региональных административных барьеров, когда инвесторы могут получать солидные налоговые вычеты и льготы, федеральный центр для региональных администраций предлагает также и систему поощрений – формируется рейтинг состояния инвестиционного климата, те регионы, которые будут лучше всего справляться с выполнением задач по региональному инвестиционному стандарту, смогут получить субсидии и дотации в рамках механизма инвестиционного налогового вычета (ИНВ), по которому они смогут компенсировать 2/3 от недополученных доходов бюджета [10].

Естественно, что для обеспечения эффективного применения вышеприведенных инструментов и механизмов стратегического планирования в условиях, когда регионы вынуждены также решать задачи, которые не могут быть оптимально реализованы только рыночными механизмами, местные власти испытывают, образно выражаясь, определенный ресурсный голод. В этом случае важную роль играют существующие институты развития и институциональные механизмы регулирования взаимоотношений федеральных и региональных властей в рамках реализации коммерческих и некоммерческих проектов. 31 декабря 2020 г. [11] Правительство РФ утвердило перечень федеральных институтов инновационного развития, большая часть которых находится под управлением государственной корпорации развития «ВЭБ.РФ». Основной целью институтов развития является преодоление «провалов рынка» для решения задач, которые не могут быть оптимально реализованы рыночными механизмами. Институты развития выступают в качестве катализатора частных инвестиций в приоритетных секторах и отраслях экономики и создают условия для формирования инфраструктуры, обеспечивающей доступ предприятиям, функционирующим в приоритетных сферах экономики, к необходимым финансовым и информационным ресурсам.

Одним из наиболее действенных инструментов регионального развития выступают инфраструктурные бюджетные кредиты. Постановлениями от 14 июля 2021 г. № 1189 [12] и № 1190 [13] правительство утвердило правила предоставления инфраструктурных бюджет-

ных кредитов, согласно которым федеральные средства предоставляются на возвратной основе по ставке 3% годовых на срок не менее 15 лет. Погашение кредита стартует с третьего года после его получения. Такое политическое решение по финансовой поддержке позволяет регионам, согласно правилам отбора инфраструктурных проектов, направлять ее, например, на проектирование, строительство или реконструкцию коммунальной, социальной и транспортной инфраструктуры. Займы также можно направить на приобретение городского транспорта и еще ряд целей, связанных с развитием территорий [14]. Такие займы позволяют увеличить объемы строительства новых жилых домов, больниц, школ, спортивных сооружений и дорог, обеспечивают обновление жилищно-коммунального хозяйства. В результате улучшается качество жизни граждан, создается дополнительный импульс развитию экономики на местах, снижается нагрузка на региональные бюджеты. Становятся возможными реструктуризация бюджетных кредитов, замещение коммерческих займов бюджетными, а кроме того, выпуск инфраструктурных облигаций, которые позволят привлечь дополнительные внебюджетные средства.

Таким образом, институциональные изменения в современной российской политической системе, связанные, в-первую очередь, с созданием нормативно-правовой базы для стратегического планирования в Российской Федерации на основе Федерального закона 2014 г. и формированием единой системы публичной власти, которая базируется на конституционных изменениях в системе разделения властей 2020 г., внесли существенные коррективы в конфигурацию современной системы государственного управления России. В настоящее время осуществляется системное встраивание механизмов стратегического планирования в государственное управление единой системы публичной власти, увеличиваются «горизонты планирования» до 15 лет, произошли принципиальные изменения, позволяющие значительно повысить эффективность деятельности не только федерального, но и региональных правительств. Для решения задач, которые не могут быть оптимально реализованы рыночными механизмами, для обеспечения устойчивого экономического роста и диверсификации экономики в современной России созданы институты развития. При этом интерпретация политики как системы институциональных

инструментов и механизмов целеполагания в политико-правовой практике государственного стратегического планирования позволяет определить перспективные направления в предметном поле научных исследований по специальности «Государственное управление и отраслевые политики».

В качестве резюме: решение задач эффективного стратегического планирования и достижения результатов в национальном целеполагании не представляется возможным без осуществления цифровой трансформации государственного управления. На заседании Совета по стратегическому развитию и нацпроектам 15 декабря 2022 г. Президент России поставил задачу повышения качества государственного управления с помощью внедрения модели управления на основе больших данных и искусственного интеллекта и в связи с этим поручил Правительству РФ и Государственному Совету в рамках работы по цифровой трансформации «подготовить, а затем реализовать переход всей системы государственной власти на федеральном и региональном уровнях к модели управления на основе данных с применением платформенного подхода» [15]. Председатель правительства, выступая перед участниками марафона «Знание. Первые», анонсировал, что речь идет, в первую очередь, о переходе от принятия решений на основе рекомендаций экспертов к принятию решений, основанных на достоверных данных из первоисточников, что позволит исключить из процесса, образно говоря, информационных посредников. Суть в том, что члены экспертного сообщества, будучи уверенными в правильности своей точки зрения, сейчас предлагают свои мнения и предложения, опираясь на сведения из разных источников. В новой модели «смысл простой: получай информацию напрямую от первоисточника, минуя любых посредников, и обязательно учитывая обратную связь от граждан и бизнеса» [16].

Список литературы

1. Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, утвержденное приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093 : приказ Министерства науки и высшего образования РФ от 24 февраля 2021 г. № 118. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Об утверждении Положения о Государственном плановом комитете Совета Министров СССР (Госплан СССР) : постановление Совета Министров СССР от 9 сентября 1968 г. № 719 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765707699> (дата обращения: 10.06.2023).
3. Санжаревский И. И. Стратегическое государственное управление или политика как система целеполагания в государственном управлении (мультимедийное учебное пособие). Изд. 3-е, испр. и доп. // Политическое управление: сетевое периодическое издание (сетевой научно-образовательный проект, 2014-2023). Авт. и сост. Санжаревский И. И. Тамбов. 2023. URL: https://virmk.ru/umk/TRAINING_COURSES/STRATEGY/. 1 п.л. (7 мб.).
4. Конституция Российской Федерации. Глава 4. Президент Российской Федерации. Статья 83. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Мир без сверхдержав. Ежегодный доклад клуба «Валдай 2022». URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/mir-bez-sverkhderzhav-ezhegodnyy-doklad/> (дата обращения: 10.06.2023).
6. О Государственном Совете Российской Федерации : федер. закон от 8 декабря 2020 г. № 394-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
7. Государственный внутренний долг Российской Федерации // Минфин России, Департамент государственного долга и государственных финансовых активов. URL: https://minfin.gov.ru/ru/performance/public_debt/internal/ (дата обращения: 10.06.2023).
8. Шестова Ю. Зачем инвестору соглашение о защите и поощрении капиталовложений? Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
9. О системе поддержки новых инвестиционных проектов в субъектах Российской Федерации (Региональный инвестиционный стандарт) : приказ Минэкономразвития РФ от 30 сентября 2021 г. № 591. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
10. Об утверждении методики распределения дотаций бюджетам субъектов Российской Федерации в целях частичной компенсации выпадающих доходов бюджетов субъектов Российской Федерации от применения инвестиционного налогового вычета : постановление Правительства РФ от 12 июля 2021 г. № 1161. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
11. Об институтах развития : распоряжение Правительства РФ от 31 декабря 2020 г. № 3710-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
12. Об утверждении Правил отбора инфраструктурных проектов, источником финансового обеспечения расходов на реализацию которых являются бюджетные кредиты из федерального бюджета бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов, и о внесении изменений в Положение о

- Правительственной комиссии по региональному развитию в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 14 июля 2021 г. № 1189. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
13. Об утверждении Правил предоставления, использования и возврата субъектами Российской Федерации бюджетных кредитов, полученных из федерального бюджета на финансовое обеспечение реализации инфраструктурных проектов : постановление Правительства РФ от 14 июля 2021 г. № 1190. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
 14. Об утверждении перечня инициатив социально-экономического развития РФ до 2030 г. : распоряжение Правительства РФ от 6 октября 2021 г. № 2816-р. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
 15. Путин В. В. Технологии искусственного интеллекта для обеспечения экономического роста // Международная конференция по искусственному интеллекту и машинному обучению Artificial Intelligence Journey 2022. 24.11.2022 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/69927> (дата обращения: 10.06.2023).
 16. Выступление М. В. Мишустина на марафоне «Знание» 26.04.2023 // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20230426/mishustin-1867788888.html> (дата обращения: 10.06.2023).

Поступила в редакцию 16.06.2023; одобрена после рецензирования 26.06.2023; принята к публикации 31.08.2023
The article was submitted 16.06.2023; approved after reviewing 26.06.2023; accepted for publication 31.08.2023

Научная статья
УДК 327.8

Основные тенденции участия отечественных представительных институтов в государственном внешнеполитическом механизме

П. И. Пашковский

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Россия, 295007, г. Симферополь, просп. Академика Вернадского, д. 4

Пашковский Пётр Игоревич, доктор политических наук, доцент, доцент кафедры политических наук и международных отношений, petr.pash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5403-3797>

Аннотация. В статье рассмотрены особенности функционирования ранних моделей российского внешнеполитического механизма. С учётом этого в процессе исследования были применены институциональный, историко-генетический и деятельностный методы. На основе ретроспективного анализа охарактеризованы традиционные черты отечественных систем принятия и реализации внешнеполитических решений, которые функционировали в рамках Древнерусского государства, Московского государства и Российской империи. Выявлено пять основных моделей механизма формирования и реализации внешней политики, которые характеризовались разной степенью субъектности представительных институтов: 1) система принятия внешнеполитических решений в древнерусских княжествах в X–XIV вв. (высокая степень субъектности вече при активизации внешних угроз и внутренней нестабильности); 2) механизм формирования и реализации внешней политики Московского государства в XVI–XVII вв. (увеличение субъектности Боярской думы и Земского собора в условиях обострения внешних угроз и внутренних кризисных проявлений); 3) внешнеполитический механизм Российской империи в XVIII – начале XX в. (низкая субъектность Сената, Уложенных комиссий, Государственного совета в обстоятельствах постоянных внешних угроз, усиления центральной власти и относительной внутривластной стабилизации); 4) механизм внешнеполитической деятельности Российской империи в 1906–1917 гг. (более высокий уровень субъектности Государственной Думы на фоне кризиса международной системы, обострения внешних угроз и внутренних экономических и политических проблем); 5) условно выделяемый внешнеполитический механизм, функционировавший в период после Февральской революции 1917 г. до образования СССР (девиантная модель: противоречия между Петроградским Советом и Временным правительством по внешнеполитическим вопросам в условиях трансформации системы международных отношений, активизации внешних угроз и внутренних потрясений). Установлено, что общим для данных моделей (кроме последней, которая представляется особым случаем) было наличие внутри государственной бюрократии доминирующей роли «первого лица», которое на разных исторических этапах могло располагать полномочиями полководца и суверена, оказывая наибольшее влияние на процесс формирования государственной внешней политики. При этом верховный руководитель в реализации своих функций во внешнеполитической сфере, как правило, опирался на узкий круг доверенных лиц. Традиционно «силовые ведомства» (военное, морское, иностранных дел) подчинялись лично главе государства. Сделан вывод о том, что субъектность представительных институтов в рамках государственного внешнеполитического механизма увеличивалась в условиях усиления внешних угроз и внутренних кризисов и, соответственно, уменьшалась на фоне общей стабилизации и укрепления центральной власти.

Ключевые слова: Россия, внешняя политика, внешнеполитический механизм, внешнеполитическая традиция, международные отношения

Для цитирования: Пашковский П. И. Основные тенденции участия отечественных представительных институтов в государственном внешнеполитическом механизме // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 454–460. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-454-460>, EDN: LHBPKD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The main trends in the participation of domestic representative institutions in the state foreign policy mechanism

P. I. Pashkovsky

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, 4 Prospekt Vernadskogo, Simferopol 295007, Russia

Petr I. Pashkovsky, petr.pash@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5403-3797>

Abstract. The article considers the features of the functioning of early models of the Russian foreign policy mechanism. With this in mind, in the process of research, institutional, historical-genetic and activity methods have been applied. On the basis of a retrospective analysis, the traditional features of domestic systems for making and implementing foreign policy decisions that functioned within the framework of the

Ancient Russian State, the Moscow State and the Russian Empire have been characterized. Five main models of the mechanism for the formation and implementation of foreign policy, which were characterized by varying degrees of subjectivity of representative institutions, have been identified: the system of making foreign policy decisions in the Ancient Russian principalities in the X–XIV centuries (a high degree of subjectivity of the veche, taking into account the influence of the activation of external threats and internal instability); 2) the mechanism for the formation and implementation of the foreign policy of the Moscow State in the XVI–XVII centuries (increase in the subjectivity of the Boyar Duma and the Zemsky Sobor in the context of exacerbation of external threats and internal crisis manifestations); 3) foreign policy mechanism of the Russian Empire in the XVIII – early XX centuries (low subjectivity of the Senate, the Legislative Commissions, the State Council in the circumstances of constant external threats, the strengthening of central power and relative domestic political stabilization); 4) the mechanism of foreign policy activity of the Russian Empire in 1906–1917 (a higher level of subjectivity of the State Duma against the background of the crisis of the international system, the aggravation of external threats and internal economic and political problems); 5) a conventionally distinguished foreign policy mechanism that functioned in the period after the February Revolution of 1917 until the formation of the USSR (deviant model: contradictions between the Petrograd Soviet and the Provisional Government on foreign policy issues against the background of the transformation of the system of international relations, the activation of external threats and internal shocks). It has been established that these models (except for the last one, which seems to be a special case) have in common the presence within the state bureaucracy of the dominant role of the «first person», which, at different historical stages, could have the powers of a commander and sovereign, exerting the greatest influence on the process of foreign policy formation. At the same time, the supreme leader, as a rule, relied on a narrow circle of trusted persons in the implementation of their functions in the foreign policy sphere. Traditionally, «power departments» (military, naval, foreign affairs) were personally subordinated to the head of state. It is concluded that the subjectivity of representative institutions within the framework of the state foreign policy mechanism increased in the face of increased external threats and internal crises and, accordingly, decreased against the background of general stabilization and strengthening of the central government.

Keywords: Russia, foreign policy, foreign policy mechanism, foreign policy tradition, international relations

For citation: Pashkovsky P. I. The main trends in the participation of domestic representative institutions in the state foreign policy mechanism. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 454–460 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-454-460>, EDN: LHBPKD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В обстоятельствах усиления конфронтации России и коллективного Запада, производного становится многократное увеличение вызовов и угроз национальной безопасности нашей страны, возникает императив, связанный с проведением её эффективной внешней политики [1–3]. Формирование и реализация действенной внешнеполитической стратегии любого государства невозможны без комплексного анализа эволюции его внешнеполитического механизма [4], что открывает перспективы для выявления соответствующих тенденций, учёт которых – при условии выбора уместных аналогий и установления причинно-следственных связей – может способствовать повышению качества современных внешнеполитических решений [5, 6]. В связи с этим актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью прояснения ситуации относительно поиска адекватной степени субъектности парламента Российской Федерации во внешней политике в современных условиях, руководствуясь историческим опытом.

Проблематика российского внешнеполитического механизма рассматривалась отечественными исследователями [7–13] зачастую в контексте изучения определённых аспектов его функционирования на разных исторических этапах, не уделяя должного внимания особенностям генезиса и эволюции. В свою очередь, труды зарубежных авторов [14–22]

данной направленности характеризуются ситуативностью, когда, с одной стороны, подробно описываются типичные черты механизма формирования и реализации внешней политики, с другой стороны, практически не затрагиваются вопросы глубинных причин его деятельности, обусловленных спецификой внешнеполитической традиции России. При этом одной из наименее изученных проблем остаются особенности участия ранних форм отечественных представительных институтов в механизме формирования и реализации государственной внешней политики [23–35]. Представленная статья имеет целью обозначение основных тенденций участия российских представительных институтов во внешнеполитическом механизме государства в период их зарождения и становления.

В силу наличия множества определений понятия «внежнополитический механизм» (или его синонима – «механизм формирования и реализации внешней политики»), имеющих свои особенности, следует отметить, что в данном исследовании под таковым подразумевается политическая система, функционирование которой обеспечивает определение целей, задач, приоритетов и направлений внешней политики государства, учитывая распределение ресурсов для её реализации. Особой функциональностью отличается расширенный вариант трактовки содержания системы внешнеполи-

тического механизма, обозначающий, что взаимодействующие в ней элементы разделяются на конституционные (государственные органы) и внеконституционные (неправительственные организации, политические партии, общественное мнение и т. д.). В этом контексте процесс принятия внешнеполитических решений обусловливается влиянием внешних и внутренних факторов в их каждый раз специфическом соотношении [5, с. 455].

Выделяется ряд моделей отечественного внешнеполитического механизма, хронологически соотносящихся с этапами становления парламентаризма и характеризующихся определёнными особенностями. В свою очередь, понятие «ранние формы» российских представительных институтов и внешнеполитического механизма обусловлено наиболее распространённым вариантом периодизации, согласно которому к ним относят соответствующие проявления в рамках первого (истоки и предпосылки парламентаризма: X–XIX вв.) и второго (первый парламентский опыт: 1905–1917 гг.) этапов становления [36, 37].

Наиболее ранней считается модель механизма формирования и реализации внешней политики, проявившаяся в условиях древнерусских княжеств в X–XIV вв. [38]. Она отличалась тем, что основными субъектами принятия внешнеполитических решений были князь (игравший решающую роль), дружина и вече (народное собрание, в котором могли участвовать все свободные жители) [37], значение которого увеличивалось в периоды нарастания внешних угроз и внутренних кризисов.

В этом отношении особого внимания заслуживают примеры Новгородской и Псковской республик, которые рассматриваются исследователями в качестве «вершины вечевостроя» [30]. Веча в Новгороде и Пскове – являясь верховными органами, решающими важнейшие государственные дела – оказывали значительное влияние на внешнюю политику городов [39, 40], что выражалось в принятии данными институтами обязательных для исполнения решений, касающихся войны и мира, посольских дел, торговли и других внешнеполитических вопросов [41, 42]. Примечательно, что в вечевых собраниях обеих республик при возможности участия всех свободных мужчин, глав семей и владельцев дворов решающее значение имели бояре [37, с. 64].

Относительно высокая степень субъектности отечественных представительных ин-

ститутов во внешнеполитических механизмах древнерусских княжеств осуществлялась в обстоятельствах перманентных внешних угроз и внутриполитической нестабильности. Функционирование указанных механизмов принятия и реализации внешнеполитических решений не отличалось системностью, будучи во многом детерминированным внешними и внутренними факторами, а также производными «незрелости» связей между взаимодействующими элементами в процессе принятия внешнеполитических решений.

Второй моделью российского внешнеполитического механизма представляется его пример, сложившийся в рамках Московского государства в XVI–XVII вв. Так, сначала в Казённом приказе появляется должность, ведавшая внешнеполитическими делами, а затем в этих целях формируется Посольский приказ, что означало обособление внешнеполитической службы [43, с. 10–11]. Тогда же появляется и военное ведомство, в составе которого находились Разрядный, Иноземный, Пушкарский и Стрелецкий приказы. Имелся и отдельный надзорный орган – Приказ тайных дел. При этом ключевую роль в принятии внешнеполитических решений играл великий князь (позже – царь), опираясь на Боярскую думу, значение которой увеличивалось в периоды кризисов и нестабильности [38, с. 102].

Важно отметить, что наибольшее влияние на все сферы государственной жизни, в том числе внешнюю политику, Боярская дума оказывала в годы Смутного времени [44, с. 366–386]. Помимо этого, в середине XVI в. появляются Земские соборы – высшие сословно-представительные учреждения, в состав которых входили Боярские думы, члены Освящённого собора (высшее духовенство), представители сословных групп класса феодалов и торгово-промышленных верхов посадского населения [36, с. 54]. Они собирались по инициативе царя (в годы Смуты инициатором выступали патриарх или Боярская дума) для решения общегосударственных вопросов, в том числе внешнеполитических [41, с. 468]. Принято считать, что мнение Земского собора оказывало значительное влияние на вопросы, связанные с избранием монарха, объявлением войны или заключением мира [45, с. 108–109]. В дальнейшем стабилизация и укрепление абсолютизма во второй половине XVII в. приводят к ослаблению общего значения данных институтов и их возможностей воздействовать на внешнеполитический процесс [36, с. 54].

Исходя из сказанного, можно констатировать очередное проявление того, что высокая степень субъектности представительных институтов (Боярской думы и Земского собора) в XVI–XVII вв. в отношении влияния на решения государственных дел (в частности, во внешнеполитической сфере) имела место в условиях активизации внешних угроз и внутренних кризисов. Функциональность данной модели внешнеполитического механизма определялась большей, по сравнению с предыдущей, адаптацией к политическим реалиям, что подтверждается проведением интеграционной политики, способствовавшей увеличению государственной территории.

При Петре I система приказов была заменена на систему коллегий, функционально соотносимых с современными министерствами. В правление Александра I учреждаются профильные министерства, возглавляемые министрами, которые были ответственны перед императором, а коллегии становились совещательными органами при министерствах [46, 47]. Однако со времён укрепления абсолютной монархии и вплоть до начала XX в. – третья модель российского внешнеполитического механизма – верховное руководство внешней политикой оставалось прерогативой императора, опиравшегося, с одной стороны, на Государственный совет, а с другой – на (подчинявшиеся лично ему) Министерство иностранных дел, Военное министерство и Морское министерство [38, с. 102].

Действовавшие в XVIII – начале XX в. при главе государства представительные институты (Сенат, Уложенные комиссии, Государственный совет) выполняли законосовещательные функции, имея ограниченные возможности воздействия на механизм формирования и реализации внешней политики империи [36, 37]. Именно императору (с учётом наличия небольшой группы лиц из его «ближнего круга», располагавших значительным влиянием) в этот период принадлежали основные полномочия и реальные возможности в формировании государственной внешней политики [45].

В этом отношении низкая субъектность – в плане ограниченных возможностей влияния на государственную внешнюю политику – указанных представительных институтов и одновременно увеличение всесторонней власти монарха (и его «ближнего круга») происходили на фоне перманентной внешней угрозы и сравнительной внутренней стабилизации. Данная модель государственного внешнеполитического механизма была более функциональной,

чем предшествующая, что проявилось в относительно эффективной внешней и, в большей степени в интеграционной политике обернувшейся значительным расширением государственной территории.

В 1906–1917 гг., в условиях деятельности двухпалатного парламента Российской империи, внешнеполитический механизм существенно не изменился. При этом субъектность представительных органов во внешнеполитическом процессе – в первую очередь Государственной Думы – увеличилась [38], что представляет собой четвёртую модель.

Данная модель характеризовалась двумя особенностями. Во-первых, император сохранял прежние функции в контексте определяющего влияния на внешнюю политику государства. Во-вторых, появившаяся в лице Государственной Думы реальная представительная власть была способна оказывать существенное воздействие на механизм формирования и реализации внешнеполитических решений [24, 28, 37], чего не наблюдалось ранее.

В этот период повышение степени субъектности представительных институтов касательно их влияния на государственную внешнюю политику осуществлялось в условиях кризиса системы международных отношений, ослабления международных позиций России, усиления внешних угроз и внутренних политических и экономических проблем. Учитывая ход и результаты реализации внешнеполитического курса империи, эффективность данной модели внешнеполитического механизма можно поставить под сомнение.

На протяжении незначительного по продолжительности, в сравнении с предыдущими аналогами, периода после Февральской революции 1917 г. функционировала система принятия и реализации внешнеполитических решений, которую условно можно идентифицировать в качестве пятой модели отечественного внешнеполитического механизма. Она характеризовалась тем, что влияние Министерства иностранных дел было ограничено Петроградским Советом рабочих депутатов. Последнее стало следствием противоречий между Временным правительством и Петроградским Советом по вопросам, связанным с ведением войны, союзническими отношениями и значением внешней политики в рамках системы государственного управления [48, с. 51].

Указанная модель существенно отличалась от ранних примеров и в известном смысле представлялась девиацией, продемонстрировав про-

явления, отклонявшиеся от традиционных черт российского механизма принятия и реализации внешнеполитических решений. Кроме того, в силу обозначенных противоречий, внутренних и внешних факторов в это время осуществить эффективное реформирование государственного внешнеполитического механизма было невозможно [4, 13]. Условия для этого сложились только после образования СССР и последующего формирования советской модели внешнеполитического механизма [6, 7, 10, 12, 38], которая, учитывая ее специфику и наличие эволюции во взаимодействии элементов системы принятия внешнеполитических решений, заслуживает специального исследования.

В целом, условно выделенная пятая модель, с одной стороны, показала отклоняющийся от традиционной нормы пример внешнеполитического механизма (отсутствие определяющего влияния ярко выраженного «верховного руководителя» и тесно связанного с ним «ближнего круга» лиц), с другой стороны, подтвердила тенденцию увеличения субъектности представительных институтов в обстоятельствах обострения внешних угроз (Первая мировая война и военная интервенция) и внутренних катаклизмов (революция и Гражданская война). Низкая функциональность данной модели стала следствием вышеуказанных факторов, а также значительных разногласий между основными элементами сложившейся системы в процессе принятия внешнеполитических решений.

Таким образом, ретроспективный анализ демонстрирует наличие пяти ранних моделей отечественного механизма формирования и реализации внешней политики, в рамках которых проявлялась разная степень субъектности представительных институтов: 1) система принятия внешнеполитических решений в древнерусских княжествах в X–XIV вв. (высокая степень субъектности вече при активизации внешних угроз и внутренней нестабильности); 2) механизм формирования и реализации внешней политики Московского государства в XVI–XVII вв. (увеличение субъектности Боярской думы и Земского собора в условиях обострения внешних угроз и внутренних кризисных проявлений); 3) внешнеполитический механизм Российской империи в XVIII – начале XX в. (низкая субъектность Сената, Уложенных комиссий, Государственного совета в обстоятельствах постоянных внешних угроз, усиления центральной власти и относительной внутривластной стабилизации);

4) механизм внешнеполитической деятельности Российской империи в 1906–1917 гг. (более высокий уровень субъектности Государственной Думы на фоне кризиса международной системы, обострения внешних угроз и внутренних экономических и политических проблем); 5) условно выделяемый внешнеполитический механизм, функционировавший в период после Февральской революции 1917 г. до образования СССР (девиантная модель: противоречия между Петроградским Советом и Временным правительством по внешнеполитическим вопросам в условиях трансформации системы международных отношений, активизации внешних угроз и внутренних потрясений).

Что касается основных тенденций функционирования данных моделей отечественного механизма формирования и реализации внешней политики, то их (кроме последней, которая представляется особым случаем) объединяло наличие внутри государственной бюрократии доминирующей роли «первого лица», опиравшегося на узкий круг людей, располагавших особыми полномочиями. Это зародилось в условиях, когда верховный правитель был и полководцем, и сувереном, оказывавшим первостепенное влияние на вопросы войны и мира. В отдельных случаях его военная прерогатива могла делегироваться военачальникам, но и тогда дипломатические функции и общая координация внешнеполитических решений в возможностях верховного руководителя преимущественно сохранялись. При этом так называемые силовые ведомства – военное, морское и иностранных дел – традиционно подчинялись лично главе государства, который мог не занимать формальную должность руководителя исполнительной власти. Следует отметить, что влияние представительных институтов на процесс принятия внешнеполитических решений возрастало в периоды усиления внешних угроз и внутренних кризисов, уменьшаясь в условиях стабилизации и укрепления властной вертикали.

Список литературы

1. Баранов А. В. Задачи российской геополитики в Черноморском регионе в условиях специальной военной операции на Украине // Черноморско-Средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура : материалы Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. В. Касьянов А. В. Баранов. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 10–15. EDN: HZDTQE

2. Жильцов С. С. Политика Запада в отношении Украины: итоги и вызовы для России // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9, № 2. С. 138–150. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-2-138-150>
3. Пашковский П. И. Опыт и перспективы взаимодействия России и современной мир-системы // Проблемы постсоветского пространства. 2022. Т. 9, № 3. С. 327–337. <https://doi.org/10.24975/2313-8920-2022-9-3-327-337>
4. Салмин А. М. Изнанка внешней политики // Российская полития на рубеже веков (избранные статьи). К десятилетию фонда «Российский общественно-политический центр» / гл. ред., председ. Совета А. М. Салмин. М. : Летний сад, 2001. С. 102–210.
5. Пашковский П. И. Внешнеполитический механизм: проблемные теоретические аспекты исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2016. Т. 16, вып. 4. С. 452–456. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2016-16-4-452-456>
6. Пашковский П. И. Особенности внешнеполитического механизма Российской Федерации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 340–346. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2021-21-3-340-346>
7. Аверков В. Принятие внешнеполитических решений в России // Международные процессы. 2012. Т. 10, № 2 (29). С. 110–123. EDN: PFFVTT
8. Балугев Д. Г. Внутренние факторы, влияющие на российскую внешнюю политику // Внешняя политика и безопасность современной России. 1991–2002. Хрестоматия : в 4 т. / ред.-сост. Т. А. Шаклеина. Т. I. Исследования. М. : Московский государственный институт международных отношений (У) МИД России, Российская ассоциация международных исследований, АНО «ИНО-Центр (Информация. Наука. Образование)», 2002. С. 351–382.
9. Борков А. В. Процесс формирования внешней политики в РФ и российское общество // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения. Политология. Регионоведение. 2004. № 1. С. 40–44. EDN: HQTEQR
10. Картунов С. В. Существует ли в России механизм координации внешнеполитических решений? URL: <http://www.wpres.ru/text/200707271137.htm> (дата обращения: 14.03.2023).
11. Косачев К. И. Внешнеполитическая вертикаль. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/vneshnepoliticheskaya-vertikal/> (дата обращения: 14.03.2023).
12. Косолапов Н. Становление субъекта российской внешней политики // Pro et Contra. Зима–весна 2001. Т. 6, № 1–2. С. 7–30.
13. Тренин Д. Россия и мир в XXI веке. М. : Эксмо, 2015. 384 с.
14. Blank S. J. Towards a New Russia Policy. Carlisle Barracks : SSI US Army War College, 2008. 146 p.
15. Cohen A. Domestic Factors Driving Russia's Foreign Policy. URL: <https://www.heritage.org/Research/Reports/2007/11/Domestic-Factors-Driving-Russias-Foreign-Policy> (дата обращения: 14.03.2023).
16. Donaldson R. H., Noguee J. L. The Foreign Policy of Russia: Changing Systems, Enduring Interests. New York : M. E. Sharpe, 2005. 419 p.
17. Kanet R. E. Russian Foreign Policy in the 21st Century. New York : Palgrave Macmillan, 2011. 296 p.
18. Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern // Foreign Affairs. May/June 2016. Vol. 95, № 3. P. 2–9.
19. Legvold R. Russia's Unformed Foreign Policy // Foreign Affairs. September/October 2001. Vol. 80, № 5. P. 62–75.
20. Noguee J. L., Mitchell R. J. Russian Politics. The Struggle for a New Order. Boston ; London : Allyn and Bacon, 1996. 200 p.
21. Osipovich A. Putin, not Medvedev, Remains Master of Russian Foreign Policy. URL: <https://eurasianet.org/putin-not-medvedev-remains-master-of-russian-foreign-policy> (дата обращения: 14.03.2023).
22. Roberts K. Understanding Putin: The Politics of Identity and Geopolitics in Russian Foreign Policy // International Journal: Canada's Journal of Global Policy Analysis. 2017. Vol. 72, iss. 1. P. 28–55. <https://doi.org/10.1177/0020702017692609>
23. Глейзер Дж., Чейсти П. Российская Государственная Дума: структура, деятельность и эволюция в период 1993–1997 годов : пер. с англ. М. : Московский общественный научный фонд, 1999. 68 с.
24. Кирьянов И. К., Лукьянов М. Н. Парламент самодержавной России: Государственная Дума и ее депутаты, 1906–1917. Пермь : Изд-во Пермского ун-та, 1995. 168 с.
25. Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней : пер. с англ. М. : Европа, 2007. 688 с.
26. Мельников В. И. Парламентский контроль в сфере национальной безопасности в США и России: сравнительный политико-правовой анализ // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2011. № 4. С. 19–41.
27. Пайпс Р. Россия при старом режиме : пер. с англ. М. : Захаров, 2004. 496 с.
28. Смирнов А. Ф. Государственная Дума Российской Империи, 1906–1917. Историко-правовой очерк. М. : Книга и бизнес, 1998. 624 с.
29. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917) : пер. с англ. Смоленск : Русич, 2001. 512 с.
30. Чурбанов В. Народное представительство в России: тысяча лет и 72 дня. К 100-летию Первой Государственной Думы // Российская Федерация сегодня. 2005. № 22. С. 47–53.
31. Chaisty P. The Influence of Sectoral and Regional Economic Interests on Russian Legislative Behavior: The Case of State Duma Voting on Production Sharing Agreements Legislation // Post-Soviet Affairs. 2007. Vol. 23, iss. 4. P. 302–328.

32. Rusk D. Parliamentary Diplomacy – Debate vs. Negotiation // *World Affairs Interpreter*. 1955. Vol. 26, iss. 2. P. 121–138.
33. Sakwa R. Party and power: Between representation and mobilization in contemporary Russia // *East European Politics*. 2012. Vol. 28, iss. 3. P. 310–327. <https://doi.org/10.1080/21599165.2012.683784>
34. Stavridis S. Conclusions: Parliamentary Diplomacy as a Global Phenomenon // *Parliamentary Diplomacy in European and Global Governance*. 2017. Vol. 13. P. 368–387.
35. White D. Re-Conceptualising Russian Party Politics // *East European Politics*. 2012. Vol. 28, iss. 3. P. 210–224.
36. Гайсин У. Б., Филимонов М. А., Конюков Т. С. Основные этапы становления и развития парламентаризма в России // *Парламентаризм в России: история и современность* : Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием : сб. ст. Уфа : УГАТУ, 2015. С. 51–81.
37. Еременко В. И. Российский парламентаризм: политологические, правовые и социально-культурные аспекты. СПб. : Изд-во Политехнического ун-та, 2013. 166 с.
38. Пашковский П. И. Внешнеполитическая деятельность Государственной Думы Российской Федерации: генезис, эволюция, перспективы. Симферополь : ИП Бровка А. А., 2023. 398 с.
39. Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. Ставрополь : Кавказский край, 1993. 416 с.
40. Псковский край в истории России / сост., науч. ред. Е. П. Иванов. Псков : ПОИПКРО, 1994. 400 с.
41. История России : в 2 т. Т. 1: С древнейших времен до конца XVIII века / под ред. А. Н. Сахарова. М. : АСТ, 2009. 943 с.
42. Политическая история России : учеб. пособие / отв. ред. В. В. Журавлева. М. : Юрист, 1998. 696 с.
43. Внешняя политика Российской Федерации 1992–1999 : учеб. пособие / редкол. : А. В. Торкунов (отв. ред.), А. Ю. Мельвиль, М. М. Наринский. М. : РОССПЭН, 2000. 328 с. (Учебники МГИМО).
44. Скрынников Р. Борис Годунов. М. : АСТ, 2003. 416 с.
45. Никонов В. А. Российская матрица. М. : Русское слово, 2014. 992 с.
46. Государственность России (конец XV в. – февраль 1917 г.) : словарь-справочник. Кн. 1 (А – Г). М. : Наука, 1996. 336 с.
47. Исторический энциклопедический словарь / И. Агева [и др.]. М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. 922 с.
48. О механизме координации принятия и реализации решений в сфере внешней политики и международных отношений Российской Федерации (аналитический доклад) / авт. кол. : В. М. Соловьев, А. А. Коробейников, С. В. Картунов, М. А. Краснов. М. : [Б. и.], 2002. 60 с.

Поступила в редакцию 15.03.2023; одобрена после рецензирования 27.09.2023; принята к публикации 29.09.2023
The article was submitted 15.03.2023; approved after reviewing 27.09.2023; accepted for publication 29.09.2023

СЛОВО МОЛОДЫМ ПОЛИТОЛОГАМ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 461–466

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 461–466

<https://soziopolit.sgu.ru>

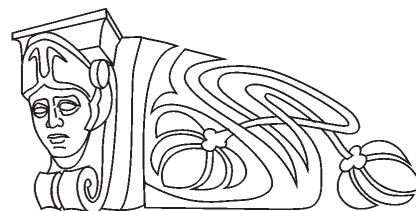
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-461-466>, EDN: NBRWDG

Научная статья

УДК 342.384.052+321.728+323

Проблемы ливанской демократии: издержки конфессиональной системы

М. Б. Румани

Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, 420097, г. Казань, ул. Кремлёвская, д. 35

Румани Мхд Башар, аспирант кафедры политологии, Институт социально-философских наук и массовых коммуникаций, roumani.mb@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-9139-2317>

Аннотация. В статье рассматриваются сложности, связанные с конфессиональной системой управления в Ливане; анализируются ключевые характеристики консociативной демократии в Ливане и ее отличия от других демократических систем. Консоциация – это система управления, которая предоставляет представителям различных конфессий определенные права и политическое представительство в правительстве. В Ливане конфессиональная система была введена в 1943 г. и с тех пор играла ключевую роль в политической системе страны. В статье рассматривается Ливан как консociативная демократия и обсуждаются особенности конфессиональной системы управления. Также анализируются проблемы, связанные с применением консociативной демократии в Ливане, включая ограничения на свободу выражения. Кроме того, обсуждаются риски и последствия консociационализма в конфессиональном контексте, такие как искажение представительства и предварительное распределение мест. Рассматривается влияние разделения власти на стабильность политической системы Ливана. Разделение власти на исполнительную, законодательную и судебную ветви – одна из ключевых особенностей демократической системы управления. Однако в Ливане существуют проблемы с недостатком эффективности и прозрачности в каждой из этих ветвей власти, а также сотрудничества между ними. Делается вывод, что сильно институционализированные консociативные договоренности могут привести к институциональной нестабильности государства. Обращается внимание на негативные конфессиональные нарративы на местном и региональном уровнях и приводятся выводы, которые можно извлечь из них. В целом, раскрываются сложности, связанные с конфессиональной системой управления в Ливане, и анализируется влияние разделения власти на стабильность политической системы страны.

Ключевые слова: консociационализм, Ливан, конфессиональная система, консociативная демократия

Для цитирования: Румани М. Б. Проблемы ливанской демократии: издержки конфессиональной системы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 461–466. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-461-466>, EDN: NBRWDG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Problems of Lebanese democracy: Costs of the confessional system

M. B. Roumani

Kazan (Volga region) Federal University, 35 Kremlyovskaya St., Kazan 420097, Russia

Mhd Bashar Roumani, roumani.mb@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-9139-2317>

Abstract. The article deals with the difficulties associated with the confessional system of government in Lebanon; the key characteristics of consociative democracy in Lebanon and its differences from other democratic systems are analyzed. A consociation is a system of governance that grants members of various faiths certain rights and political representation in government. In Lebanon, the confessional system was introduced in 1943 and has since played a key role in the country's political system. The author of the article considers Lebanon as a consociative democracy and discusses the features of the confessional system of government. He also analyzes the problems associated with the application of consociative democracy in Lebanon, including restrictions on freedom of expression. In addition, the risks and consequences of consociationalism in a confessional context are discussed, such as skewed representation and preallocation of seats. The influence of the division of power on the stability of the Lebanese political system is considered. The division of power into executive, legislative and judicial branches is one of the key features of a democratic system of government. However, there are problems in Lebanon with a lack of efficiency and transparency in each of these branches of government, as well as cooperation between them. It is concluded that highly institutionalized

consociative arrangements can lead to institutional instability of the state. Attention is drawn to negative confessional narratives at the local and regional levels and the conclusions that can be drawn from them are given. In general, the difficulties associated with the confessional system of government in Lebanon are revealed, and the influence of the division of power on the stability of the country's political system is analyzed.

Keywords: consociationalism, Lebanon, confessional system, consociational democracy

For citation: Roumani M. B. Problems of Lebanese democracy: Costs of the confessional system. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 461–466 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-461-466>, EDN: NBRWDG

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Исследователи часто выделяют Ливан как пример консоциативной демократии на Ближнем Востоке. Это многоконфессиональное государство, в котором законодательная и исполнительная ветви власти обладают полной автономией для каждой конфессии. Религии существуют в специфической институциональной структуре [1, р. 5]. Уровень свободы, плюрализма и гражданских прав в стране выше, чем в других арабских странах.

Конфессиональная система в Ливане характеризуется распределением политической власти между основными религиозными конфессиями в зависимости от их демографического веса и географического распределения. Об этом в своих работах пишет создатель термина «консоциальная демократия» американский политолог Аренд Лейпхарт. В Ливане многим религиозным группам гарантировано представительство в правительстве по конфессиональному принципу. Представителям каждой религиозной конфессии отводится пропорциональное количество мест в кабинете министров и в парламенте, т. е. высших государственных должностей. Этот метод заключается в использовании конфессиональных квот. Ряд авторов утверждают, что сохранение ливанской конфессиональной системы на протяжении всего XX века продемонстрировало ее эффективность и устойчивость и что эта система обеспечивает политическую стабильность Ливана. В период после гражданской войны 1975–1990 гг. в Ливане приходили к власти политические элиты, для которых необходимо было развивать способность к компромиссу [2, с. 376; 3].

Однако в настоящее время в стране нарастает напряженность из-за поляризации конфессионального пространства. Режиму приходится прикладывать значительные усилия для борьбы с экстремистскими группами и предотвращения региональных беспорядков. Даже после окончания гражданской войны все последние десятилетия в стране продолжались институциональные преобразования и происходила эскалация межконфессиональной напряженности. Кризи-

сы государственного управления 2005 и 2008 гг., президентский вакуум с мая 2014 г. по октябрь 2016-го, а также затянувшийся кризис бюджета, энергетический и ресурсный кризисы в 2015 г. – все это является результатом внутренней нестабильности в стране.

С 2009 г. предыдущий законодательный орган трижды переносил национальные выборы, заявляя о проблемах в сфере безопасности, вызванных политической нестабильностью и войной в Сирии. Кроме того, исследователи часто отмечают, что Ливан – хрупкое национальное государство, которому не хватает военной мощи, социальных гарантий для граждан и общественных благ. Народные волнения 2015 г., а также результаты муниципальных выборов 2016 г., на которых подавляющее большинство голосов получили антирелигиозные движения, продемонстрировали недовольство граждан неспособностью ливанских политиков должным образом управлять страной. Итак, как следует интерпретировать нынешнее положение дел в Ливане?

Основная цель этой статьи – оценить возможности и слабые стороны консоциативной системы в конфессиональной среде. Исследовательская гипотеза состоит в том, что как только религиозное представительство становится существенно институционализированным, осуществление политического представительства исключительно на религиозной основе может иметь негативные последствия. В данном исследовании политическая модель Ливана рассматривается как модель плюралистической демократии на Ближнем Востоке. Это помогает нам понять возможности и слабые стороны ливанской модели консоциативной демократии, основанной на принципах политического конфессионализма.

Ливан как консоциативная демократия

Аренд Лейпхарт представляет консоциационализм как политическую теорию, часто находящую отражение в разделенных и много-

конфессиональных нациях. Эта модель предсказывает, что политические элиты, принадлежащие к разным религиям или субкультурам, будут идти на компромисс в прагматичных институциональных рамках, способствующих демократической стабильности. Парламентская консоциативная демократия ставит целью избежать конфессиональных конфликтов, должным образом представляя демографический состав общества внутри государства, в первую очередь религиозные группы и группы меньшинств [4, р. 860]. Эта структура часто предлагается в качестве решения субнациональных и религиозных конфликтов на Ближнем Востоке, поскольку она представляет собой наиболее многообещающую и реалистичную систему управления конфликтами, способную обеспечивать и поддерживать мир в странах, где имеют место внутренние конфликты. Консоциационализм доказал свою эффективность и надежность в ряде стран, несмотря на вопросы о качестве и перспективах демократии в этих государствах [5, р. 111].

Перед правительством Ливана стоит задача управления обществом, состоящим из 18 конфессиональных групп, требующих защиты прав их меньшинств и религиозного плюрализма. Представительство групп в правительстве и государственных учреждениях обеспечивается по конфессионально-религиозному признаку. Эти рамки предусматривают пропорциональное количество занимаемых должностей в правительстве на высшем уровне и в кабинете министров для соответствующих представителей различных религиозных групп, а также справедливое распределение мест в парламенте между ними. Должности в правительстве распределяются в соответствии с конфессиями: президент – маронит, премьер-министр – мусульманин-суннит, спикер парламента – шиит, депутаты – христиане и мусульмане в соотношении 6/5. Другие государственные исполнительные и административные должности разделены аналогичным образом.

Утверждается, что Ливан по своей природе плюралистическое государство, а его конституция, законы и политика защищают и уважают свободу вероисповедания. Даже по состоянию на 2011 г., несмотря на периодические социальные столкновения из-за последствий конфликта в Сирии, не поступало сообщений о нарушениях свободы вероисповедания со стороны правительства [6].

Считается, что консоциативная система – единственная, которая может удовлетворить социальные и политические потребности страны с такими глубоко укоренившимися и закрытыми конфессиональными группами, какие мы наблюдаем сегодня в Ливане [7, р. 76]. Можно предположить, что конфессиональная система защищает Ливан от хаотической и нестабильной региональной обстановки. Действительно, Ливан является одной из самых стабильных стран в регионе на фоне беспорядков на Ближнем Востоке [8].

Таким образом, на первый взгляд кажется, что консоциативная система выполнила задачу по обеспечению стабильности в Ливане.

И. Эльбадави и С. Макдиси указали, что Ливан сохранил в целом либеральную и плюралистическую политическую среду с гражданскими свободами, в большей части свободой слова, даже несмотря на то, что консоциативная демократия, особенно в период после гражданской войны, не принесла ощутимых результатов. Ливанская модель также предложила, как утверждается, реальную возможность для различных религиозных групп разделить власть и свободно выражать свои взгляды в дебатах о государственной политике, даже если есть явные преимущества для трех основных религиозных общин: маронитов, суннитов и шиитов [9, р. 115].

Ливан до сих пор часто называют образцом плюралистической и стабильной демократии на Ближнем Востоке. Согласно общепринятому мнению, в Ливане гарантируется политическое представительство всех конфессий страны через конфессиональное устройство. Многие авторы, являющиеся сторонниками консоциативной модели, видят в ней наилучшую альтернативу для государства, учитывая высокую степень внутренней неоднородности Ливана. Несмотря на длительную гражданскую войну в соседней Сирии, Ливан смог сохранить политическую стабильность. И в известном смысле эта стабильность обеспечивается только конфессиональностью Ливана, не позволяющей стране скатиться в очередную гражданскую войну. В результате ливанский конфессионализм по-прежнему рассматривается в значительной части научных работ как наиболее успешная политическая модель, даже если принять во внимание консоциативный компромисс между гарантиями институционального порядка и вытекающим из этого дефицитом демократического качества.

Влияние разделения власти на стабильность политической системы Ливана

Конфессиональная ситуация в Ливане представляла собой серьезный и реальный вызов государству и его политической системе, и Ливан прибег к разделению власти как решению проблемы политического сектантства. Национальное соглашение в основном базировалось на разделении власти между маронитами и мусульманами, но оно укрепило власть маронитов, поскольку президентская должность в республике находится в руках маронитов, но Таифское соглашение изменило это распределение и уменьшило полномочия маронитов. Президент республики зависит от премьер-министра и парламента, а политические силы представлены в Ливане после убийства Рафика Харири в 2005 г. в виде двух основных коалиций. Коалиция 14 марта представляет суннитов и получает 72 места в парламенте. В его состав входят Движение будущего, «Ливанские силы», Партия ливанской фаланги, Национальная свободная партия, Социалистическое прогрессивное движение, Демократическое левое движение, «Ливанский национальный блок». Коалиция 8 марта получает 56 мест и является представителем шиитов и оппозиции. В нее входят «Хезболла», движение «Амаль», Движение свободных маронитов, Ливанская демократическая партия, Движение Маджд, Партия Дашнакцутюн, Сирийская национал-социалистическая партия, Арабская социалистическая партия «Баас», Движение солидарности. Палата представителей состоит из 128 мест и делится следующим образом: 34 маронита, 27 суннитов, 27 шиитов, 14 православных, 8 друзов, 8 католиков, 5 православных армян, 2 алавита, 1 армяно-католик, 1 евангелист и 1 представитель христианских меньшинств.

Проблема исследования концентрируется на идее разделения власти, а исследовательский вопрос звучит так: «Каково влияние разделения власти на стабильность ливанской политической системы?». Ливан состоит из 18 этноконфессиональных групп, и каждая конфессия имеет свой собственный закон о личном статусе, а официальная перепись населения не проводилась с 1932 г. Закон основан на процентном соотношении каждой секты, потому что эта перепись неизбежно приведет к изменению баланса основных сил в Ливане и, следовательно, к перераспределению власти на основе процентного соотношения каждой конфессии.

Неофициальная статистика (2022 г.), подтверждающая, что доля шиитов стала составлять 45% населения, причем большинство шиитов сосредоточено в Южном Ливане и западных и северных районах долины Бекаа, Библе, Бальбеке, Бейруте, Кесерване и севере Ливана, а некоторые алавиты проживают в районе Джебель-Мохсен в Триполи, и большинство шиитов принадлежат к шиитам-двунадесятникам. Шииты начали появляться в Ливане со времен имама Мусы ас-Садра. Работа по улучшению условий жизни шиитов в стране началась с создания Высшего ливанского шиитского совета, а Южная ассамблея была сформирована после израильского вторжения в Ливан. Ливан способствовал формированию движения «Амаль» для противостояния израильской агрессии, а затем появлению «Хезболлы» в качестве перебежчика из «Амаль», потому что она хотела установить связь с Ираном. «Хезболла», казалось, сопротивлялась Израилю в 1982 г. и представляла собой главную силу для Ирана и Сирии внутри Ливана. После вывода израильских войск в 2000 г. «Хезболла» продолжала активную деятельность, а после израильского конфликта в 2006 г. решила участвовать в политической жизни и получить места, чтобы представлять ее в парламенте и правительстве как главный представитель шиитов в союзе с движением «Амаль», с Маронитами и рядом других партий и контролировать оппонентов в парламенте. В правительстве, состоящем из 30 министров, шииты получают 5 министерств, 6 – у маронитов, 7 – у суннитов, 4 – у греков-православных, 3 – у римо-католиков, 3 – у друзов и 2 – у православных армян. Шииты объединились с движением маронитов, потому что оно имеет наибольшее количество мест в правительстве и парламенте и, таким образом, будет блокировать оппонентов.

Точно так же Мишель Аун, глава маронитского национального движения, присоединился к альянсу 8 марта и вступил в союз с «Хезболлой», чтобы гарантировать, что сирийская сторона не причинит ему вреда, и обеспечить поддержку «Хезболлой» его кандидатуры на пост президента. Главной проблемой «Хезболлы» и движения «Амаль» как представителей шиитов с Коалицией 14 марта был вопрос разоружения «Хезболлы», Ливанского международного трибунала и блокирования оппонентов в парламенте и правительстве. В 2010 г. шииты свергли Правительство Национального согласия, когда их министры вышли из правительства в

знак протеста против политики Саада Харири. Кроме того, шиитам удалось помешать выборам президента Республики в период с 2014 по 2016 г. Из-за своей приверженности к назначению Мишеля Ауна президентом Республики для достижения своих требований и целей, а также потому, что «Хезболла» представляет шиитов в качестве основного участника в разделении власти, баланс сил склоняется в их сторону.

В исследовании подняты проблемы, связанные с основным исследовательским вопросом, затронут ряд событий и кризисов в Ливане, описаны шиитские конфессии и кризисы. Можно сделать вывод о том, что плюрализм не является решающим критерием для достижения примирения, особенно если общество страдает от проблем перенаселенности, застоя и политического насилия. Нельзя назвать эффективным использование модели консенсуса для решения всех проблем, с которыми сталкивается Ливан. Ключевыми должны стать факторы справедливости и равноправия, и интересы государства должны иметь приоритет над интересами конкретной группы.

Отметим наиболее важные результаты исследования.

В Ливане существуют серьезные социальные, политические и экономические проблемы, решение которых должно проводиться в рамках большой национальной конференции, включающей все партии и представителей конфессии, для принятия конкретного закона о выборах и внесения поправок в конституцию.

Одной из важнейших проблем, стоящих перед ливанским режимом и толкающих его на грань краха, являются экономические проблемы, на которые конфессии не обращают внимания, а сосредотачиваются на достижении политической выгоды и навязывании своей власти другим конфессиям. Так, необходимо добиться развития бедных районов и маргинализированных групп, чтобы они не присоединялись к определенным организациям и были лояльны государству.

Существует серьезный раскол в рядах политиков, и поэтому конфессиональная система квот в Ливане должна быть пересмотрена согласно новой переписи населения 2017 г., которая показывает демографическую структуру Ливана.

Исследование показало, что Ливан страдает от большой политической и институциональной стагнации и впадает в кризисы вакантных политических позиций в последо-

вательные периоды без радикального решения кризиса, а модель консенсуса не может найти решение этих кризисов.

Смена правительств в Ливане сильно влияет на политическую стабильность, потому что каждое правительство представляет определенную коалицию и стремится достичь определенных требований, отличных от тех, которые ему предшествовали.

Ливан подвержен крупным внешним и региональным интервенциям, особенно со стороны Ирана и Сирии, которые поддерживают шиитов, особенно «Хезболлу», а также со стороны Саудовской Аравии, поддерживающей суннитов. Необходимо отметить, что до сих пор у Ливана нет официального дипломатического представительства в Сирии, в связи с чем взаимное недовольство сторон не ослабляется.

Ливанская модель консенсуальной демократии не предлагает политических решений для выхода из кризисов, а скорее, обеспечивает временные консенсусные решения между этноконфессиональными группами после того, как все возможные политические решения были исчерпаны.

Конфессиональная система квот в значительной степени исказилась и поставила Ливан под тяжесть сектантских противовесов, сделав его уязвимым для внутреннего и внешнего конфликта.

Следовательно, Ливан должен найти систему, гарантирующую права составляющих общество групп, а не полагаться на консенсуальную модель, которая представляет собой временное решение кризисов и отказ от этноконфессиональной лояльности.

Список литературы

1. Bielefeldt H. Report of the Special Rapporteur on freedom of religion or belief on his mission to Lebanon : note / by the Secretariat. UN Human Rights Council. Geneva: UN, 30 Nov. 2015. 23 p. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/819283?ln=ru> (дата обращения: 11.01.2023).
2. Керимов А. А. Консоциальная демократия в Ливане: современные вызовы и перспективы развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2021. Т. 23, № 3. С. 364–378. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2021-23-3-364-378>
3. Rowell A. The coming parliamentary stitch-up. Lebanese-Canadian Coordinating Council (LCCC), 2016. URL: <https://eliasbejjaninews.com/archives/40833/alex-rowellnow-lebanon-the-coming-parliamentary-stitch-up/> (дата обращения: 12.01.2023).

4. *Lijphart A.* Encyclopedia of Democratic Thought / ed. by P. B. Clarke, J. Foweraker. London ; New York : Routledge, 1995. 982 p.
5. *Lustick L.* Lijphart, Lakatos, and Consociationalism: Almond and Lijphart: Competing Research Programs in an Early-Lakatosian Mode // *World Politics*. Johns Hopkins University Press, 1997. Vol. 50, № 1. P. 88–117. <https://doi.org/10.1017/S0043887100014738>
6. Department of State (USA). International Religious Freedom Report, Bureau of Democracy, Human Rights and Labor. 2011. Washington DC, URL: <https://2009-2017.state.gov/j/drl/rls/irf/2011religiousfreedom/index.htm#wrapper> (дата обращения: 12.01.2023).
7. *Barclay S.* Consociationalism in Lebanon // *CUREJ: College Undergraduate, Research Electronic Journal*, University of Pennsylvania, USA, 2007. 30 March. P. 72–75. URL: <https://repository.upenn.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1082&context=curej> (дата обращения: 12.01.2023).
8. *Somsen H.* The Rise and Fall of Confessionalism in the Netherlands: Linkages to Lebanon // *American University of Beirut (AUB)*, 2016. URL: <https://www.beirut.com/l/46215> (дата обращения: 12.01.2023).
9. *Democracy in the Arab World: Explaining the Deficit* / ed. by I. Elbadawi, S. Makdisi. London : Routledge, 2010. 352 p. <https://doi.org/10.4324/9780203852866>

Поступила в редакцию 17.03.2023; одобрена после рецензирования 25.04.2023; принята к публикации 15.05.2023
The article was submitted 17.03.2023; approved after reviewing 25.04.2023; accepted for publication 15.05.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 467–473

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 467–473

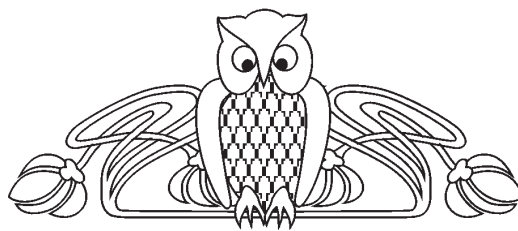
<https://soziopolit.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-467-473>, EDN: OLHGKD

Научная статья

УДК 327

Угрозы гуманитарной безопасности в Латинской Америке

А. С. Смирнова

¹Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Россия, 123001, г. Москва, ул. Большая Садовая, д. 14

²Московский государственный лингвистический университет, Россия, 119034, г. Москва, ул. Остоженка 38, стр. 1

Смирнова Анастасия Сергеевна, ¹младший научный сотрудник научно-исследовательского отдела (военно-гуманитарных исследований); ²соискатель кафедры политологии, smirnova.nastya.2021@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6857-7156>

Аннотация. Латинская Америка, как и любой другой регион мира, подвержена угрозам, которые негативно влияют на уровень жизни людей. В статье выделяются и анализируются основные экономические, социальные, политические, экологические угрозы региона с отсылкой на документы международных организаций, таких как ООН, Всемирный банк, Human Rights Watch и экспертов в области рассматриваемых проблем. Отмечается, что непосредственная экономическая угроза гуманитарной безопасности возникает из-за падения производства, потери дохода и роста безработицы, что приводит к значительному увеличению бедности и снижению уверенности граждан в завтрашнем дне. На фоне мировых кризисов Всемирный банк прогнозирует скромный прирост ВВП стран на ближайшие годы. Выделены три социальные группы, которые больше всего подвержены угрозам гуманитарной безопасности: мигранты, коренное население, женщины и дети. Общей проблемой для региона является высокий процент случаев насилия, которые исходят также от органов власти. Главной угрозой политической безопасности граждан выступает слабость демократий, поскольку данный политический строй в регионе существует около сорока лет и еще не является таким развитым, как в других регионах мира. Высокий уровень коррупции среди должностных лиц усугубляет ситуацию, что часто приводит к митингам и забастовкам по всему региону. Среди транснациональных угроз гуманитарной безопасности отмечаются терроризм и организованная преступность, включая отмывание денег и незаконный оборот наркотиков, а также незаконный оборот короткоствольного оружия. Данные угрозы несут прямую опасность жизни людей. На фоне вырубки тропических лесов угроза экологической безопасности стоит крайне остро. Опасность состоит в том, что обезлесение ведет к лишению коренных народов Латинской Америки их среды обитания, что напрямую влияет на гуманитарную безопасность региона.

Ключевые слова: гуманитарная безопасность, Латинская Америка, социально-экономические угрозы, транснациональные угрозы, ООН, социальное насилие

Для цитирования: Смирнова А. С. Угрозы гуманитарной безопасности в Латинской Америке // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 467–473. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-467-473>, EDN: OLHGKD

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Threats to human security in Latin America

A. S. Smirnova

Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Russian Defense Ministry, 14 Bolshaya Sadovaya St., Moscow 123001, Russia
Moscow State Linguistic University, 38, build.1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russia

Anastasia S. Smirnova, smirnova.nastya.2021@bk.ru, <https://orcid.org/0009-0003-6857-7156>

Abstract. Like any other region of the world Latin America is a subject to threats that negatively affect the standard of living of people. The author identifies and analyzes the main economic, social, political, and environmental threats of the region, referring to the documents of international organizations such as the UN, the World Bank, Human Rights Watch and experts studying the problems. The author notes that the immediate economic threat to human security arises from a drop in production, loss of income and rising unemployment, which leads to a significant increase in poverty and a decrease in citizens' confidence in the future. Against the backdrop of global crises, the World Bank forecasts a modest increase in the GDP of countries in the coming years. The author identifies three social groups that are most vulnerable to threats to human security: migrants, indigenous people, women, and children. A common problem for the region is the high percentage of cases of violence that also come from the authorities. The main threat to the political security of citizens is the weakness of democracies, since this political system in the region has existed for about forty years and is not yet as developed as in other regions of the world. The high level of corruption among

officials aggravates the situation in the country, which often leads to rallies and strikes throughout the region. Among the transnational threats to human security, the author notes terrorism and organized crime, including money laundering and drug trafficking, as well as trafficking in short-barreled weapons. These threats pose a direct danger to people's lives. Against the background of deforestation of tropical forests, the threat to environmental security is extremely acute. The danger is that deforestation leads to the deprivation of indigenous peoples of their habitat, which directly affects the human security of the region.

Keywords: human security, Latin America, socio-economic threats, transnational threats, UN, social violence

For citation: Smirnova A. S. Threats to human security in Latin America. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 467–473 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-467-473>, EDN: OHLGKD

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В Латинской Америке окончание холодной войны совпало с процессами демократизации и умиротворения в некоторых странах Южной и Центральной Америки. Говоря о новом сценарии безопасности в Северной и Южной Америке, необходимо учитывать как минимум пять его характерных признаков:

1) Латинская Америка и Карибский бассейн занимали и занимают маргинальное положение в глобальных стратегических вопросах;

2) Латинская Америка и Карибский бассейн демонстрируют низкие военные расходы по сравнению с остальным миром;

3) Латинская Америка достигла консенсуса в отношении общей концептуальной основы безопасности;

4) Внутренние конфликты преобладают над межгосударственными;

5) Соединенные Штаты были ведущим игроком в регионе и Западном полушарии во время холодной войны и продолжают оставаться сегодня.

Современные факторы отсутствия безопасности являются синтезом многих элементов, представляющих собой дисфункции в политической, экономической, социальной, экологической и даже культурной сферах. В случае Латинской Америки основные угрозы гуманитарной безопасности связаны с целым рядом обстоятельств, включая слабость демократии, рост нищеты и неравенства, а также рост насилия и преступности в городах. Несмотря на многосторонние усилия, предпринимаемые правительствами и гражданским обществом для устранения этих факторов уязвимости, для решения указанных проблем еще предстоит пройти долгий путь.

Экономическая и социальная уязвимость является отражением растущей неспособности производственных, торговых и финансовых систем решать проблемы, с которыми сталкиваются люди, в первую очередь проблемы нищеты, распределения доходов и растущей безработицы. С точки зрения гуманитарной безопасности крайне важно найти наиболее подходящие средства для решения этих проблем.

При рассмотрении некоторых показателей для Латинской Америки отмечаются низкие темпы роста и повышенная уязвимость перед лицом потрясений в международной экономике, рост внешней задолженности и высокий уровень безработицы. Последнее порождает картину экономической неопределенности для стран региона.

Экономические кризисы в развивающихся странах бывают часто. Непосредственная угроза гуманитарной безопасности возникает из-за падения производства, потери дохода и роста безработицы, что приводит к значительному увеличению бедности и снижению уверенности граждан в завтрашнем дне. В целом финансовые кризисы могут иметь пагубные последствия для гуманитарной безопасности в долгосрочной перспективе.

Говоря о росте ВВП в странах региона в 2023–2024 гг., Всемирный банк делает весьма печальные прогнозы. Если в 2021 г., в период постпандемийного восстановительного роста, этот показатель измерялся двузначными числами, то динамика на ближайшие два года характеризуется средним показателем прироста в 2% ВВП [1]. Поскольку экономики латиноамериканских стран еще очень слабы, они наиболее остро переживают любые изменения мировой экономики. Нынешнее положение дел с экономической блокадой России и переориентацией экономик ведущих стран на других партнеров также негативно сказывается и на данном регионе.

Одним из важнейших экономических показателей региона является занятость населения. С точки зрения гуманитарной безопасности данная проблема имеет решающее значение, поскольку уровень гуманитарной безопасности во многом зависит от способности граждан самостоятельно содержать себя и свои семьи. Рост безработицы в наибольшей степени влияет на безопасность в регионе.

Пандемия коронавируса оказала сильнейшее воздействие на занятость населения в мире и в латиноамериканском регионе. 2020 год характеризовался сокращением рабочих мест на

20% и, соответственно, увеличением безработного населения. К концу 2021 г. занятость населения возросла почти до уровня, предшествовавшего пандемии. В 2023 г. ожидается, что доля безработного населения составит 8,8%, однако допандемийный показатель (7,9%) все равно достигнут не будет [2].

Следует отметить, что в случае Латинской Америки существуют три тенденции в контексте гуманитарной безопасности, которые следует учитывать. Во-первых, рост безработицы совпадает с ростом числа самозанятых, которые зачастую не учитываются в статистических данных и не имеют адекватной социальной защиты. Во-вторых, рост безработицы во многих странах сопровождается повышением уровня преступности, особенно среди молодежи. В-третьих, безработица является одной из основных причин массовых миграционных процессов в развитые страны.

Во всех странах региона уровень безработицы среди молодежи значительно выше, чем среди остальных возрастных групп. А в возрастном диапазоне от 15 до 24 лет безработица значительно выше именно среди женщин, что, в частности, можно объяснить их плачевным положением в рассматриваемом регионе. В Мексике, Боливии и Бразилии женщины имеют доход на 40% ниже по сравнению с мужчинами.

В регионе насчитывается 23 млн чел., которые не учатся и не работают, а более 30 млн имеют только неофициальную занятость. Во время пандемии коронавируса в Латинской Америке и Карибском бассейне, по разным оценкам, количество безработных увеличилось на 31 млн чел. Безработица среди женщин в 2020–2021 гг. сохранялась на уровне 12,4%, что выше, чем в 2019 г. (9,4%) [3].

Сохранение высокого уровня бедности в регионе в сочетании со слабостью демократических институтов серьезно сказывается на социальной интеграции традиционно маргинализированных групп населения, которые подвергаются серьезной дискриминации. Особенно уязвимыми в Латинской Америке являются индейские племена и иммигранты первого поколения.

В регионе крупным кризисом последних лет, который усилил потоки иммиграции, стало положение Венесуэлы, превратившейся в крупнейший источник эмиграции в регионе. В 2020 г. более 7,2 млн венесуэльцев покинули страну. Основными принимающими странами остаются Колумбия, Эквадор и Перу. Помимо обострения криминогенной обстановки и роста межэтнической напряженности, которые при-

носят с собой иммигранты, они также негативно влияют на экономику страны, что вдвойне отрицательно сказывается на гуманитарной безопасности.

По оценкам ООН, в Латинской Америке и Карибском бассейне 42,7 млн чел. живут за пределами своей родины [4]. Из них подавляющее большинство направляется в США и в меньшей степени в другие развитые страны (Япония, Канада, Испания, Италия и др.). Эти цифры свидетельствуют о том, что в Латинской Америке миграция не прекратилась и не прекратится, несмотря на ограничения мобильности, введенные региональными правительствами, чтобы прекратить распространение вируса SARS-CoV-2. Однако пандемия еще больше усугубила проблемы, с которыми сталкиваются мигрирующие латиноамериканцы.

Среди присущих региону сложностей стоит выделить социальную и культурную дискриминацию, которой подвергаются иммигранты из бедных стран. Обострение ксенофобских настроений, а также ужесточение миграционной политики серьезно усложняют жизнь этим людям и их политическую, экономическую и социальную интеграцию в принимающие общества. Такая ситуация характерна не только для промышленно развитых стран. Примеры боливийцев в Аргентине, гватемальцев в Мексике, доминиканцев в Коста-Рике и перуанцев в Чили свидетельствуют о маргинализации и изоляции иммигрантов. В случае Чили перепись 2002 г. показала, что число иммигрантов из Перу составляет около 40 тыс. Большинство из них работали на низкоквалифицированных работах (домашняя прислуга, строительство и торговля) и сталкивались с неблагоприятным отношением со стороны чилийцев.

Еще одной серьезной проблемой региона является незаконный оборот наркотиков и торговля людьми. Согласно Глобальному отчету о торговле людьми за 2018 г., опубликованному УНП ООН [5], с 2003 г. во всем мире отмечается рост числа жертв торговли людьми, причем регион Латинской Америки является одним из лидеров этой тенденции. В Южной Америке сексуальная эксплуатация преобладает в 64% случаев, жертвами которой становятся 96% женщин. Следует отметить, что принудительный труд является второй по распространенности формой эксплуатации: на него приходится 35% по сравнению с другими формами эксплуатации, на которые приходится 1%.

Женщины и девочки составляют большинство жертв торговли людьми в Латинской Америке и Карибском бассейне. На Централь-

ную Америку и Карибский бассейн приходится 79% выявленных случаев торговли женщинами. Важно отметить, что в этих субрегионах из общего количества женщин, ставших жертвами торговли людьми, 40% являются несовершеннолетними, что представляет собой один из самых высоких показателей в мире.

Руководитель отдела исследований Управления ООН по наркотикам и преступности Анжела Ме объяснила, что сексуальная эксплуатация девочек может быть связана с другими явлениями в регионе, такими как высокий уровень убийств женщин и других случаев гендерного насилия, что отражает «культуру неравенства, в которой женщины и девочки пользуются меньшим уважением, чем мужчины» [6, р. 3].

Следует выделить третью социальную проблему рассматриваемого региона. Исторически так сложилось, что в Латинской Америке требования коренных народов игнорировались правительствами. Последнее привело к возникновению ситуации большой неопределенности и породило движение коренных народов в Чьяпасе (Мексика), Эквадоре и Боливии, которые в некоторых случаях оказывали сильное давление на правительства.

Во всем регионе явно выделяются по меньшей мере три основных действующих лица социальных конфликтов данного типа. С одной стороны, это общины коренных народов, с другой стороны, государства и, наконец, национальные и международные компании, которые хотят воспользоваться природными ресурсами на землях коренных народов. Существенной является степень маргинализации коренных народов в районах с высокой долей коренного населения, как, например, в странах Анд. Эта маргинализация связана с высоким уровнем нищеты. Для решения данной проблемы необходимо изменить социальную политику в отношении коренных народов в направлении уменьшения многочисленных экономических, политических и культурных проблем, с которыми они сталкиваются.

Рост социального насилия тоже является проблемой гуманитарной безопасности, поскольку на карту в конечном итоге поставлена жизнь людей.

Основным драйвером роста преступности является организованная преступность, особенно в сфере незаконного оборота наркотиков и сопутствующей деятельности.

Явление преступности порождается сложным сочетанием факторов:

- высокий уровень бедности среди населения;

- система исполнения наказаний, которая не способствует перевоспитанию преступников;

- отсутствие социальных лифтов для уязвимых групп населения, главным образом малоимущей молодежи;

- репрессивный уклон в работе правоохранительных органов, отсутствие профилактики преступлений в системе приоритетов полиции;

- хаотичная урбанизация, которая не способствует приобщению новых горожан к городскому образу жизни и создает условия для их втягивания в антисоциальную деятельность;

- широкий доступ преступников к оружию и др.

Преступность в странах Латинской Америки также имеет тенденцию к росту. По данным ООН, с 2000 по 2018 г. показатели смертности от применения оружия выросли в Бразилии, Венесуэле, Ямайке и Пуэрто-Рико, а лидером в этом отношении стала Мексика, где увеличение составило 200% [6]. Разумеется, есть страны, например Уругвай, которые достаточно успешно борются с этой проблемой, однако вышеописанный комплекс факторов не позволяет побороть проблему в регионе в целом.

Насилие оказывает глубокое пагубное воздействие на развитие стран и является катализатором негативных тенденций в обществе в целом. На макроэкономическом уровне оно приводит к сокращению инвестиций, тем самым подрывая возможности долгосрочного роста. В микроэкономике это препятствует инвестициям в образование и побуждает молодежь развивать преступные навыки, а не учиться.

Еще одной проблемой в некоторых странах региона является полицейское насилие. Согласно докладу Human Rights Watch (2022 г.), ситуация в этой области значительно улучшилась. В начале 2000-х гг. печальное лидерство в этом вопросе прочно удерживали за собой Бразилия, Колумбия и Гватемала. Сейчас наиболее остро эта проблема стоит в Бразилии, где в 2020 г. были убиты 6400 чел., в Колумбии, Перу и Венесуэле число жертв не достигает 200 чел. [8, р. 38, 308, 522].

В XX в. в странах Латинской Америки и Карибского бассейна к власти часто приходили диктаторы и военные хунты. Регион имел катастрофическую историю нарушений прав человека в диктаторские периоды. В конце XX в. в латиноамериканских странах начала зарождаться демократия, которая оказалась наиболее подходящей политической системой для достижения целей мира, свободного от страха и нужды.

Демократии Латинской Америки, как правило, слабы. За редкими исключениями в странах региона наблюдаются серьезные политические и институциональные недостатки, проявляющиеся в повторяющихся кризисах, неправомерном вмешательстве вооруженных сил во внутриполитические вопросы в некоторых странах, несоблюдении основных гарантий, политических и гражданских прав, показателях коррупции и институционализированного насилия. В результате этого неудивительно глубокое недоверие к политическим партиям и абсентеизм.

В 2019 г. в Эквадоре вспыхнули массовые протесты по поводу меры, известной как «Пакетасо» президента Ленина Морено, в которой он, в частности, предложил отменить субсидии на топливо. Протесты закончились спустя дни хаоса в нескольких городах Эквадора. Протесты в Чили начались в середине октября 2019 г. из-за роста цен на билеты в метро Сантьяго (мера, которая была отменена президентом Себастьяном Пиньерой несколько дней спустя). В Колумбии массовые протесты вспыхнули 28 апреля 2021 г. против правительства президента Ивана Дукес, который отверг налоговую реформу, предложенную его правительством 15 апреля того же года. 2 мая Дукес объявил об отмене налоговой реформы после нескольких дней демонстраций. Последние годы для Перу были нелегкими, поскольку она столкнулась с социальными и политическими кризисами, усугубившимися пандемией коронавируса. В 2021 г. протестные движения в этой стране были особенно активны.

По прошествии более десяти лет демократических переходных процессов отмечается, что из 21 страны Латинской Америки менее половины полностью соблюдают политические права, включая избирательное право, право на тайное и свободное голосование и т.д.

Одним из факторов, в наибольшей степени способствующих слабости демократических систем, является сохранение коррупции. Transparency International ежегодно оценивает ситуацию с коррупцией в различных странах мира. Уругвай и Чили воспринимаются как страны с низким или средним уровнем коррупции. В остальных государствах региона этот показатель является высоким [9].

По мнению автора, существует три причины, препятствующие искоренению коррупции в регионе:

- институциональная слабость государств в борьбе с коррупцией. Слабая система контроля и неадекватные, крайне бюрократические и неэффективные системы правосудия;

- высокое социально-экономическое неравенство, высокий уровень концентрации экономических ресурсов на верхних этажах пирамиды;

- неразвитость механизмов социального контроля. Широко распространенная практика политической кооптации в некоторых странах региона, что создает сложную сеть социальных и институциональных отношений.

Институциональные реформы необходимы, но недостаточны для искоренения коррупции. Экономическая слабость региона в сочетании с несовершенной системой развивающейся демократии и влиянием на политику третьих сторон (картели, иностранные лоббисты и т.д.) создают возможности для коррупции. Поэтому, по мнению автора, коррупция будет еще долго оставаться частью политического ландшафта региона.

Рассмотренные выше угрозы мы квалифицируем как внутренние, т. е. они носят локальный характер и предполагают самостоятельную стратегию каждой страны по борьбе с ними. Следующий ряд угроз носит наднациональный и трансграничный характер и требует прочного международного сотрудничества для эффективного противодействия.

Терроризм и организованная преступность, включая отмывание денег и незаконный оборот наркотиков, представляют собой транснациональные угрозы гуманитарной безопасности. В силу своего характера рассмотрение такого рода угроз требует многоаспектного подхода как к пониманию такого рода проблем, так и к выработке надлежащих и согласованных ответных мер в этой области.

Незаконный оборот наркотиков представляет собой проблему, которая затрагивает гуманитарную безопасность с самых разных точек зрения, включая здоровье и личную безопасность. Искоренение торговли наркотиками является исключительно сложной проблемой. Ее сложность определяется двумя основными факторами. Во-первых, на наркотики всегда существует устойчивый спрос, прежде всего, в Европе и Северной Америке, и этот спрос порождает соответствующее предложение из стран Андского региона. Во-вторых, результаты деятельности по искоренению производства наркотиков, достигнутые в одной стране, тут же компенсируются увеличением производства в другой. Так, например, сокращение плантаций коки в Перу и Боливии в 1990–1995 гг. привело к значительному увеличению ее производства в Колумбии с 1995 г.

Еще одной транснациональной проблемой является отмывание денег. Это средство, с помощью которого наркоторговцы, террористы, незаконные торговцы оружием, коррумпированные должностные лица и т.д. могут осуществлять и расширять свою незаконную деятельность. Отмывание денег является важным источником угроз, особенно потому, что оно связано с незаконной деятельностью, способствует укреплению организованных преступных группировок и оказывает разрушительное воздействие на государственные институты, особенно на судебную систему.

Терроризм представляет собой серьезную угрозу для мира и каждого конкретного человека. Террористическая угроза в Латинской Америке выражена не настолько сильно, чтобы существенно пошатнуть гуманитарную безопасность в регионе, но в то же время и здесь государствам региона есть куда стремиться. Самой опасной в этом отношении страной в регионе можно считать Колумбию, однако и Венесуэла в ее сегодняшнем положении занимает довольно высокое место.

Незаконный оборот короткоствольного оружия – один из факторов, в наибольшей степени способствующий росту вооруженного насилия в регионе. Во всей Латинской Америке от пулевых ранений ежедневно погибают 500 человек. Достоверных статистических данных по странам Южной Америки мало, однако можно с уверенностью констатировать, что в Бразилии наблюдается рост как производства стрелкового оружия, так и его оборота. Рост незаконного владения стрелковым оружием гражданскими лицами является критическим вопросом гуманитарной безопасности во многих странах Латинской Америки. В Бразилии и Мексике количество оружия значительно превышает его количество в других странах региона.

Стоит уделить отдельное внимание теме США. Данные свидетельствуют о том, что американское оружие способствует поддержанию высокого уровня насилия в различных регионах. В случае Латинской Америки известно, что значительное количество оружия, изъятого на месте преступления, либо было произведено в Соединенных Штатах, либо сначала импортировалось в Соединенные Штаты, а затем незаконно продавалось. Некоторые факты:

- на Гаити и Багамских Островах 98% незаконного оружия поступает из США;
- в Мексике этот показатель достиг 70% за последнее десятилетие;
- в 7 странах Центральной Америки 50% незаконного оружия поступает из США (данные по Южной Америке отсутствуют) [10, р. 6.].

Очевидно, что черный рынок вооружений существует и активно развивается. Кроме того, следует иметь в виду, что США могут выступать как в роли борца с терроризмом, так и в роли его спонсора.

В последние годы одной из основных тем мировой повестки дня в области гуманитарной безопасности стал глобальный экологический кризис. По утверждению теоретиков глобального управления, кризис вызван изменением климата, а именно глобальным потеплением. Подчеркивается, что эта проблема носит планетарный масштаб и имеет в основном антропогенное, а не природное происхождение. Данная проблема характерна и для Латинской Америки.

Утрата лесов и видов растений, нехватка воды и засуха, как правило, приводят к социально-политическим катастрофам, вооруженным конфликтам и вынужденной миграции, которые, в свою очередь, усугубляют деградацию, эрозию и опустынивание почв. Обусловленная этим потеря пахотных площадей в значительной степени способствует обострению одной из главных угроз гуманитарной безопасности на глобальном и региональном уровнях – голода и недоедания.

Нетронутые тропические леса, которые в большинстве своем находятся в Бразилии и являются средой обитания для сотен растений и животных, особенно подвержены риску исчезновения. В 2002–2019 гг. в этой стране вырубалось в среднем 3–4 га девственных тропических лесов в год, а в 2016 г. этот показатель достиг 6 га [11, р. 2]. Вырубка лесов представляет угрозу для человека, особенно для представителей коренных диких племен, проживающих в районе бассейна реки Амазонка. Данная проблема характерна для Колумбии и Бразилии. Однако, как говорилось выше, проблема коренных народов почти никогда не получала статуса приоритетной в рассматриваемом регионе, а дикие племена получают еще меньше правительственного внимания, что только усиливает данную угрозу.

Рассмотрев угрозы гуманитарной безопасности в регионе Латинской Америки, мы можем выделить основные из них:

- слабый экономический рост, порождающий бедность и безработицу;
- уязвимое положение женщин и молодежи;
- высокий уровень насилия в обществе;
- шаткое положение коренных народов;
- торговля людьми;
- высокая миграция в регионе;
- слабый демократический строй;

- недостаточная ратификация основных документов ООН;
- коррупция;
- отмывание денег, терроризм и продажа оружия;
- экологические проблемы.

Осмыслив все вышесказанное, можно сделать вывод, что в рассматриваемом нами регионе существует множество взаимосвязанных проблем. Между социальными и политико-экономическими проблемами латиноамериканских государств существует положительная обратная связь, когда одни проблемы усиливают другие и наоборот. Соответственно, мы приходим к выводу, который заявлен в докладе Комиссии по гуманитарной безопасности, – все угрозы взаимосвязаны. Единственным способом выхода из такого положения является одно-временная работа по всем направлениям. Это, в частности, было предусмотрено Повесткой дня в области устойчивого развития на период до 2030 года, принятой более 70 странами мира [12]. Данная программа ООН предполагает реализацию 17 целей устойчивого развития для улучшения качества жизни людей.

Поскольку регион составляют в основном развивающиеся страны, в них происходит процесс становления государственного строя (в большинстве стран произошел демократический транзит), а экономики (где в основном преобладают добывающая промышленность и сельское хозяйство) пока еще не обрели устойчивую ресурсную базу, чтобы перейти на следующую стадию развития. Преступные синдикаты, заинтересованные в торговле оружием, наркотиками и людьми, имеют тесные связи с правительствами, чему благоприятствует эндемическая коррупция. Такое положение дел препятствует нормальному развитию стран региона, что отражается на уровне жизни населения, подталкивая его к незаконным путям заработка.

Несмотря на все существующие проблемы, Латинская Америка добилась также и определенных успехов в деле укрепления гуманитарной безопасности. Существенную роль в этих достижениях сыграли внешнее финансирование и международные проекты. Поэтому в настоящее время ситуация в регионе значительно улучшилась по сравнению с концом прошлого века, хотя уровень жизни там еще далек от мировых стандартов.

Список литературы

1. Banco Mundial, Perspectivas económicas mundiales: América Latina y el Caribe, Enero de 2023. URL: <https://thedocs.worldbank.org/en/doc/c7292ee84f-0635b28721419e3b367d0e-0350012023/related/GEP-January-2023-Regional-Highlights-LAC-SP.pdf> (дата обращения: 26.02.2023).
2. Noticias ONY, El desempleo en América Latina bajará en 2022, aunque seguirá más alto que antes de la pandemia. URL: <https://news.un.org/es/story/2022/01/1502672> (дата обращения: 27.02.2023).
3. Desempleo impacta más en las mujeres en Latinoamérica, según la OIT // teleSurTV.net. URL: <https://www.telesurtv.net/news/desempleo-america-latina-mujeres-oit-20220202-0006.html> (дата обращения: 27.02.2023).
4. Acuña-Alfaro J., Khoudour D. El potencial de la migración en América Latina y el Caribe, 2020. URL: <https://www.undp.org/es/blog/el-potencial-de-la-migracion-en-america-latina-y-el-caribe> (дата обращения: 24.02.2023).
5. Global Report on Trafficking in Persons 2018. URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/glotip/2018/GLOTiP_2018_BOOK_web_small.pdf (дата обращения: 27.02.2023).
6. Morales J. A. Trata de personas: el mal ejemplo de Latinoamérica, 2019. URL: <https://www.dw.com/es/trata-de-personas-el-mal-ejemplo-de-latinoamerica/a-49815476> (дата обращения: 25.02.2023).
7. Naciones Unidas, UNdata, 2021. URL: <https://data.un.org/DocumentData.aspx?q=homicide&id=432> (дата обращения: 24.02.2023).
8. Human Rights Watch, Report 2022. URL: <https://www.hrw.org/worldreport/2022.pdf> (дата обращения: 25.02.2023).
9. Transparency International, Corruption Perceptions Index, 2021. URL: <https://www.transparency.org/en/cpi/2021> (дата обращения: 27.02.2023).
10. Esparza D. P., Ricart C. A. P., Vargas E. W. Gun Trafficking and Violence: From The Global Network to The Local Security Challenge. Cham : Springer Nature Switzerland, 2021. 314 p. <http://dx.doi.org/10.1007/978-3-030-65636-2>
11. Wiesse M., Goldman L. La Destrucción de los Bosques Primarios Aumentó un 12% de 2019 a 2020. 2021. URL: <https://www.globalforestwatch.org/blog/es/data-and-research/datos-globales-de-perdida-de-cobertura-arbo-rea-2020/> (дата обращения: 27.02.2023).
12. 17 Goals to Transform Our World. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 25.02.2023).

Поступила в редакцию 25.04.2023; одобрена после рецензирования 10.05.2023; принята к публикации 10.08.2023
The article was submitted 25.04.2023; approved after reviewing 10.05.2023; accepted for publication 10.08.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 474–481

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 474–481

<https://soziopolit.sgu.ru>

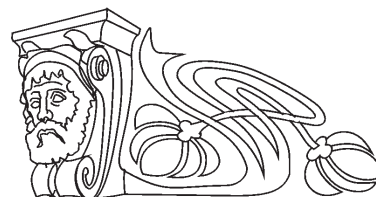
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-474-481>, EDN: FIHMQR

Научная статья

УДК 327.3

Управление чрезвычайными ситуациями и глобализация: вызовы современности

Сунь Есинь

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Россия, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1

Сунь Есинь, аспирант кафедры политического анализа, holmemeng@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9160-3259>

Аннотация. Глобализация оказывает значительное влияние на процесс управления чрезвычайными ситуациями. Пандемия коронавируса COVID-19 показала актуальность изучения проблемы глобализации применительно к управлению чрезвычайными ситуациями. Тем не менее данная тема слабо изучена в российской науке, получив при этом определенное освещение за рубежом. В статье рассматриваются как позитивные, так и негативные аспекты влияния глобализации на процесс управления чрезвычайными ситуациями. К вызовам глобализации можно отнести: появление новых типов кризисов; проблему сохранения национального суверенитета; неравномерность эффективности менеджмента чрезвычайными ситуациями; сложность в координации действий, информационные угрозы и пр. К позитивным аспектам относятся повышение эффективности и скорости реагирования на чрезвычайные ситуации по всему миру, увеличение ресурсной базы, а также транзит знаний и технологий. Даются определенные рекомендации по преодолению вызовов глобализации для повышения эффективности ее позитивного влияния на процесс управления чрезвычайными ситуациями, такие как создание специализированных международных организаций, разработка международных стратегий реагирования на чрезвычайные ситуации и создание оперативных каналов обмена достоверной информацией.

Ключевые слова: чрезвычайные ситуации, менеджмент чрезвычайных ситуаций, глобализация, COVID-19, международное сотрудничество, суверенитет, оценка рисков, международные организации

Для цитирования: Сунь Есинь. Управление чрезвычайными ситуациями и глобализация: вызовы современности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 474–481. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-474-481>, EDN: FIHMQR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Emergency management and globalization: Modern challenges

Sun Yexin

Lomonosov Moscow State University, GSP-1 Leninskie Gory, Moscow 119991, Russian

Sun Yexin, holmemeng@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0008-9160-3259>

Abstract. Globalization has a significant impact on the process of emergency management. The COVID-19 pandemic has shown the relevance of studying the problem of globalization in relation to emergency management. Nevertheless, this topic has been poorly studied in Russian science, while receiving some coverage abroad. This article examines both positive and negative aspects of the impact of globalization on the process of emergency management. The challenges of globalization include the emergence of new types of crises, the problem of preserving national sovereignty, uneven effectiveness of emergency management, difficulty in coordinating actions, information threats, etc. The positive aspects include an increase in the efficiency and speed of emergency response around the world, an increase in the resource base, as well as the transit of knowledge and technology. The author gives certain recommendations in overcoming the challenges of globalization to increase the effectiveness of its positive aspects on the process of emergency management, such as the creation of specialized international organizations, the creation of international emergency response strategies and the creation of operational channels for the exchange of reliable information.

Keywords: emergencies, emergency management, globalization, COVID-19, international cooperation, sovereignty, risk assessment, international organizations

For citation: Sun Yexin. Emergency management and globalization: Modern challenges. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 474–481 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-474-481>, EDN: FIHMQR

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Чрезвычайные ситуации могут возникать как в пределах отдельного замкнутого сообщества (района, города, страны), так и иметь гло-

бальный характер. В условиях глобализации растет взаимная зависимость между странами и их регионами, и требуется формирование

адекватного отклика на чрезвычайные ситуации и создание международных стратегий реагирования на них.

Актуальность изучения влияния глобализации на процесс управления чрезвычайными ситуациями обуславливается множественными факторами, связанными, с одной стороны, с природой глобализации, с другой – с текущей политической обстановкой в мире. Во-первых, глобализация, охватывающая экономику, политику, культуру и информационные потоки, создает новые вызовы и возможности для управления чрезвычайными ситуациями. Управление чрезвычайными ситуациями становится более успешным благодаря международному сотрудничеству и обмену опытом. Глобализация создает возможность для стран и организаций работать вместе для общего блага. Землетрясение в Турции и Сирии в 2023 г. показало пример глобального ответа на чрезвычайную ситуацию. В то же время глобализация создает и новые вызовы в силу глобальной интерконнекции. Глобализация делает мир более взаимозависимым. Экономические, политические и экологические события в одной части мира могут оказать воздействие на другие регионы. Ситуация с эпидемией коронавируса COVID-19 выявила проблемы, которые несет в себе глобализация на фоне распространения вирусных заболеваний. Глобализация ускоряет распространение угроз, таких как пандемии, террористические акты и кибератаки. Быстрый отклик и координация на мировом уровне становятся критическими для предотвращения катастрофических последствий. Пандемия коронавируса стала беспрецедентным примером глобальной чрезвычайной ситуации и выявила новые проблемы, связанные с глобализацией в контексте менеджмента чрезвычайными ситуациями. Таким образом, изучение влияния глобализации на процесс управления чрезвычайными ситуациями не только актуально, но и необходимо для обеспечения безопасности и устойчивости мирового сообщества в условиях современных вызовов и угроз.

Данный вопрос слабо изучен в российской академической среде. Глобализация чаще рассматривается через призму экономических и политических кризисов. Определенное количество исследований существует в англоязычном научном пространстве. Например, можно выделить статью «Чрезвычайная политика после глобализации» коллектива авторов из Германии и Великобритании [1], «Глобализация, глобальное здравоохранение и катастрофы»

Р. Карки [2], «Глобализация стихийных бедствий: тенденции, проблемы и дилеммы» Д. Александера [3] и «Глобализация и глобальные риски: способы усовершенствования анализа рисков для повышения эффективности в противостоянии текущим угрозам» Т. Авена и Э. Зио [4]. В Китае в разное время также изучался этот вопрос. Так, в 2022 г. в Юньнаньском университете прошла международная конференция «Глобализация и антиглобализация: проблемы и контрмеры международного сотрудничества в области управления чрезвычайными ситуациями». Таким образом, хотя данный вопрос достаточно активно изучается в международном научном пространстве, в российской академической среде данная тема имеет новизну.

Цель данного исследования – выявление основных вызовов и преимуществ глобализации для управления чрезвычайными ситуациями. Для этого будет изучен практический и теоретический опыт управления чрезвычайными ситуациями в условиях глобализации. К методологии исследования относятся анализ и синтез, контент-анализ и количественный анализ, анализ документов.

Термин «глобализация» был впервые употреблен в его современном значении Р. Робертсоном в 1983 г. В целом выделяются несколько подходов к определению данного понятия.

Экономический подход. Глобализация – процесс, в рамках которого рыночные отношения, деньги, люди информация перемещаются с возрастающей частотой по всему миру, преодолевая все границы (религиозные, национальные, культурные и др.).

Политологический подход. Глобализация – процесс наращивания политологических институтов глобального уровня; мир становится единым и устойчивым.

Культурологический подход. Глобализация – процесс взаимопроникновения культурных символов и ценностей с доминантой западного влияния [5].

Французский профессор Б. Бади выделяет три измерения глобализации: глобализация как исторический процесс, глобализация как гомогенизация мира и культуры и глобализация как глобальная взаимозависимость, выражаемая в разрушении национального государственного суверенитета [6]. Именно в контексте последнего измерения следует изучать особенности менеджмента чрезвычайными ситуациями, который ранее традиционно относился к ведению органов внутренних дел государства. В новых

политических условиях, сочетающих в себе глобализацию и растущую напряженность в международных отношениях, правительства предпринимают попытки найти новые оптимальные механизмы управления чрезвычайными ситуациями, построенные на принципах баланса между внутренними (национальными) интересами, интересами участников и бенефициаров глобализационно-интеграционных процессов.

Следует отдельно остановиться на понятии чрезвычайной ситуации и ее положении в международной и российской правовой среде. Согласно Федеральному закону от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера», под чрезвычайными ситуациями (ЧС) подразумевается «обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей» [7]. При этом под трансграничной ЧС подразумевается такая чрезвычайная ситуация, поражающие факторы которой выходят за пределы территории Российской Федерации либо которые произошли за рубежом и их последствия затрагивают территорию РФ. «В числе наиболее опасных ЧС современности российская и мировая практика позволяет выделить военные и социально-политические конфликты, биолого-социальные ЧС (например, эпидемии), стихийные бедствия; техногенные катастрофы; информационные ЧС, контрактные ЧС и комбинированные ЧС» [8].

Согласно Сендайской рамочной программе по уменьшению опасности бедствий на 2015–2030 гг. [9, р. 11], под катастрофой понимается серьезное нарушение функционирования общества в любом масштабе из-за опасных событий, приводящих к человеческим, материальным, экономическим и экологическим потерям и воздействиям. Чрезвычайная ситуация часто обозначается термином «катастрофа», как, например, в контексте биологических и технологических опасностей или чрезвычайных ситуаций в области здравоохранения, которые, однако, могут также относиться к опасным событиям, не приводящим к серьезному нарушению функционирования общества. Выделяют катастрофы (чрезвычайные ситуации) разного

масштаба (небольшого масштаба и крупномасштабные катастрофы), частоты (частые и нечастые ЧС) и скорости (медленно наступающая катастрофа и внезапная катастрофа). Под управлением чрезвычайными ситуациями в ООН подразумевается «организация и управление ресурсами и обязанностями для решения всех аспектов чрезвычайных ситуаций и эффективного реагирования на опасное событие или стихийное бедствие» [9, р. 16]. Также управление чрезвычайными ситуациями можно определить как «комплекс мероприятий, которые выполняются до, во время и после стихийного бедствия с целью предотвращения гибели людей, уменьшения воздействия стихийного бедствия на экономику и восстановления нормального или даже улучшенного положения дел» [10].

Разнообразие подходов к понятию «чрезвычайная ситуация» является лишь одним из множества вызовов управления ЧС в условиях глобализации. К одному из наиболее важных вызовов относится быстрое распространение угроз и событий. Глобализация обуславливает быстрое распространение различных угроз, таких как пандемии, природные катастрофы и кибератаки. Особенно эта проблема возникает в случае ЧС, связанных с распространением заболеваний. Глобализация и ее свойства являются катализаторами ускорения глобальных катастроф. Например, изменение климата может играть важную роль в возникновении и передаче определенных заболеваний; тенденция к урбанизации мирового населения, наряду со значительным ростом самой численности населения, является фактором, который может ускорить превращение эпидемических вспышек в пандемические бедствия благодаря социальной глобализации. Кроме того, вследствие экономической взаимозависимости растет и экономическая уязвимость. Глобализация связывает мировую экономику, и чрезвычайные ситуации могут иметь глобальные экономические последствия. Например, пандемия COVID-19 привела к серьезным экономическим последствиям по всему миру. Факторы глобализации делают социально-технические и экономические системы уязвимыми перед пандемиями, такими как пандемия коронавируса COVID-19, и затрудняет управление ЧС и кризисами в целом. Следовательно, ответные меры и реакция органов управления должны быть не менее быстрыми и глобальными.

Другой проблемой является сложность координации и сотрудничества. Управление ЧС требует сотрудничества и координации на

международном уровне, что может оказаться сложным из-за различий в политике, культуре, языке и правовых системах разных стран. Помимо проблемы недостаточно налаженных связей между органами власти одного уровня (например, министерствами здравоохранения и чрезвычайных ситуаций) существует проблема слабых связей между различными секторами и уровнями власти разных стран. Пандемия COVID-19 стала примером глобальной чрезвычайной ситуации, когда сотрудничество было необходимо между множеством ведомств, и закрытые внутренние системы часто представляли для этого преграду. Также существует проблема сохранения суверенитета государств в момент оказания ему международной помощи или при осуществлении сотрудничества при ЧС. Страны часто стремятся сохранить контроль над собственными территориями и ресурсами, даже в условиях кризиса. В таких ЧС, как природные бедствия или эпидемии, страны могут опасаться потери контроля над своей территорией и ресурсами, если они допустят международное вмешательство. Решение этой проблемы требует баланса между суверенитетом государств и необходимостью сотрудничества в чрезвычайной ситуации. Важно разработать механизмы сотрудничества и соглашения, которые бы учитывали интересы и права государств, но при этом обеспечивали эффективное реагирование на кризисы.

Кроме того, существует неравенство в подходах, стратегиях и ресурсах между развитыми и развивающимися странами. Хотя на сегодняшний день 101 государство-член ООН разработало стратегии действия во время ЧС, многие бедные ресурсами развивающиеся страны с трудом реализуют их без зарубежной помощи в развитии, наращивании потенциала и передаче технологий. Согласно уже упомянутой Сендайской рамочной программе по уменьшению опасности бедствий, одной из задач является укрепление международного сотрудничества с развивающимися странами в их стремлении реализовать свои национальные стратегии уменьшения опасности бедствий и минимизировать потери в результате стихийных бедствий.

К другим негативным последствиям глобализации в контексте управления ЧС можно отнести информационные вызовы, связанные с перегрузкой информационной среды дезинформацией и слухами. Это может затруднять эффективное принятие решений и коммуникацию в условиях кризиса. Частичное решение этой задачи связано с использованием новых

информационных технологий, таких как таксономия и семантический поиск на основе искусственного интеллекта.

Помимо проблем, связанных с усложнением процесса менеджмента ЧС, следует также выделить проблему появления новых видов катастроф и чрезвычайных ситуаций, по своей природе связанных или усиленных глобализацией. Условия, в которых могут происходить катастрофы, за последние годы кардинально изменились из-за глобализации, вызванной технологическими инновациями и мощной индустриализацией. К новым факторам, влияющим как на возникновение ЧС, так и на их интенсивность, относятся увеличивающаяся плотность населения, урбанизация, глобализация и изменение климата, а также цифровизация. Например, глобальное изменение климата как новый вызов глобализации ведет к усилению как глобальных, так и региональных катастроф, таких как лесные пожары, наводнения, ураганы и даже затопления территорий целых государств [11]. Глобализация цифрового пространства также ведет к увеличению рисков новых катастроф техногенного характера, таких как угрозы кибербезопасности. В условиях глобализации кибератаки могут направляться на глобальные системы, включая критическую инфраструктуру и государственные органы, что создает угрозу для безопасности и стабильности. Глобализация политического пространства ведет к интенсификации людских потоков, влияет на миграцию и может вызывать гуманитарные кризисы, требующие координации мер по обеспечению безопасности, здоровья и жизнеспособности мигрантов и беженцев. С таким кризисом столкнулись европейские государства в 2015 г.

Таким образом, глобализация представляет целый комплекс вызовов, с которым государствам и научному сообществу еще предстоит справиться. Решение этих проблем требует согласованных усилий от государств, международных организаций, гражданского общества и частного сектора. Необходимо разрабатывать глобальные стратегии управления чрезвычайными ситуациями, улучшать международное сотрудничество и совершенствовать системы мониторинга, обмена информацией и реагирования на чрезвычайные ситуации.

С другой стороны, управление чрезвычайными ситуациями в условиях глобализации имеет и несколько преимуществ, которые могут способствовать более эффективной и координированной реакции на кризисные ситуации.

В первую очередь, это связано с большими возможностями в решении вопросов управления и предупреждения ЧС. Глобализация значительно расширяет ресурсы стран, столкнувшихся с ЧС, и возможности экспертизы. Она позволяет множеству стран и организаций объединить свои ресурсы и экспертизу для более эффективного управления ЧС. Мировое сообщество может предоставлять необходимые финансовые и технические ресурсы для борьбы с кризисами. Так, например, в 2020 г. Китай предоставил более 4,2 млрд защитных костюмов, 8,4 млрд наборов для тестирования и 372 млрд масок, а также другие необходимые поставки для борьбы с коронавирусом 150 странам и 13 международным организациям. Кроме того, 37 китайских медицинских экспертных групп были отправлены в 34 страны. В 2021 г. Китай предоставил более 2 млрд доз вакцины против COVID-19 более чем 120 странам и международным организациям, что сделало его ведущим поставщиком вакцин в мире [12].

В 2015 г. на Всемирной конференции по уменьшению опасности бедствий была выдвинута Инициатива по климатическим рискам и системе раннего предупреждения. В рамках этой инициативы было привлечено 330 млн долл. для поддержки широкого спектра проектов для наименее развитых стран и малых островных развивающихся государств, включая улучшенные прогнозы погоды и усовершенствованную систему предупреждения о внезапных наводнениях для стран Западной Африки. На Саммите по борьбе с изменением климата 2019 г. было запущено Партнерство по ранним действиям с учетом рисков, организованное секретариатом Международной федерации обществ Красного Креста и Красного Полумесяца, цель которого – обезопасить 1 млрд чел. от стихийных бедствий к 2025 г. Другая организация, Партнерство Африканского Рога по раннему предупреждению и оперативным действиям, была создана в 2020 г. в Стокгольме. В состав Партнерства входят правительство Швеции, Межправительственный орган по вопросам развития, Управление ООН по уменьшению опасности бедствий и Всемирная продовольственная программа. Деятельность организации направлена на поощрение трансграничного сотрудничества и решение сохраняющихся проблем в области продовольственной безопасности и борьбе с засухами и их последствиями во всем регионе.

Глобализация способствует обмену опытом и лучшими практиками в области управ-

ления ЧС. Страны могут учиться друг у друга, изучать успешные кейсы и применять их в собственных регионах. В условиях глобализации легче обращаться за помощью к мировым экспертам и специалистам. Это особенно важно в случае научных и медицинских чрезвычайных ситуаций, таких как эпидемии или пандемии. Также страны могут обмениваться информацией в сфере НИОКР. Достижения науки в области метеорологии, прогнозирования погоды и спутниковых снимков, а также более эффективное управление рисками снижают потери во время чрезвычайных ситуаций. Однако в данный момент распределение современных технологий неравномерно, и глобализация может позволить решить проблему нехватки технологий в отдельных странах и регионах. На данный момент только половина из 193 членов Всемирной метеорологической организации имеет системы раннего предупреждения о множественных опасностях, и существуют серьезные пробелы в сетях метеорологических и гидрологических наблюдений в Африке, некоторых частях Латинской Америки и в островных государствах Тихого океана и Карибского бассейна. Китай активно участвует в обмене ресурсами с другими странами. Так, китайский Национальный научно-технический центр по уменьшению опасности бедствий, использующий в своей работе новейшие системы слежения, предоставляет мировому сообществу свои карты и спутниковые снимки, что возможно благодаря его партнерству с Платформой космической информации ООН и участию в Управление ООН по уменьшению опасности бедствий.

Глобализация также позволяет быстрее реагировать на ЧС. Международные организации и государства могут координировать свои действия и предоставлять помощь в более короткие сроки. В эпоху глобализации возможно своевременно принять глобальные ответные меры после возникновения стихийного бедствия и оказать существенную помощь пострадавшим странам и сообществам в восстановлении и поддержании в рабочем состоянии служб здравоохранения. Например, такой ответ на ЧС можно было наблюдать после землетрясения в Непале в 2013 г. Первая спасательная команда прибыла в день землетрясения. В течение следующих двух недель прибыло 76 городских спасательных и поисковых команд, включая 2242 человека персонала и 135 собак-спасателей из 31 страны. Они спасли сотни людей, оказали помощь еще тысячам и распределили продовольствие и материалы для укрытия в городских районах [2].

Таким образом, глобализация способствует усилению гуманитарных усилий в ответ на чрезвычайные ситуации. Гуманитарные организации и международные организации могут быстрее и эффективнее предоставлять помощь пострадавшим, хотя роль международных организаций в управлении чрезвычайными ситуациями остается спорной [1].

Таким образом, очевидно, что глобализационные процессы, несмотря на имеющиеся отрицательные эффекты, в целом могут оказывать положительное воздействие на менеджмент ЧС. Следовательно, нет необходимости отказываться от вовлечения в эти процессы, однако требуется предпринять определенные усилия по повышению эффективности глобального сотрудничества в сфере ЧС. Повышение эффективности управления чрезвычайными ситуациями в условиях глобализации требует комплексного подхода и сотрудничества государств, международных организаций, гражданского общества и частного сектора.

В качестве одного из направлений по преодолению вызовов глобализации в области управления ЧС можно обозначить разработку глобальных стратегий реагирования. Эти стратегии должны быть адаптированы к конкретным регионам и секторам. Считается, что структура механизма международного сотрудничества по управлению чрезвычайными ситуациями должна включать четыре аспекта: организационную структуру управления чрезвычайными ситуациями, процедуры действий, гарантийную систему и правовую основу [13]. Отталкиваясь от этой общей системы и учитывая местные и ситуативные особенности, государства и организации могут разрабатывать стратегии реагирования для преодоления одного из важнейших признаков кризиса – неопределенности. Кроме того, создание стратегий может дать возможность обходить узкие места в законодательстве и позволять избегать конфликтных ситуаций, связанных с такими вопросами, как суверенитет, национальный интерес и глобальная безопасность.

В борьбе с вызовами глобализации может помочь создание международных механизмов сотрудничества. Страны должны активно сотрудничать через международные организации, такие как ООН, Всемирная здравоохранительная организация и другие, для обмена информацией, ресурсами и экспертизой в чрезвычайных ситуациях. Вовлечение международных организаций, действующих в правовом поле и выступающих с нейтральных позиций, могут

позволить избежать трений относительно вмешательства в суверенные дела государства. Также необходимо разработать более совершенные механизмы обмена информацией между странами. Повышение прозрачности позволит снизить градус недоверия между странами. С другой стороны, необходимо разработать правовые механизмы, позволяющие избегать ситуаций, когда под видом помощи при ЧС одно государство насильно вмешивается во внутренние дела другого государства.

Также важным направлением, на которое необходимо обратить более пристальное внимание, является обучение и обмен технологиями. Государства и международные организации должны инвестировать в обучение и подготовку персонала для управления ЧС. Также глобальное сообщество должно инвестировать в гуманитарные и медицинские ресурсы, чтобы быстро реагировать на кризисные ситуации. Это позволит снизить разрыв между развитыми и развивающимися странами и тем самым – необходимость непосредственного вмешательства во внутренние дела государства.

Следует также развивать науку по управлению ЧС. Это касается как практических, так и теоретических аспектов. Развитие и внедрение современных технологий, таких как системы мониторинга, связи и аналитики данных, может улучшить способность реагировать на чрезвычайные ситуации. Эффективное использование цифровых инструментов может ускорить процессы управления. С развитием новых технологий, таких как искусственный интеллект и автоматизированные системы, управление чрезвычайными ситуациями требует адаптации к современным средствам и методам.

Необходимо разрабатывать новые подходы к оценке рисков. В целом существует множество способов категоризации проблем риска. Многие из них связаны с серьезностью последствий и степенью их неопределенности [14]. Эти перспективы и подходы, которые в значительной степени можно рассматривать как научные школы, включают в себя такие направления, как «наука о безопасности» (включая социотехнические аспекты, теорию сложности и анализ устойчивости), «управление рисками и системные структуры рисков», «постнормальная наука», «управление качеством и наука о рисках» [4]. Повышение эффективности управления чрезвычайными ситуациями в условиях глобализации требует совместных усилий и стратегического планирования на мировом, региональном и национальном уров-

нях. Согласно современным подходам к оценке рисков «открытость, прозрачность, диалог и участие являются общими чертами систем разумного управления рисками» [4]. В условиях глобализации необходимо быть готовым к различным типам сценариев, в том числе непредсказуемым. Следует опираться на имеющиеся знания и укреплять их, именно подход к преодолению рисков, основанный на адаптации и обучении, является наиболее эффективным.

Страны и организации должны работать над согласованием и стандартизацией процедур и протоколов управления чрезвычайными ситуациями. Это позволит улучшить координацию и обмен информацией. Транснационализация политики ЧС требует переосмысления концепции и динамики, окружающей ее. Если ранее, например у Шмитта [15], управление чрезвычайными ситуациями ассоциировалось с образом единоличного и единовластного лидера государства-диктатора, берущего на себя всю полноту власти в период кризиса, то сейчас необходимо перейти к более диффузным формам власти, осуществляемой на меж-, над- или транснациональном уровне. Создание сетевых партнерств между государственными и частными секторами может способствовать более гибкому и ресурсосберегающему управлению ЧС.

Глобализация является важным фактором формирования современной политики в сфере управления ЧС. События 2020-х гг., а именно пандемия коронавируса COVID-19, и последствия глобального изменения климата указывают на неизбежность и необратимость процессов глобализации. Мировая общественность столкнулась с новой реальностью, где ЧС невозможно управлять исключительно на внутрисполитическом уровне. Таким образом, изучение вызовов и перспектив глобализации является важным аспектом современной науки об управлении ЧС.

К основным вызовам глобализации можно отнести следующие. Во-первых, это проблема национального суверенитета государств. Хотя ЧС чаще всего относится к ведению органов внутренних дел, в некоторых случаях – когда чрезвычайная ситуация имеет глобальный характер или когда государство не в состоянии справиться с последствиями гуманитарной катастрофы самостоятельно – возникает вероятность включения в проблему иностранных государств и международных организаций. Нежелание ослаблять суверенитет может привести к росту жертв катастрофы или неадекват-

ному информированию мирового сообщества о последствиях ЧС. С другой стороны, чрезмерное присутствие иностранного государства в пространстве ЧС может привести к частичной потере суверенитета. Государствам необходимо искать баланс между глобальным менеджментом ЧС и суверенной внутренней политикой. Возможным решением может стать активное вовлечение международных организаций в создание совместных международных механизмов и стратегий реагирования на ЧС.

Во-вторых, это неравномерность технического и профессионального оснащения стран в области управления ЧС. Многие развивающиеся страны не в состоянии самостоятельно реагировать на кризисы без гуманитарной помощи со стороны развитых стран. Необходимо развивать не только каналы гуманитарной помощи, направленной на решение конкретных задач при отдельно взятых ЧС, но также и инвестировать в развитие технологий, обучение специалистов и формирование эффективной политики для создания более сбалансированной глобальной системы управления ЧС.

В-третьих, важно понимать, что глобализация мирового пространства как явление уже изменило природу многих ЧС. Растет угроза глобальных чрезвычайных ситуаций, таких как пандемии заболеваний и киберугрозы. Также большую угрозу представляет глобальное изменение климата, ведущее к интенсификации природных катастроф по всему земному шару. В связи с этим необходимо пересмотреть стратегии реагирования на ЧС и создать более эффективные механизмы по их предотвращению и регулированию.

Тем не менее глобализация сама по себе может приносить не только угрозы и вызовы, но и позитивные тенденции в области менеджмента ЧС. Процесс глобализации значительно расширил ресурсные возможности стран и снизил риски и негативные последствия ЧС, особенно для развивающихся стран. Кроме того, благодаря глобализации стал возможен транзит технологий и информации между странами и регионами. Это повысило эффективность в предсказании, предотвращении и управлении ЧС. Таким образом, несмотря на очевидные вызовы, глобализация значительно повысила скорость и эффективность управления ЧС по всему миру.

Нет необходимости в отказе от процесса глобализации в области управления ЧС, вместо этого необходимо предпринять ряд действий, направленных на повышение эффективности

международного сотрудничества: создавать новые механизмы в области сотрудничества и обмена информацией, а также использовать новые подходы к оценке рисков в условиях глобализации. Процесс международной интеграции органов, отвечающих за реагирование на ЧС, должен происходить в условиях взаимного уважения к суверенитету и строго регулироваться международным правом. Наиболее эффективными направлениями можно считать создание специализированных международных организаций, международных стратегий реагирования на ЧС, а также оперативных каналов обмена достоверной информацией.

Список литературы

1. Heupel M., Koenig-Archibugi M., Kreuder-Sonnen C., Patberg M., Séville A. Emergency politics after globalization // *International Studies Review*. 2021. Vol. 23, iss. 4. P. 1959–1987. <http://dx.doi.org/10.1093/isr/viab021>
2. Karkee R. Globalization, Global Health, and Disaster // *Front Public Health*. 2015. Art. 262. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2015.00262>
3. Alexander D. Globalization of disaster: Trends, problems and dilemmas // *Journal of International Affairs*. 2006. Vol. 59, iss. 2. P. 1–22.
4. Aven T., Zio E. Globalization and global risk: How risk analysis needs to be enhanced to be effective in confronting current threats // *Reliability Engineering & System Safety*. 2021. Vol. 205, iss. 8. Art. 107270. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ress.2020.107270>
5. Глобализация: проблемы конкуренции и интеграции : сб. ст. / сост. М. И. Гельвановский. М. : РГГУ, 2013. 208 с.
6. David D. Badie B. Lafindesterritoires. Essai sur le désordre international et l'utilité sociale du respect // *Politique Étrangère Année*. 1996. Vol. 61, iss. 1. P. 220–221.
7. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : федер. закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ (ред. от 14.04.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Вакарёв А. А. Гуманитарные общественные организации в системе по чрезвычайным ситуациям современной России // *Проблемы современной экономики*. 2009. № 4. С. 93–96
9. Proposed Updated Terminology on Disaster Risk Reduction: A Technical Review. The United Nations Office for Disaster Risk Reduction, August 2015. URL: https://www.preventionweb.net/files/45462_backgroundpaperonterminologyaugust20.pdf (дата обращения: 07.09.2023).
10. Altay N., Green W. G. OR/MS research in disaster operations management // *European Journal of Operational Research*. 2006. № 175. P. 475–493. <http://dx.doi.org/10.1016/j.ejor.2005.05.016>
11. Лоскутов Э. Е., Марков С. А. Изменения климата и предупреждение рисков катастроф // *Технологии гражданской безопасности*. 2012. Т. 9, № 4 (34). С. 94–97.
12. Luo Zh. China's Foreign Aid and International Development Cooperation in a COVID-19 Pandemic World // *China International Development Cooperation Agency*. June 2022. URL: http://subsites.chinadaily.com.cn/cidca/2022-06/14/c_770501.htm (дата обращения: 07.09.2023).
13. 马慧敏, 杨青. 突发公共危机应急管理国际合作机制研究 // 《武汉理工大学学报: 信息与管理工程版》2008年第6期 (Ма Хуйминь, Ян Цин. Исследование механизма международного сотрудничества для экстренного управления внезапными общественными кризисами // *Журнал Уханьского технологического университета: издание по информатике и менеджменту*. 2008 г. Вып. 6. С. 944–947).
14. Aven T. *The Science of Risk Analysis: Foundation and Practice*. New York : Routledge, 2020. 330 p.
15. Schmitt C. *Political Theology. Four Chapters on the Concept of Sovereignty*. Chicago : University of Chicago Press, 2005. 70 p.

Поступила в редакцию 17.09.2023; одобрена после рецензирования 27.09. 2023; принята к публикации 29.09.2023
The article was submitted 17.09.2023; approved after reviewing 27.09. 2023; accepted for publication 29.09.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 482–486

Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 482–486

<https://soziopolit.sgu.ru>

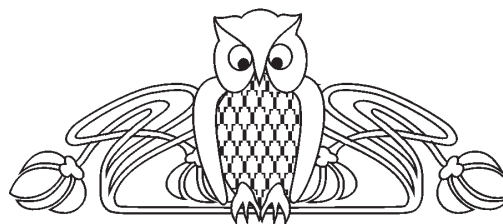
<https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-482-486>, EDN: JZDODC

Научная статья

УДК 37.035.4

Использование видеоигр в патриотическом воспитании

Н. С. Барановский

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Барановский Никита Сергеевич, аспирант кафедры политических наук, anreal32@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3684-0312>

Аннотация. В статье анализируется возможность применения видеоигр для патриотического воспитания молодежи. Представлен опыт зарубежных и отечественных разработчиков игр по наполнению их политическим контентом, формирующим у пользователей определенное отношение к политике, к её прошлому и настоящему, ценностям и субъектам. Отмечены риски, которые могут возникнуть при использовании видеоигр как средства патриотического и гражданского воспитания и которые важно учитывать при проектировании и реализации такой воспитательной технологии. Кроме того, предложены некоторые вариации видеоигр, способные сформировать патриотические чувства у игроков.

Ключевые слова: патриотическое воспитание молодёжи, видеоигры

Для цитирования: Барановский Н. С. Использование видеоигр в патриотическом воспитании // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. 2023. Т. 23, вып. 4. С. 482–486. <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-482-486>, EDN: JZDODC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Using video games in patriotic education

N. S. Baranovsky

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikita S. Baranovskiy, anreal32@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3684-0312>

Abstract. The article analyzes possibility of using video games for the patriotic education of youth. The experience of foreign and domestic game developers in filling them with political content is presented, which forms a certain attitude among users to politics, to its past and present, its values and subjects. The risks that may arise when using video games as a means of patriotic and civic education and that are important to consider when designing and implementing such educational technology are noted. In addition, the author suggests some variations of video games that are able to form patriotic feelings among the players.

Keywords: patriotic education of youth, video games

For citation: Baranovskiy N. S. Using video games in patriotic education. *Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology*, 2023, vol. 23, iss. 4, pp. 482–486 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1818-9601-2023-23-4-482-486>, EDN: JZDODC

This is an open access distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Последние десятилетия среди политиков и политологов были популярны рассуждения о необратимости нынешней глобализации, о комфорте, которые она несёт людям, отказавшимся от национально-государственной политической и культурной идентичности и осознавшим себя «гражданами мира». Сегодня ситуация в нашей стране и большей части остального мира изменилась. Возникли новые угрозы, связанные с миграционными процессами, экономическими кризисами, распространением терроризма и т.д. Для противодействия им необходим про-

веренный историей инструмент – сильное и суверенное национальное государство. Подобное государство существует во многом благодаря поддержке его интересов большинством граждан. Политике понадобились патриоты, люди с устойчивой национально-государственной идентичностью.

В 2021 г. в Российской Федерации начал действовать федеральный проект «Патриотическое воспитание». Для специалистов, занятых сегодня изучением опыта и современных технологий воспитательной работы государства с

молодёжью эта инициатива стала стимулом к обсуждению (на уровне анализа дефиниций и практической организационной работы) вопроса о разумности выделения патриотического воспитания в самостоятельное по отношению к гражданскому (политическому) воспитанию направление государственного участия в работе с молодёжью.

С одной стороны, внешнеполитическая обстановка сегодня такова, что именно патриотические настроения граждан, особенно молодых, являются важным ресурсом для функционирования всех механизмов государственной политики в условиях давления на них извне (экономического, правового и информационного). С другой стороны, при решении любой политической задачи важно не вырывать её из контекста. Для патриотического воспитания контекстом являются задачи и ресурсы воспитания политического, т.е. воспитания, нацеленного на формирование у молодых людей общего позитивного отношения к политике, реализуемой Российским государством, понимания её смысла и цели в связи со специфическими национально-государственными интересами России в современном дружественном и не дружественном по отношению к ней современном мире. Патриотическое и гражданское воспитание соотносятся, по нашему представлению, как задачи частная и общая. Задачи связаны между собой, но каждая, тем не менее, имеет специфику в технологиях решения и в ожидаемом результате. Особенно это заметно сегодня, когда основой патриотического воспитания стали в основном консервативные ценности, тогда как в воспитании гражданском всё ещё значительное место занимают ценности либерального свойства, соответствующие общей либеральной направленности российской правовой, экономической, образовательной и социальной политик. Поэтому в практической воспитательной работе важно, чтобы эти задачи решались одновременно, но не подменяли и не подавляли друг друга, чтобы патриотизм молодого гражданина опирался не на одно чувство любви к Отечеству, а ещё на понимание конкретных интересов своего Отечества и средств, которыми он может помочь их, этих интересов, реализации.

В настоящее время мы достигли того момента, когда нужды государственного управления диктуют необходимость ответа на вопрос о том, можно ли и как добиться того, чтобы в воспитании молодого человека патриотом и гражданином было больше органичности и меньше противоречий.

Одним из средств соединения патриотического чувства с гражданским разумом являются, на наш взгляд, видеоигры. Видеоигры стали неотъемлемым элементом досуга молодёжи, и недальновидно было бы не использовать такой важный инструмент.

В данной статье под видеоиграми понимаются игры с использованием изображений, сгенерированных электронной аппаратурой, в которых игрок действует в рамках установленных правил для достижения цели. Их популярность в России доказывает статистика наиболее популярного онлайн-сервиса цифрового распространения компьютерных игр и программ под названием «Steam». Согласно его данным, на Россию приходится 5,0% от общемирового глобального трафика серверов компании. В этом плане Россия уступает лишь Китаю, на который приходится 21,4%, и США, которые занимают 17,0% от общемирового трафика [1]. При этом стоит учитывать, что многие крупные компании приостановили свою деятельность на территории России и их продукция официально не продаётся.

Необходимость использовать видеоигры в качестве продвижения патриотических ценностей высказал председатель Комитета Государственной Думы по информационной политике, информационным технологиям и связи А. Е. Хинштейн. Депутат заметил, что видеоигры обладают политическим потенциалом и оказывают очень сильное влияние на молодёжь [2]. Данная инициатива была поддержана другими представителями законодательной власти, например, депутат Госдумы М. В. Бутина заявила, что в видеоигры возможно интегрировать патриотический посыл [3]. Кроме этого, в рамках государственной программы по патриотическому воспитанию граждан был проведён чемпионат по киберспорту под названием «Мир танков. Помним все», что показывает стремление государства двигаться в направлении использования видеоигр для патриотического воспитания [4]. Для разработки видеоигр с патриотическим посылом была необходима консолидация государства и игровых компаний, которые взяли бы на себя функцию создания подобных проектов. Связи с этим посредством общественной организации «Институт развития интернета» был выделен грант в размере 260 млн руб. новосибирской студии Cyberia Limited на создание видеоигры с патриотическим уклоном. Игра, разработка которой уже началась, носит название «Смута» и будет посвящена событиям Смутного времени в Российском царстве. Разработчики видеоигры

«Смута» отметили, что вдохновлялись игрой американской студии Sucker Punch Productions под названием «Ghost of Tsushima», события которой разворачиваются во время первого монгольского вторжения в Японию, когда в 1274 г. монгольско-корейский флот хана Хубилая захватил острова Цусима и Ики [5].

Несмотря на большой объём научных работ по патриотическому воспитанию, вопрос использования видеоигр в этом процессе практически не рассматривался. Существует всего несколько работ по данной тематике, например статья М. А. Морозовой и К. О. Зорина, в которой исследователи рассматривали степень эффективности видеоигр в изучении исторических событий. Авторы пришли к выводу, что использование военных компьютерных видеоигр для молодёжи можно рассматривать как дополнительное субъектно-ориентированное средство патриотического воспитания [6]. Вопрос патриотического воспитания в видеоиграх также поднимался в работе Н. В. Матвеева и Е. В. Федоткина, которые выявили, что учащиеся с энтузиазмом подходят к вопросу изучения российской истории с помощью видеоигр [7]. Тем не менее, учитывая заинтересованность государства в использовании видеоигр как инструмента для патриотического воспитания, следует ответить на вопрос: какого характера должна быть видеоигра, чтобы не просто отобразить исторические события, но и вызвать у молодёжи как заинтересованность в изучении истории, так и любовь к своей стране?

Опыт использования видеоигр в качестве инструмента для патриотического воспитания в мировой истории уже имеется. Героизация военных подвигов в США осуществляется во многом благодаря видеоиграм. Западные игровые компании множество раз героизировали действия США во время войны во Вьетнаме. Начиная с 1981 г. было выпущено 39 игр, посвящённых вьетнамскому конфликту, и в большинстве из них людям предлагается сыграть за представителей американских войск [8]. Очень популярной тематикой для разработчиков видеоигр является Вторая мировая война, события которой пытались пересказывать студии из разных стран. Исследования показывают, что молодёжь очень часто получает знания о ключевых событиях Второй мировой войны благодаря видеоиграм [9]. Авторы данных исследований указывают на то, что существует проблема, связанная с преобладанием игр в России по Второй мировой войне от западных разработчиков, где мало уделяется внимания сражениям на восточном фронте, из-за чего игроки могут

считать, что СССР внёс гораздо меньший вклад в победу по сравнению с союзниками. Однако вполне естественно, что разработчики определённого государства хотят показать вклад именно своей страны, и данная тенденция никак не связана с «государственным заказом» и желанием приуменьшить победу СССР.

Видеоигры могут удовлетворить желание человека стать героем определённой эпохи, способным повлиять на исторические события. Обычно данная потребность возникает при знакомстве с историческими материалами, производящими впечатление на читателя. К этим сюжетам можно отнести войну за независимость США, Великую французскую революцию, Вторую мировую войну и т.д. Этим прекрасно пользовались различные игровые студии, например, французская компания Ubisoft создала крайне популярную серию игр под названием «Assassin's Creed». Привлекая к разработке исторических консультантов, разработчики смогли показать различные исторические события, такие как завоевания викингов в IX в., Крестовые походы, Промышленную революцию и другие сюжеты. Кроме того, следует отметить такие серии игр, как «Total War» и «Crusader Kings», в которых разработчики в точности передали территориальное и конфессиональное деление, имена правителей, организацию армии и прочие детали различных государств определённой исторической эпохи. В отличие от «Assassin's Creed», где игроку предлагается взять на себя роль отдельно взятого персонажа, игры серий «Total War» и «Crusader Kings» представляют жанр стратегии, дающий возможность игроку управлять целым государством. Благодаря подобным видеоиграм молодёжь знакомится с ключевыми историческими событиями как от лица отдельно взятого рядового гражданина, так и от лица правителя государства.

Довольно результативным инструментом для патриотического воспитания могут послужить видеоигры жанра стратегии. Существует множество фэнтезийных и исторических стратегий, в данном случае мой научный интерес вызывают именно вторые. Из конкретных примеров рассмотрим серию игр «Total War», разработанных британской компанией The Creative Assembly. Видеоигра помещает игрока в реальные условия определённой эпохи и даёт возможность конструировать будущее государства в рамках игрового мира. Согласно правилам большинства исторических стратегий, игрок достигает победы, когда подконтрольное ему государство становится значительно сильнее

относительно других стран. Это может быть достигнуто путём военных побед, экспансии (в некоторых частях серии «Total War» игрок мог просто купить необходимые для победы территории, либо занять области, которые отделились от основной территории другого государства из-за захвата восставшими части земель). В некоторых экономических стратегиях, например в играх серии «Civilization», игрок может достигнуть научной, религиозной, дипломатической и культурной победы. Видеоигры жанра стратегии побуждают игрока прилагать усилия для того, чтобы подконтрольное ему государство достигло всевозможных успехов. Думается, данная особенность способна вызвать желание игрока направить усилия на улучшение жизни в реальной стране, задача государства направить эти усилия в нужное русло.

Важной задачей является выбор тех видеоигр, в которых Россия является привлекательной. Речь идёт, в первую очередь, об игровом балансе. Например, в играх «Empire: Total War» и «Napoleon: Total War» Россия находится в довольно выгодном положении. Большие территории, расположенные на краю игрового мира, которые нетрудно оборонять, ряд крупных городов, таких как Москва, Киев и Санкт-Петербург, наличие выхода в море, которое даёт большие возможности для торговли, моноконфессиональность, обеспечивающая отсутствие религиозных волнений, и экономический потенциал областей становятся важными факторами при выборе игроком подконтрольного государства. Подобные игры вполне можно использовать как исторический материал, особенно учитывая наличие интегрированного в видеоигру исторического справочника, так и возможность для патриотического воспитания.

Ещё одной видеоигрой, которая может выполнять задачу патриотического воспитания, является проект «Atomic Heart» от российской студии Mundfish. Сценарий игрового мира разворачивается в альтернативной версии СССР, которая смогла совершить значительный научный скачок, в результате которого государство стало процветающим. Сама видеоигра получила большой успех в России во многом благодаря элементам культурной идентичности, которые были показаны по ходу сюжета. Игроки смогли услышать популярные советские музыкальные композиции, вспомнить имена известных учёных времён царской России и СССР и лицезреть антураж рядового советского города. Однако конкретно для задачи патриотического воспитания, по нашему мнению, следует использовать концепцию альтернативной реальности,

которую разработчики смогли успешно преподнести. Жанр альтернативной истории вполне может послужить патриотическому воспитанию при условии, что такая видеоигра будет демонстрировать реальный план по достижению светлого будущего, особенно если видеоигра повествует о том, как абсолютно реальное государство развивается до состояния процветающей страны. В «Atomic Heart» присутствует мемориал, ознакомление с которым даёт понимание того, как СССР реального образца стало передовым государством, которое уже демонстрируется в самой видеоигре. Конкретно внезапный научный скачок, который стал ключевым успехом продемонстрированного игрового мира, в действительности трудно достижим, но если использовать вполне реально осуществимый сценарий и показать игроку, как способна преобразиться страна в лучшую сторону, это даст возможность государству использовать видеоигру как интерактивную презентацию того, что оно намерено осуществить в реальности. К тому же государство может получить обратную связь от игроков и исправить некоторые недостатки в своей стратегии, которые, возможно, будут упущены при её разработке. Что касается жанра, то, как нам представляется, следует использовать жанр приключенческой игры или, как его ещё называют, квест, поскольку данный жанр создан для демонстрации интерактивной истории.

Есть ещё проект команды российских разработчиков Soviet Games под названием «Бесконечное лето» и жанр визуальных новелл в целом. Преимущество визуальных новелл состоит в том, что игрок не отвлечён каким-то продуманным и требующим определённых усилий и навыков геймплеем, всё, что от него требуется, – это умение читать. Отличие от книг состоит в том, что визуальные новеллы помимо текста предлагают визуальное (статичные и анимированные изображения) и музыкальное сопровождение. При данных условиях можно интегрировать, допустим, некоторые элементы патриотического и гражданского воспитания. Если создать привлекательный визуальный ряд и органичное музыкальное сопровождение, даже сухой материал будет более привлекателен для молодёжи, а если интегрировать какое-то полезное знание в сценарий, то подобный проект будет ещё более успешен. Возвращаясь к примеру видеоигры «Бесконечное лето», следует отметить, что визуальная новелла больше подходит не для демонстрации светлого будущего, как в «Atomic Heart», или для его конструирования, как в «Total War», а для создания

образа гражданина, которого государство планирует воспитать. В видеоигре «Бесконечное лето» персонажи идеализированы, из-за чего им хочется подражать. Таким образом, если наделить персонажи качествами полностью сформированного гражданина (что тоже является идеализацией) в рамках визуальной новеллы, то данный проект можно использовать для патриотического и гражданского воспитания. Немаловажным преимуществом также является то, что разработка визуальных новелл требует гораздо меньших финансовых вложений по сравнению со многими другими жанрами.

Не так давно В. В. Путин высказал мнение, что «игра должна помогать человеку развиваться, помогать найти себя. Должна помогать воспитывать человека и в рамках общечеловеческих ценностей, и в рамках патриотизма, в хорошем смысле слова, – не квасного, а широкого с гуманитарной точки зрения, основательного» [10]. Таким образом, видеоигры не должны заикливаться конкретно на задаче патриотического воспитания. Думается, стоит учитывать всю широту возможностей, которые предоставляют видеоигры для развития как гражданина, так и личности. Как подчеркнул Президент РФ, видеоигры должны быть «на стыке искусства и образования».

Подводя итог, можно отметить, помимо выгод игровых технологий, и явные риски от их использования. Риски связаны, в первую очередь, с формированием в сознании игрока представления о политике как запрограммированном кем-то и кем-то контролируемом процессе, повлиять на организацию которого игрок не может, а может лишь выбирать из предлагаемых ему условий деятельности и ресурсов что-то ему подходящее. Таким образом может быть сформирована специфическая «пользовательская» культура гражданина, в которой патриотизм будет всего лишь одним из ресурсов, обеспечивающих игроку выгодную позицию. Ещё одной возможной проблемой может стать эскапистский характер видеоигр, в результате которого игрок не станет применять полученные знания в реальной жизни, а в некоторых случаях приобретёт игровую зависимость.

И в качестве последнего риска стоит отметить, что видеоигра – это, в первую очередь, творческий продукт, и игрок оценивает его как некое произведение искусства. И если это произведение будет отталкивающим или не подарит игроку желаемых эмоций, то, соответ-

ственно, такая видеоигра не будет пользоваться популярностью, а значит, станет либо очередной «обязаловкой», либо будет абсолютно бесполезна как инструмент патриотического воспитания.

Список литературы

1. Статистика по загрузкам в Steam // Сайт онлайн-сервиса цифрового распространения компьютерных игр и программ Steam. URL: <https://store.steampowered.com/stats/content/?l=russian> (дата обращения: 04.03.2023).
2. Цена вопроса // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5181284> (дата обращения: 05.03.2023).
3. Продвижение российских видеоигр с патриотическим посылом. URL: <https://smotrim.ru/article/2671435> (дата обращения: 05.03.2023).
4. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016–2020 годы» : постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493. URL: <https://static.government.ru/media/files/8qqYUwwzHUxzVkh1jsKAErrx2dE4q0ws.pdf> (дата обращения: 05.03.2023).
5. Государство поддержит «Смуту» // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5358918> (дата обращения: 06.03.2023).
6. Морозова М. А., Зорин К. О. Использование компьютерных игр в патриотическом воспитании подростков поколения Z // Мир педагогики и психологии. 2021. № 6 (59). С. 44–50. EDN: QPVWTQ
7. Матвеева Н. В., Федоткина Е. В. Особенности разработки и применения образовательных компьютерных игр по английскому языку в патриотическом воспитании молодежи // Концепт. 2021. № 1. С. 1–19. URL: <http://e-koncept.ru/2021/211001.htm> (дата обращения: 06.03.2023).
8. Список компьютерных игр о Вьетнамской войне // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%BF%D0%B8%D1%81%D0%BE%D0%BA_%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%BF%D1%8C%D1%8E%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%BD%D1%8B%D1%85_%D0%B8%D0%B3%D1%80_%D0%BE_%D0%92%D1%8C%D0%B5%D1%82%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9_%D0%B2%D0%BE%D0%B9%D0%BD%D0%B5 (дата обращения: 05.06.2023).
9. Грибан О. Н. Трансформируя память: отражение Второй мировой войны в компьютерных играх // Педагогическое образование в России. 2017. № 2. С. 32–38. <https://doi.org/10.26170/po17-02-05>, EDN: YGAEOV
10. Путин считает, что видеоигры должны прививать людям «не квасной» патриотизм // РИА ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18312639> (дата обращения: 19.07.2023).

Поступила в редакцию 20.07.2023; одобрена после рецензирования 19.08.2023; принята к публикации 10.09.2023
The article was submitted 20.07.2023; approved after reviewing 19.08.2023; accepted for publication 10.09.2023

ISSN 1818-9601

23004

9 771818 960107

ISSN 1818-9601 (Print). ISSN 2541-8998 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: Социология. Политология. 2023. Том 23, выпуск 4

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития

Серия: История. Международные отношения

Серия: Математика. Механика. Информатика

Серия: Науки о Земле

Серия: Социология. Политология

Серия: Физика

Серия: Филология. Журналистика

Серия: Философия. Психология. Педагогика

Серия: Химия. Биология. Экология

Серия: Экономика. Управление. Право

